

Введенский Юрий Николаевич.

Содержание:

Название	Стр.
От автора	4
Часть 1.В глубине веков.	
Основатель рода	5
Из семейного альбома	6
Близкие друзья	10
Третий ребенок	11
Детство	13
Гимназист	14
Отец и сын	16
Судьбы перипетии	17
Часть 2.В Богородицке	
На новом месте	20
В вишневом саду	21
Новая семья	22
Братишка	23
Через годы	26
Замечательный русский доктор (и.В.Карасева)	27
Стекляшечка (Н.К.Рябова)	28
В дороге	29
-случай первый «В метель»	30
-случай второй «Страшный случай»	31
-случай третий «В зимнюю ночь»	33
Время не стерло (А.В. Чучина),(О.К.Савельева)	35
Огромная заслуга	36
С большой теплотой (Г.И.Селиванова)	38
Для профилактики	39
Память жива (Т.И.Еремеева)	41
Из Тулы (Л.Т.Трофимчик)	42
Испытала на себе	42
Святой	43
Важная тема	45
В Пасхальную ночь (М.И.Вазина)	46
Конец лета	46
Через железную дорогу (Р.В.Сафонова)	48
Мечты и надежды	49
Часть 3.Великая Отечественная война	
Это война	50
«22 июня 1941 года»	52
И радостно и грустно	53
Оккупация	54
Дочь доктора	55
Встреча с детством	57
«Врачам-хирургам» стихотворение. (А.С.Сафонов)	59
В тылу	59

Спасибо добрым людям! (Е.И. Метелкина)	60
Письмо с фронта	61
Эпизоды войны	63
Посылки с фронта	65
«Урок доброты» (стихотворение)	66
Война окончена	68
Окончена не для врачей	69
Часть 4. В мирное время.	
Такое не забывается	71
Вместе с ним	72
Школьный фельдшер (Ю. Л. Калайтанова)	73
Готовимся к зиме	74
Однажды ночью	75
Достоин памяти потомков (И.Р. Курченкова, В.Р. Курченков)	76
Доктор милостью Божьей (Л.И.Петрова)	77
« Я горжусь его судьбой» (стихотворение А.С.Сафонов)	78
В послевоенное время	79
Он не стеснялся (Л.Н. Миловедченкова)	81
Вернемся назад	81
По рассказам очевидцев (Л.И.Архангельская)	83
Не подходи! Укушу!	83
Босоножки	85
Теперь понятно	87
Посмотреть спектакль	88
Другая малая родина (К.Г.Сорокина)	90
И снова о малярии	91
Из воспоминаний (Р.Е. Трегубова)	92
Мое решение	92
До и после войны	93
Наш доктор (Т.Т. Кучеркова)	93
От хора «Ветеран»	94
Врач широкого профиля (Н.М. Кузнецова и др.)	94
Глазами ребенка	95
Воспоминания о чуде – докторе (Т.В. Глебова)	96
Два папы	97
Всей семьей (Л.К.Чурсина и др.)	98
Новым способом	98
Перед практикой	100
И еще про папу	101
В совхозе	103
Вас вызывает начальство	104
Просьбу выполнили	106
И последнее...	107
Гордость Богородицка (Л.А.Иванова)	108
ЭПИЛОГ	110
«Наш папа» (стихотворение)	111
Обращение	112

Варвара Введенская

НА УГЛУ ПУШКИНСКОЙ

Мемориальная доска

Тула
2019

От автора

В городе Богородицке, на угловом частном доме, принадлежащем двум хозяевам (адрес: ул. Луначарского, дом №11) со стороны ул. Пушкинской, напротив поликлиники, с недавних пор висит мемориальная доска, на которой мы видим портрет офицера, его награды и подпись:

Юрий Николаевич
Введенский 30-е годы

**«В этом здании проводил врачебный прием
больных
майор медицинской службы
Юрий Николаевич Введенский»**

Кто он? Какой он? И когда он работал в Богородицке? На этот вопрос могут ответить только люди самого старшего поколения, а их осталось мало. Правда, в районной газете «Богородицкие вести» №36 от 6.09.2018г. в статье «В память о прекрасном человеке и докторе» была попытка ответить на эти вопросы, но допущена существенная неточность.

**Написано: *В память о прекрасном враче, фронтовике,
отзывчивом и внимательном человеке.***

***На углу дома родные и друзья недавно повесили мемориальную доску с
портретом....***

Из этих слов люди поняли, что родные и друзья Ю.Н.Введенского решили этот вопрос самостоятельно, ни к кому не обращаясь, а как говорится, что захотели, то и сделали. Давайте разберемся вместе.

Юрию (Георгию) Николаевичу Введенскому в этом 2019 году исполнится 120 лет со дня рождения. Поэтому при всем желании найти его близких друзей уже невозможно. Из пятерых его детей в живых осталась только я одна, его вторая дочь Варвара Георгиевна Введенская. Больше в Богородицке нет никого с нашей фамилией. А его внуки Введенские живут в Туле, а внучки в С-Петербурге. И самостоятельно устанавливать мемориальную доску в центре города - за это могут оштрафовать. Да и никогда такая мысль в мою голову не приходила. И когда ко мне обратилась инициативная группа с просьбой уточнить его биографические данные и подсказать, кто из богородчан его знал до войны, я не была уверена, что у

них что - то получится. Но эта группа, состоящая из четырех человек, по своей инициативе собрала 26 воспоминаний и еще 38 подписей (всего 64 чел) и обратилась в Совет депутатов муниципального образования город Богородицк и Богородицкого района и в администрацию с просьбой получить разрешение на установление мемориальной доски. А меня попросили помочь написать обращение.

Собрание депутатов рассмотрело этот вопрос 13 июля 2018 года. И вот выписка из его решения:

- 1. Одобрить ходатайство инициативной группы жителей муниципального образования город Богородицк Богородицкого района.**
- 2. Разместить мемориальную доску с целью увековечивания памяти майора медицинской службы Введенского Юрия Николаевича на фасаде дома, расположенного по адресу: город Богородицк, улица Луначарского, дом №11.**
- 3. Контроль исполнения решения возложить на постоянную комиссию по имуществу и земельным отношениям (Федоров И.В.).**
- 4. Решение вступает в силу со дня подписания, и подлежит обнародованию. Глава муниципального образования город Богородицк Богородицкого района Н.А.Зенкина (дата подписания 17.07.2018г**

Часть I

В глубине веков

Основатель рода

Хочу начать эту свою книгу с сообщения о том, откуда и как произошла наша фамилия Введенских. Как ни странно, но этот вопрос в последнее время снова выплыл на повестку дня и стал волновать умы многих.

Да это и понятно. Среди наших родных есть большие ученые, например, Николай Евгеньевич Введенский, физиолог, член Академии наук СССР. Его фамилия стоит наравне с фамилиями Мечников, Сеченов, Павлов. Митрополит Александр Иванович Введенский был главой обновленческой церкви. Одна из жен писателя Горького и жила с ним в Италии, тоже наша родственница, Надежда Ивановна Введенская. Также среди наших родных по крови много не только священнослужителей, но и врачей, учителей, преподавателей музыки и любителей поэтов и писателей, как мужчин, так и женщин.

Начало фамилии положил мой прапрадедушка. Он жил в Москве, недалеко от храма, названного по празднику Введение во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря по новому стилю), крещен в этом храме именем Иоанн, а потом работал там дьячком. По названию храма дали ему фамилию.

Иоанн был красивым, очень верующим, никогда не курил, а тем более не пил. И очень добрым. Похоронен на кладбище рядом с матерью. В их могилы неоднократно похоронены и другие родственники. За могилами ухаживают московские родные.

Эти данные известны давно и споров они не вызывали. Но в недавнее время стали появляться в печати, да и на телеэкране тоже и другие разные версии. Вот одна из них, напечатанная в журнале «Наше радио» под рубрикой «Отгадки», автор Илья Носырев; «Обнова не по плечу». Действительная версия. Называется «Бог для декаденства», **ПРИВОЖУ ДОСЛОВНО:**

«Кто же этот человек, который сыграет одну из главных ролей в рождении обновленческой церкви? Поговаривали, что дед Введенского, псаломщик Новгородской епархии. Александр унаследовал от него тот облик восточного мага, который так очаровывает толпу в священнике. Дед, человек необузданный в пьянстве, весной потащился по льду через Волхов да в реке и остался. В семье рассказывали, что, цепляясь за лед, псаломщик читал себе отходную».

Был ли действительно этот человек или нет, мне уточнить не удалось. Но даже если был, то все равно к нашей семье он никакого отношения не имел.

У нашего прапрадедушки было восемь детей, мальчиков и девочек поровну. Предпоследний из них, Александр, (но это не обновленец, а его дядя) был священником. В народе пользовался авторитетом, этот прадедушка продолжил наш род. Его сын, Николай Александрович Введенский, протоиерей – мой родной дедушка.

Из семейного альбома

К сожалению, я мало что знаю о своих предках. Мое детство проходило при советской власти, которая была не только атеистической, но порой преследовала тех, кто был хоть каким - то образом связан с религией, а тем более с религиозными родственниками. Поэтому когда мы начинали расспрашивать родных про своих дедушек, бабушек и других близких родственников, то от нас тщательно скрывали наше происхождение, придумывая разные версии. А когда старшие понимали, что до нашего сознания все же что-то просачивается на эту тему, то строго предупреждали,

Семья Введенских (слева направо) Агния Ивановна, Юра, протоиерей Николай Александрович, Володя, Зина

чтобы мы помалкивали, иначе нас «посадят в тюрьму». Поэтому о том, что дедушка был священником, я впервые узнала, когда уже перешла учиться в четвертый класс. Но его биографию нам, детям, рассказать отказались.

Мой брат Коля, став взрослым, когда уже не было в живых никого из старшего поколения,

пытался узнать о нашем происхождении, и даже что-то ему удалось сделать, но мне рассказать категорически отказался, боясь

за меня, потому что я, учительница, которую заставляют заниматься атеизмом и периодически отчитываться о проделанной работе, вдруг что-то расскажу своей самой близкой подруге. А та, боясь за себя и свою работу, вдруг расскажет властям. Что тогда станет со мной? А ведь на мою зарплату живет вся мамина семья – семь человек.

Поэтому мало добавлю к тому, что писала в своей книге «Богородицкие были». Думаю, возражать никто не будет, что среди священников есть те, которые работают ради зарплаты, есть разочаровавшиеся и даже атеисты, выступающие против своих убеждений, но наш дедушка, протоиерей Николай Александрович Введенский был искренне убежденный верующий человек. И это чувствовалось в его речи, его взглядах, в его отношении к людям и в нем самом. Поэтому народ ему верил, его любили, а прихожане просто обожали за его доброту, стремление помочь людям, облегчить не только их души, но нередко и помочь материально, отдать последнее, что было у самого.

Дедушка был сыном священника Александра Ивановича Введенского. Родился он 12 апреля 1860 года, закончил семинарию во 2-ом разряде в 1888 году. В те времена священников часто переводили с одного места на другое, поэтому и он несколько раз менял место службы. Большую часть своей жизни дедушка служил в селе Ново-Никольском Крапивенского уезда Тульской губернии. Там он на свои деньги построил школу и учил в ней крестьянских детей. Также некоторое время преподавал в Тульской мужской духовной семинарии. Умер по неточным данным 21 декабря в середине 20-х годов XX века. Похоронен в Туле на Всехсвятском кладбище в семейном

склепе. Более точную дату смерти мне установить не удалось. Брат знал, но его записи погибли при пожаре дома после его смерти. Недавно, разбирая старые письма, я нашла папино письмо, написанное маме из Румынии в 1946 году, где он просит маму помянуть его папу, и указывает, что протоиерей Николай, т.е. его папа, умер 22 июля, но год смерти не написал.

Женой протоиерея Николая была Агния Ивановна Введенская (в девичестве Богоявленская) - дочь дьякона и дворянки. И как это было принято в дворянских семьях, она прекрасно знала французский язык и обучала ему мужа и детей. И дома они нередко разговаривали на французском языке.

Тульская бабушка
Агния Ивановна
Введенская

Дворянские девицы обязательно должны были хорошо петь и владеть каким-либо музыкальным инструментом, чаще это было фортепиано. И бабушка

работала учителем музыки и регентом церковного хора. Мне неоднократно преподаватели музыки говорили, что самый трудный хор- церковный, но бабушка им владела в совершенстве. У нее был абсолютный музыкальный слух и прекрасно поставленный голос. И все это она передала своим детям.

Умерла бабушка в Туле 28 ноября 1944 года от пневмонии, похоронена на Всехсвятском кладбище в могиле, недалеко от храма.

А детей в семье Введенского было трое.

В середине тетя Зина (Зинаида
Николаевна Грачева)-
папина сестра

Старшая Зинаида Николаевна Грачева (Введенская) родилась в 1893 году. Была воспитанницей Московской императорской консерватории, закончила ее по классу фортепиано. Работала учителем в Тульской музыкальной школе и обучала детей на дому. Была замужем за музыкантом Аркадием Грачевым, родила дочь, но рано овдовела. К религии относилась равнодушно, а иногда даже смело называла себя атеисткой. Дочь не крестила, дала ей имя Дина. Но перед смертью

тетя Зина призналась, что в душе всегда была верующей, но боялась за себя и за дочь. И попросила я, чтобы на нее, покойницу надели крест и отпели бы в храме заочно.

Умерла 15 ноября 1969 года. Похоронена, как и просила, на сельском кладбище рядом с дачей.

Ее дочь Дина (1927г.) в 18-летнем возрасте попросила разрешение у матери принять православие и поменять имя. Мать не возражала,

Дина

Дина крестилась Надеждой, когда окончила среднюю школу. И с именем Надежда Аркадьевна Грачева поступила учиться в Петрозаводскую консерваторию по классу фортепьяно (а до этого училась в музыкальной школе, играла на виолончели и выступала в составе ансамбля на концертах). Получила диплом о высшем образовании с отличием. Занималась теорией музыки, имела печатные труды, почетные звания и награды. Последние несколько лет работала завучем в Тульском музыкальном училище. Состояла в гражданском браке, но детей не получилось, вынуждена была разойтись. Умерла в возрасте 56 лет от отравления грибами. Похоронена на сельском кладбище в могиле рядом с матерью.

Хочется добавить, что после смерти дедушки, бабушка, тетя Зина и Дина жили в Туле втроем на улице Фр. Энгельса в трехкомнатной квартире на втором этаже деревянного двухэтажного дома. Все трое были очень добрые и приветливые. И когда кто - нибудь из наших родных по маминой линии приезжал в Тулу, то всегда останавливался у них. Они уступали целую комнату.

Вторым ребенком в семье протоиерея Николая был дядя Володя, (Владимир Николаевич Введенский). Он родился в 1895 году в Туле.

Гимназисты. Тетя
Зина, дядя Володя и
Юра Введенские

Двое старших детей: Зина и Володя - в деревне с родителями жили редко, а в основном в Туле с гувернанткой-немкой, которая воспитывала и обучала их. Гувернантка Татьяна Элианоровна была очень строгая, детей не любила, и за малейшие шалости наказывала: лишала десерта, ставила в угол на колени на рассыпанный горох, придумывала и другие различные козни. Но жаловаться родителям категорически запрещала, угрожала расправами. И дети по-своему, как могли, по - детски мстили ей: старались напугать, закрывали ее любимого котика. А родителям не жаловались. Но все же....

В Туле, на улице Фоминского (новое название Макса Смирнова) жили в собственном доме с большим садом четыре незамужних сестры, двоюродных тети ребят: Мария, Екатерина, Елизавета, Валерия Федоровна. С ними дети делились своими бедами, принимали их сочувствие, но очень просили не рассказывать родителям. А родители видели, что дети ухоженные, всегда чистые, опрятно одетые, и были рады за них.

Володя окончил гимназию на четверки и пятерки с преимуществом пятерок, а затем Петроградской инженерный институт, работал инженером в Москве в министерстве. Из его тульских двоюродных тетей самая младшая, Валерия, была не такая заслуженная как остальные, но самая красивая, и значительно моложе остальных. И так случилось, что

Дядя Володя }

племянник влюбился в свою тетю, а она полюбила его. И они создали семью и жили в Москве.

У них родился сын, он, как и отец, работал в Москве инженером. Женился, у него было два сына: Борис и Роман. Один из них был инженером, а другой врачом. А кто кем, не знаю, я видела только однажды мельком Олега, а сыновей его никогда, и связи с ними не имела. Олег и один из братьев умерли давно.

Дядя Володя умер в Москве в 1970 году, тело кремировали, Валерия привезла урну с прахом в Тулу, похоронила тайно в могиле дальней родственницы.

Вот такова судьба самых близких моему папе родственников, естественно, в какой-то степени она отразилась и на нем.

Добавлю, что когда Зина и Володя выросли и уехали учиться в другие города, бабушка хотела отпустить Татьяну Элианоровну, но та взмолилась со слезами, чтобы ее оставили, потому, что она одинока. И бабушка оставила на сожительство.

Близкие люди

Самой близкой нашей семье Введенских была семья Мелиоранских. Эта дружба уходит в глубину веков.

Наш дедушка, Николай Александрович Введенский и Николай Тимофеевич Мелиоранский почти одновременно окончили духовную семинарию и были направлены в Веневский район Тульской области. У дедушки приход был в селе Воскресенском, через которое проходила железная дорога. А у Мелиоранского - в небольшом поселении Харинов, расположенным очень близко от Воскресенского. Священники дружили семьями.

Их пути сходились и в Туле, когда Мелиоранский был законоучителем Тульской женской семинарии, а дедушка - мужской. Оба как служители культа были лишены избирательных прав.

В 30 гг. XX века священный - благочинный отец Николай Мелиоранский служил в Успенском соборе города Богородицка. В январе 1937 года был арестован. Сущность обвинения - контрреволюционная агитация против партии, правительства, колхозного строя. И хотя вещественных доказательств по делу не было (о чем написано в обвинительном заключении), Мелиоранский Н.Т. содержался под стражей в Тульской тюрьме, а затем отправлен первым этапом в г. Алма-Ата в распоряжении НКВД Казахской ССР. И там 1 декабря 1937 года приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 19 января 1938 года. В мае 1989 года был реабилитирован.

О его дочери, близкой нашей семье Вере Николаевне Карасевой (Мелиоранской), с которой так много связано в довоенные и военные годы, я писала подробно в своей книге «Богородицкие были».

Его внучка, Ирина Викторовна Карасева была и остается мне, как родная сестра. Во время войны, при оккупации фашисты разрушили и сожгли весь наш город, но домик, в котором жили Карасевы, уцелел. Однако в 1942 году они уехали из Богородицка в Тулу и стали там жить у родных.

Но связь наших семей не прервалась. В Туле в музыкальной школе Ирочку учила наша тетя Зина Грачева, а учителем биологии в школе была папина двоюродная тетя Елизавета Федоровна Введенская. И нередко происходили встречи старых друзей на улице М. Смородина.

Дружба наших семей перешагнула в XXI век. Ирочка приезжала к нам в Богородицк, останавливалась у меня. Приходили ко мне родные и двоюродные. Воспоминания, рассказы о настоящем, пожелания. И хотя у нее в Богородицке из родных на кладбище никого нет, в каждый свой приезд она посещает кладбище и ставит цветы на могилы наших родных. В Богородицке из Введенских в живых я осталась одна. И мы с ней часто общаемся по телефону и встречаемся у меня. И каждая такая встреча-это праздник.

А наш Богородицк она не только любит, а правильнее сказать - обожает.

Третий ребенок. Введенский Юрий (Георгий) Николаевич (15 июня 1899 г-12 августа 1952г)

Моя бабушка Агния Ивановна Введенская, жила с мужем в Крапивинском уезде Тульской губернии. Приход протоиерея Николая назывался село Ново - Нихольское. Когда настало время родов, бабушка приехала на несколько дней в Тулу и своего третьего (последнего) ребенка родила в Туле, но в метрике записано, что он родился в Крапивинском уезде. Ребенка называли Юрием (Юрий-это скандинавский перевод греческого имени Георгий). Сейчас церковь крестит ребенка после того, как его регистрируют в ЗАГСе и дадут ему имя, а в те времена было наоборот. Но именем Юрий тогда не крестили, и Юрия окрестили именем Георгий. Поэтому в метрике и паспорте у папы написано Юрий (Георгий). А так, как это одно и то же имя, то и у нас у пятерых его детей, трое Георгиевичей и двое Юрьевичей. Но об этом будет написано позже.

Ребенок рос в деревне у родителей один, из троих детей. Он был очень умный, способный, рано научился читать и писать. И отличался большой добротой, любовью к животным и людям. Всех жалел. Нередко говорил:

- Мамочка, ну зачем ты бьешь мух? Они ведь живые, и им тоже жить хочется.

- Но они садятся на навоз, а потом к нам на хлеб и приносят нам заразу,- отвечала его мамочка.

Да, именно мамочка, а не мама, и тем более не мать,- так сын звал ее всю жизнь. Он, молча, брал полотенце и накрывал им хлеб.

Дедушка занимался пчеловодством. Свежий, только, что откаченный мед он освящал и раздавал бесплатно прихожанам.

Папа и дядя Володя
Введенские.
Начало XX века.

Когда Юрику исполнилось пять лет, то ребенку вменили в обязанность следить за вылетом роя. Он садился на маленькую скамеечку и там молча, мог просиживать часами, не отрывая взгляда от улья. Сначала он пчел боялся, и как только увидит, что пчелы роятся, то в страхе бежит к отцу с криком:

-Папа, пчелы, я их боюсь, они кусаются!

-Не кусаются, а жалят,- поправляет его отец.- Ведь у них нет зубов, а есть жало.

Но вскоре Юрочка привык и даже начал помогать отцу сметать рой.

Потом с разрешения папы он стал играть с деревенскими ребятами в детские игры: хоронюшки, догонялки, лапту. Но ненавидел и никогда не играл в войну. А больше всего любил игру, которая называлась «Чижик» и требовала ловкости. У него хорошо получалось. А заключалась игра в следующем. Заостренная с двух сторон короткая палочка загоняется в круг ударами другой палки.

Встреча с прошлым

Эта встреча произошла в самом начале восьмидесятых годов 20-го века. Я работала в школе, нас учителей химии и биологии, чаще, чем других предметников, заставляли читать атеистические лекции. И хотя я свои выступления строила так, что если к ним строго придраться, то настоящего атеизма в них и нельзя было найти, но внешне казалось, что все хорошо.

Однако ходить в храм, а тем более открыто молиться, как это делал когда-то папа, я боялась, да и не считала это таким обязательным, как он. Но мама перед смертью взяла с меня слово, что поминать ее и папу я буду. Отказать больной умирающей матери я не могла.

Но как это делать? Пользуясь тем, что их могилы с этой стороны самые близкие от храма, я приходила на кладбище еще до начала церковной службы, становилась около захороненной и смотрела на бабушек, которые шли молиться. И к той бабушке, которая внешне, на мой взгляд, располагала к себе, я обращалась с просьбой помянуть моих родителей и давала ей

деньги. Была уверена, что бабушка сделает все, что положено, а если нет, то это на ее совести.

И вот как-то незнакомая старая женщина сама подошла ко мне, поздоровалась. Я ответила:

- Я вашего папу еще мальчиком помню,- сказала мне она.

Я удивилась, но потом решила, что женщина что-то путает, ведь ей по всей вероятности, уже за восемьдесят.

А женщина продолжала:

-Я и вашего дедушку помню.

Тут уж я точно поняла, что женщина меня принимает за другую.

-Но папа, когда был мальчиком, в Богородицке не жил.

- Я знаю - сразу же ответила женщина.- Мы тоже здесь не жили. Я сюда вышла замуж, мой муж из Товарково. А в детстве я жила в Крапивенском районе, где был приход вашего дедушки, протоирея Николая Введенского. Наши родители дружили семьями. Вечерами мои папа с мамой нередко ходили к вашим играть в карты, и я с ними ходила.

-В карты?!- удивилась я.- Но ведь это же грех, а дедушка священник. Вы, очевидно, что-то путаете?

-Нет, я не путаю. Ваш дедушка рассуждал так, что грех гадать и вообще верить картам. А играть не грех, но только не постом. А постом грех играть в любые азартные игры, а не только в карты.

-И Вы с ними тоже играли?- уже поверив, что женщина говорит правду, спросила я.

-Мы нет. Играли только взрослые в «Дурачка», пары на пару. А мы были еще дети.

-Но папа и взрослый никогда в карты не играл,- вспомнила я.- он не любил. А взрослые у нас иногда в карты не играли в игру, которую они называли «Филька». И нас научили. Играют вчетвером, у нас обычно, когда приходил дядя Витя. И если когда игрока не хватало, то приглашали кого-нибудь из нас.

Женщина мне сказала, что по мужу она Жерздева, назвала имя и адрес. Но теперь я забыла. Она приглашала в гости, а я так и не собралась.

Детство

Как уже было сказано, старшие дети жили в Туле, и родители надеялись, что они получают дворянское воспитание. А младший, Юрик, жил в деревне с родителями, и кругом его общения были сельские мальчишки и девчонки. Но, как говорится дети есть дети, они любят и поозорничать, и иногда выкинуть такое, что взрослым никогда бы и в голову не пришло. А уже дернуть кота за хвост или подпалить ему усы было явлением обычным.

Юрику все это запрещалось, да он и сам на такое не был способен. Он рос кротким, любящим весь мир. И хотя ребята иногда его дразнили, но он держал обиды в себе и ребятам легко прощал

В селе не было детского сада, что по тем временам было явление естественное. Поэтому маленькому ребенку нанимали няньку, и когда родители уходили на церковную службу, то ребенка оставляли с ней. А с трех лет стали его брать с собой в храм. Сажали в алтаре и он, молча, выдерживал 2-3 часовую службу. Только иногда оставлял под собой лужицу, ее потом убирали монахини. А чаще засыпал под церковное пение.

Но однажды, придя домой после всеночной и, поужинав, начал сам себя убаюкивать, напевая:

-Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бесмертный, помилуй нас.

-Что ты там поешь?- услышав его пение, спросила мама.

-Это они там так пели.

-И ты запомнил?

-Да, а разве не так?

-Так. Но как, же ты запомнил?---Я хорошо слушал, и мне это очень нравится. Мамочка, научи меня, я тоже хочу в хоре петь.

-Мал ты еще сыночек. Ведь ты еще и русские буквы не знаешь. А чтобы в хоре петь, надо знать старославянский язык, знать и ноты. Ты пока слушай и запоминай, что поют на левом Память и слух у тебя хороший, со временем подпевать будешь.

-Я очень рад,- сказал слушавший этот разговор отец Николай.- Вот кто будет моей заменой, а не Володя. А пока будешь в алтаре мне помогать. Я тебя научу, что как называется, и когда где надо это подавать.

-Папа, правда, ты хочешь, чтобы я был священником, как ты? Я тоже этого хочу! Обрадовано крикнул Юрочка.- Научите меня всему. Я буду стараться хорошо учиться.

С этого дня Юрочка стал регулярно посещать и спевки хора, и все церковные службы, и даже вместе с папой посещать умирающих на дому, совершать в храме требы. Он, как губка, быстро и легко стал впитывать в себя любые знания. Его уже не очень интересовали мальчишеские игры. Основой его жизни и интересов было православие.

Гимназист

Введенскому Юрию исполнилось восемь лет, 1-го сентября 1907 года в гимназиях начался новый учебный год. Пошли учиться и его сестра Зина в женскую гимназию и брат Володя в мужскую.

Юра начальное образование получил в школе отца и с мамочкой на дому. Но когда они с мамой пошли подавать заявление в ту гимназию, в

которой учился Володя, , то выяснилось, что опоздали: свободных мест для малышей там уже не было. Не сразу. Но все же удалось им подать заявление в одну из пользующихся прекрасной славой гимназию, расположенную далеко от центра и от их дома. Пришлось устраивать ребенка на частную квартиру, но Юрочка и этому был очень рад. Главное , что он сможет теперь учиться.

И вот он впервые надел свою серую гимнастическую курточку и фуражку с белыми кантами. И как будто сразу его детское личико стало серьезным, какой-то новый оттенок появился на нем.

-Ты у меня совсем взрослый,- сказала мама.- И когда только успел вырасти.

- Учись Юрик, старайся, сынок. Закончить хорошо гимназию, не в семинарии, а в духовной академии будешь учиться. Ведь ты у нас очень способный,- сказал ему отец.

- Я буду стараться, я очень хочу стать священником. Нет, я не просто хочу, я обязательно им буду:- заверил всех гимназист.

Затем все помолились, отец Николай прочитал молитвы к Господу, Пресвятой Богородице и Преподобному Сергию за учебу раба Божьего Георгия, благословил и поцеловал его. Благословила и поцеловала мама. Юра перекрестился и поцеловал икону.

И мама повела сыночка в гимназию.

Но учебный год уже давно начался, и новичок уже значительно отстал от программы. Надо скорее догнать, чтобы идти в ногу с остальными. И Юрочка стал засиживаться целыми вечерами над уроками.

Тут возникла еще одна трудность: хозяева квартиры оказались людьми скупыми: они запретили своему маленькому квартиранту жечь вечерами керосин в керосиновой лампе, и пришлось ребенку ходить учить уроки в гимназию.

Новичок оказался не таким, как все остальные гимназисты. Он действительно очень много и упорно занимался, а поэтому не отвлекался ни на какие другие забавы. И мальчишки иногда глумились над ним, устраивали небольшие козни. Но Юра старался сдерживать свои обиды, терпел и не отвечал тем же. Мальчишкам это надоело, сделалось неинтересно, и они отстали.

Юрочка сумел догнать программу и вскоре стал самым сильным, первым учеником в гимназии. А так, как он был очень добрый, то бескорыстно помогал отстающим. Это заметили и преподаватели гимназии. Юра стал всеобщим любимцем.

Десять лет учебы в гимназии пролетели относительно быстро. Учился Юрий Введенский очень старательно. Ежедневно приходил на занятия с добросовестно выученными уроками. Дружил со всеми и регулярно помогал

отстающим. Девочками не интересовался, ресторанами тоже, на концерты артистов и танцы не ходил, да и не умел танцевать. Но кино иногда посещал. И газеты регулярно читал, следил за жизнью в стране и за рубежом. Жил очень скромно, из дома помощи получал мало, старшим детям доставалось больше.

Но регулярно посещал церковный гимназический хор, старательно пел и не пропускал ни одной церковной службы. Иногда читал и молитвы за псаломщика.

Гимназию закончил в 1918 году с золотой медалью.

Отец и сын

Так получилось, что мама ушла на спевку хора, а Юра и его отец, протоиерей Николай, оказались вдвоем в простой домашней обстановке.

- Ну и как, сын мой, ты решил строить дальше свою жизнь,- спросил своего младшего сыночка отец.- Ведь у тебя такие большие возможности! Аттестат об окончании гимназии с золотой медалью, такое в нашей стране очень мало кто получает. Любое высшее учебное заведение в России и за рубежом открывает для тебя свои двери.

- Мне не надо любое. Закончу духовную академию и пойду в монастырь.

- Не делай этого сынок, время сейчас не такое настало.

Юра был удивлен. Он был уверен, что его папа, сам священник, пусть не монах, но облегчающий людям души, посоветует любому сыну продолжать его дело, идти дальше его дорогой.

- Но почему, папа? Ведь ты же еще продолжаешь служить?

-Власть в стране настала атеистическая, она ненавидит священнослужителей. Вот подожди, пройдет еще немного времени и начнется гонение не только на священников, и на их семьи.

- Но папа,- продолжал сын удивляться словам отца. Пословица говорит: «Бог терпел и нам велел». Разве это не так?

- Ты еще молод, Юрик, многого не понимаешь. Бог создал человека для продолжения рода, для размножения, создания себе подобных. А кто их должен создавать? Вот с войны пришли калеки, которые много курят и пьют. Какие от них будут дети? Нервные, с ослабленным здоровьем. А крепкие, здоровые, умные ребята отправляются в монастыри. Приглядишься и почитаешь художественную религиозную литературу. Один высшее образование получил, другой имел спортивные достижения, третий простой сельский труженик, но добрый и трудолюбивый. Бросили своих одиноких матерей и своих невест. Ушли в монастырь не оставив от себя потомства. По целым ночам молятся и по целым неделям не питаются. Доводят себя до того, что во время богослужения теряют сознание. Разве это нужно Богу.

- Я понял тебя, папа,- прервал отца Юрий. – Ты хочешь сказать, что это похоже на медленное самоубийство? Но ведь они во время исповедей облегчают души людям.

- Это самообман. Ты вот представь себе, молодого парня, не видевшего еще жизнь, никогда не державшего на руках собственного ребенка. Что можешь ты посоветовать многодетной матери, потерявшего мужа или у которой муж спился? А ведь ей надо чем-то кормить детей, одевать и обувать их. А старший сын бросает ее одну со своими бедами и заботами и уходит в монастырь.

- Старший сын должен помочь вырастить младших, создать свою семью и родить ребенка, его вырастить, а потом уже идти в монастырь?..- задал, как говорится напрямую вопрос сын отцу.

- Так, но не совсем. В каждой семье должно быть не меньше троих детей, остальное все правильно. Вот это угодно Богу.

- А почему троих? Из чего складывается эта цифра?

- Двое - это продолжение отца и матери, а третий для увеличения рода.

- Поэтому и нас трое! Да, папа?- обрадовано воскликнул Юра. И потом вдруг сразу сделался серьезным.- И что ты мне посоветуешь? Как быть дальше?

- Я тебе искренне советую учиться на врача.

- Правда, папа? Милый папочка, ты действительно так хочешь? А я уже давно мечтаю стать врачом, только боялся сказать об этом, тебя огорчить боялся.

Радости Юрочки не было предела.

- Из тебя хороший врач получится,- продолжал свою мысль отец.- Ты способный, все, как говорится, на ходу улавливаешь, слух отличный. А главное, что ты очень добрый, безотказный и любишь людей. Будь всегда таким, и тебя люди любить будут. Но только тебе придется тщательно скрывать, что ты сын священника, иначе не дадут тебе учиться.

Отец Николай хотел что-то еще добавить, но тут вошла жена.

- Мамочка,- кинулся ей навстречу Юра.- Мы с папой решили, что я буду врачом.

- Очень хорошо, я тоже поддерживаю решение. Тебе это больше всего подходит.

И мама поцеловала своего взрослого ребенка в щеку.

Судьбы перипетии

В те времена, когда учился папа, спрос к гимназистам предъявлялся очень строгий, а поэтому получить высший бал даже за обычный ответ у

доски было сложно, а тем более на экзаменах, которые принимали большой комиссией, не меньше, чем в пять человек. В комиссию кроме учителей, входили и люди из администрации, с производства, общественники, родители. Некоторые ребята терялись при таком количестве незнакомых людей и отвечали хуже своих возможностей, а это отражалось на итогах работы гимназии. И в каждой гимназии далеко не каждый год было хотя бы по одному медалисту. Но зато медалистов принимали в любой институт без экзаменов.

И папу приняли в самый престижный ВУЗ страны - Московский. Первый государственный Университет (на Воробьевых горах), курс медицинских наук, факультет широкого профиля 1.09.1918г.

Папе приходилось тщательно скрывать, что он сын священника. Но когда проучился уже восемь семестров, каким-то образом узнали об этом. И, несмотря на то, что по всем учебным предметам он был только круглым отличником, его отчислили из университета. Но все же учитывая эти его заслуги, направили на работу в пользующуюся славой одной из лучших московских клиник в качестве среднего медработника.

Почти с первых дней его работы врачи клиники поняли. Что этот новенький молодежный фельдшер по своим знаниям и умениям стоит значительно выше обычных средних медработников, и стали приглядываться к нему. Сначала будто бы консультировались с ним. **Например:**

-Юрий, у вас слух молодой, послушайте сердце у этого больного.

И папа слушал, называл свой диагноз, предлагал лечение. Он прекрасно понимал, что это проверка, но был уверен в себе, в своих знаниях. И врачи стали приглашать его на консилиумы. И он стал пользоваться не просто авторитетом, а можно сказать, широкой известностью.

Так прошло три года.

Однажды после выходного дня, проведенного в семье, папа возвращался на поезде в Москву. Но случилось авария: два железнодорожных состава, товарный и пассажирский шли по одним рельсам навстречу друг другу. Машинисты не доглядели и паровоз пассажирского поезда как бы залез на крышу товарного поезда. Вагоны опрокинулись. Крики, стоны, мертвые тела, куски тел, чемоданы и саквояжи и.... много крови.

Два последних вагона пассажирского поезда не опрокинулись, а только сильно накренились. Папа ехал в предпоследнем вагоне. Он получил крепкий удар чем то, (долго потом большой синяк был), оставил свои вещи на произвол судьбы и с одним только перочинным ножом вылез из вагона. Этим ножом он стал оказывать медицинскую помощь пострадавшим.

Случаев здесь разных много. Я хорошо помню, как спустя много лет он нам рассказывал об этом. Например, подошел к нему мужчина, а у него

кости руки раздроблены на мелкие кусочки, и рука болтается « на ниточке». И кровь хлещет.

-Доктор, отхвати!

И доктор «отхватил» перочинным ножом этот кусочек тела, быстро и ловко разрезал рукав на ленты, туго перетянул вену в определенном месте и остановил кровь. Другие операции были сложные. Но до того, как приехала из Москвы команда « Скорой помощи», папа успел спасти несколько жизней.

Среди приехавших к месту крушения врачей была московская знаменитость. Но папа не ушел, пока не увидел последнего пострадавшего. А профессор, оказывается, обратил внимание на папину хирургическую работу и подошел к нему.

-Я за Вами наблюдал, как квалифицированно вы оказывали помощь пострадавшим,- сказал он.- Вы врач?

Что-то во взгляде в манере речи незнакомца было такое, что папу расположило к нему, и папа откровенно поведал профессору о своей судьбе. Профессор выслушал его, не перебивая, только под конец спросил его имя и номер клиники.

И вскоре в клинику пришло уведомление о том, что Введенский Юрий Николаевич восстановлен в университете. Пройдя курс науки и отработав все практически занятия, папа отлично сдал госэкзамены и получил диплом врача с отличием в 1925 году.

Затем три года работал в той же клинике, что и раньше, но теперь в должности врача.

И когда началось расширение Подмосковского угольного бассейна, то папу перевели в распоряжение ЦК Профсоюзов угольщиков и 19 февраля 1928 года он прибыл в Богородицк.

Среди папиных документов я нашла справку, выданную повторно через десять лет после окончания Университета, т.е. в 1935 году вместе с ошибкой в согласовании со словом «согласна»

**Народный комиссариат
Просвещение
Медицинский факультет
1-го Московского Государственного
Университета.**

Участвовал в установленных учебным планом практических занятиях и, пройдя в 1-ом Московском Государственном Университете 5-ый курс, сдал в весенней сессии 1925 год государственные испытания (отлично).

На основании изложенного гр-ну Введенскому Юрию (Георгию) Николаевичу предоставляется звание врача и согласно постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 1-го февраля 1919 года

право самостоятельной врачебной деятельности на всей территории РСФСР и Союзных Советских Республик.

1935 год.

Часть 2

В Богородицке

На новом месте

В начале XX века Богородицк представлял собой небольшой провинциальный городок, основанный еще во времена Екатерины II. Главной его достопримечательностью был и остается дворец графа Бобринского. Остальные домики были по большей части небольшие одноэтажные деревянные. Двухэтажных кирпичных домов или первый этаж кирпичный, а второй деревянный было мало.

Одним из известных родов, основавших город, были Кобяковы. Чуть позже их родственники Рожковы тоже поселились в Богородицке. Рожковых было много. Одни то уезжали, чаще на учебу, то возвращались. Так в 1904 году вернулся в Богородицк после учебы и работы в Ефремовском районе Рожков Иван Васильевич и привез с собой молодую жену Рожкову (Кремлеву) Марию Дмитриевну. Но в родительском доме всем жить было тесно, и он купил у графа Бобринского его флигель, а правильнее сказать, дом, построенный для работников графа с небольшим садом, в углу которого молодой хозяин посадил дуб. Этот дуб жив до настоящего времени, он украшает двор дома №19 по улице Пушкинской. Прежде на этом месте, почти напротив современной стоматологии уже на ул.Урицкого находился дом под №16, так как нумерация домов начиналась с обратной стороны. Дом был деревянный, большой, высокий, с двумя крыльцами в несколько порожков.

Семья Рожковых была верующей. Именно у них пожелал остановиться на отдых будущий святой Иоанн Кронштадский, когда приезжал в Богородицк.

Жили Рожковы по тем временам достаточно обеспеченно. У них родилось пятеро детей: Илья, Павел, Лидия, Клавдия, Виктор. Все они учились, закончили среднюю школу. Но в 1924 году от тяжелой болезни умер глава семьи, Иван Васильевич. Старший сын Илья уехал учиться дальше, там женился и в семью не вернулся. Младшему Виктору было всего 12 лет. Жить стали бедно. Самую красивую в семье, да без преувеличения скажу, что и во всем Богородицке, считали Клавдию. Но именно ее сделали домашней хозяйкой, которая топила печки и готовила обеды, в том числе работникам купца Кобякова Николая Васильевича.

Часть дома освободилась, и Рожковы стали брать к себе квартирантов, в основном на эти деньги и жили.

К ним и поселили молодого врача Юрия (Георгия) Николаевича Введенского. 19 февраля 1929 года. А в трудовой книжке написали: *«Принят на работу в Богородицкий Райздравотдел Тульской области на должность врача-терапевта»*. Но так, как врачей в районе было значительно меньше, чем требовалось, то его нагрузили на 2,5 ставки: днем врачом санбаклаборатории (бактериологической) лаборатории и педиатром (прием в поликлинике, и обслуживание больных на дому), а вечером - терапевтический прием в поликлинике. Естественно, от такой нагрузки он очень уставал. Одно время лечил еще и стариков в доме инвалидов. И нередко среди ночи за ним приезжали из дальних деревень и просили съездить к умирающему больному. А врач был очень добрый и безотказный.

В вишневом саду

Так прошло больше двух лет. Новый квартирант нравился хозяйке и всем членам семьи. Он был очень спокойным. Большую часть дня, а нередко и ночи проводил на работе. И хотя поликлиника располагалась всего в нескольких шагах от дома (где сейчас Пушкинский сквер), но порой он не находил времени, чтобы прийти пообедать. Но Клава всегда его дожидалась, не ложилась спать, и поздно вечером или даже ночью разогревала ему обед. В выходные дни (выходным для всех было только воскресенье), она по приказу председателя горсовета работала учителем ликбеза (ликвидация безграмотности). И хотя врачи старались накормить даже лучше, чем питались сами, но он был худой.

Шел 1931 год, начало августа. В воскресенье шла Клава с работы домой. Устала, ведь непривычная работа педагога даже и у бывшей школьной отличницы отнимает много сил. И захотелось ей поесть вишни.

«А даже, кажется, уже и поздняя вишня в нашем саду поспела. Не буду заходить домой, пойду сразу в сад», - подумала она.

Не знала, что как раз в это время в вишневый сад вошел и Юрий Николаевич. К нему в семье Рожковы привыкли, как к родному. И, хотя он, в силу своей вежливости всегда за все благодарит, но ему разрешили пользоваться плодами и ягодами в любое время и в неограниченном количестве.

Клава поздоровалась, он вежливо ответил.

- Вы обедали? – заботливо спросила она.

- Да, спасибо, ваша мама меня хорошо накормила. Вот решил себе еще добавить десерт.

И он протянул руку, чтобы сорвать вишню. И как то так само неожиданно получилось, что к этой вишне протянула

Мама в молодости
(или Клавдия
Рожкова)

руку и Клава. Их руки коснулись одна другой и от неожиданности даже вздрогнули.

«Значит, это и есть моя судьба?», - подумал Юрий Николаевич.

Он взял ее руку, немного приласкал другой рукой и нежно накрыл ей первую, потом поднес к губам и поцеловал. Ее рука продолжала дрожать.

Молодой человек, ни разу в жизни не бывший в близости ни с одной женщиной, заглянул Клаве в лицо. Ее большие выразительные глаза ярко блестели. Ветер красиво растрепал ее вьющиеся волосы. Она показалась ему даже чем-то неземным, присланным для него самим Господом Богом.

- Клавочка, будь моей женой,- ласково попросил он.- Я верю, что ты и есть моя судьба.

От неожиданности она, даже не успевшая спрятать свой восторг, еле слышно прошептала:

- Да.

И тут опомнилась:

- Ой, нет, Юрий Николаевич, вы такой культурный, а я девушка простая, у нас ничего не получится.

- Получится, у нас уже получилось,- уверенно сказал он.- Пойдем к твоей маме, пусть она нас благословит.

И Мария Дмитриевна их с радостью благословила.

Венчались они 14 августа 1931 года в Москве.

Новая семья

А теперь вернемся в наше время. Хочу написать из жизни папы то, помню сама, и что рассказала в своих воспоминаниях его пациенты или те которые знают о чем со слов родных.

А также и то, что, когда-то нам рассказывала мама.

После того, как молодая пара обвенчалась в Москве, молодожены вернулись в Богородицк. И врач сказал бабушке:

-Клавочка вам больше не прислуга. Она теперь жена врача, и мы будем жить своей отдельной семьей.

Собрались все на семейный совет. Решили молодым отдать зал, перегородив его на зал и спальню.

- Я тоже скоро женюсь, - сказал Павел.- У меня уже и невеста есть. И мы хотим отделиться от семьи и жить своей семьей. Но где? Я мужчина, и я должен привести свою жену к себе в дом, а не жить у нее.

- Тебе отдадим столовую и также ее перегородим. Тебя это устроит?- спросила хозяйка дома Мария Дмитриевна.

- А кто будет жить в той половинке, где живет сейчас Юрий Николаевич?.- вопросом на вопрос ответил Павел.

- Пока опять возьмем квартирантов, ведь это наш основной доход. А когда женится Виктор, это вы решите между собой сами.

На том и остановились.

Первой в новой семье родилась дочка Верочка. Молодые в эти дни жили в Туле у бабушки Агнии Ивановны. С ней жила и овдовевшая тетя Зина с Димой. Дедушки уже не было. Будущие родители гуляли в Тульской засеке, мама увидела гадюку и испугалась. И девочка родилась с пороком сердца (9 ноября 1932 года). Первенец и больная. Её всю жизнь в семье оберегали, старались ничем не расстраивать, баловали.

Варя и Вера

Следующей на свет появилась я, через год без одного дня после сестрички. Надеялись, что будет мальчик, даже имя уже придумали, а здесь опять девочка. Конечно, основная забота о больной сестре и о младших, легла на меня, но я не обижалась: она сделала меня сильной.

А когда я выросла и догнала ростом сестру, мама одевала нас одинаково, и все нас считали за близнецов. Нам это нравилось, потому что мы любили друг друга.

Варя, Коля, Вера
Введенские

Папа меня любил. Никогда не забуду, как однажды в выходной день он меня утром будил: проведет рукой по головке и скажет: «Вставай, доченька», и целует в щеку, а я притворяюсь, что сплю. Он опять повторяет в том же порядке. И опять продолжается. И мне так приятно эта папина ласка, потому что от мамы мне доставалось меньше, чем другим.

Потом через полтора года после меня родился брат Коля. Он был очень умный и способный, и папа считал, что это надежда всей семьи. Но жизнь показала иначе.

Братишка

Мне было пять лет, когда мама с папой принесли еще одного братишку. Был он такой маленький, беззащитный. В нашей небольшой спальне детскую кроватку поставить было негде, и я уходила ночевать к бабушке. Меня это вполне устраивало: мы спали вместе, и перед сном бабушка рассказывала много интересного, что их было девятнадцать братьев и сестер, а самым любимым был братик Геня. А днем я играла вместе со

всеми, но часто заходила в спальню, подолгу смотрела на это крошечное существо и с первого, же дня искренне его полюбила.

А мама с папой все не могли выбрать ему имя. Папа признавал только церковные имена, а маме его выбор не нравился.

Однажды я стояла в спальне, дверь в зал была открыта. Слышу, папа говорит:

- Давай назовем его Иоанн.

- Кто же сейчас так называет?- возмутилась мама.- Все и будут его звать Ванькой.

Но папа не сдавался:

- Ну и что в этом плохого? И твоего папу так звали.

Не знаю, чем бы кончился это спор, но у меня вдруг подсознательно возникло чувство, что мальчик мой и больше ничей, даже не папин и не мамин. И мне его стало жалко, я решила как-то своего братишку защитить, начала ласкать и все повторяла:

- Генечка, Генечка, братишка мой Генечка.

В зале наступила тишина.

- Мы тут спорим, а Варюша уже его называет Генечкой,- прислушавшись к моим словам, сказала мама.- Значит, это действительно его настоящее имя, Геннадий.

- Но она ребенок,- все еще не хотел уступать папа.

- Вот именно, ребенок. А «устаи младенца глаголет истина», и придется нам с этим согласиться. И теперь смотрела на него, с нетерпением ожидая его решение и готовая отстаивать справедливость. Он вошел в спальню, взял с полки книгу, открыл и вдруг радостно произнес:

- Варюша права: у них День Ангела будет вместе, 17 декабря. Значит это имя ему дано Богом.

С этого дня братишка стал совсем моим, и никто уже не возражал. Или поэтому, что я не играла ни в кукол, ни в другие игрушки, а детский организм так устроен, что без этого нельзя, но Геня стал для меня неотъемлемой частью моих интересов. Я могла подолгу стоять около него, что-то ему шептала, пела песенки. Если он не мог заснуть и плакал, то звали меня, со мной он переставал плакать и быстро засыпал.

Но я очень ревновала, когда к моему братишке подходили Верочка или Коля, начинала кричать, прогоняя их, даже драться, за что мне доставалось от мамы. И если свои игрушки я им уступала, то братишку не отдавала никому.

Немного настоящего. Зазвонил телефон

У меня зазвонил телефон, домашний, а не мобильный. Снимаю трубку, кто бы это?

- Я Вас слушаю. Здравствуйте.
- Здравствуйте, Варвара Юрьевна(голос женский, не молодой).
- Я уже давно пишуь Георгиевной. Назовитесь кто Вы?
- Я Лена Старцева.

Да, это мне мало о чем говорит. Когда я работала в Кобыленке, Старцевых учила несколько человек, среди них были и Лены. Но тогда я уже писалась Георгиевной. Она должна была бы это знать. Выходит, что не ученица. Так кто же она?

- Извините,- произнесла она.- Я Вас знала еще до войны, и отца вашего знала, поэтому я так решила.

- Он Вас лечил?

- Нет, моего брата Витю. Я тогда тоже была не Старцевой . Мы жили недалеко от вас.

- Лена и Витя... Вы жили на Красноармейской, второй дом от Пушкинской.

- Верно. У нас отец умер, а мать торговала мороженым, на углу возле магазина №16. А мы оставались одни. Около нас ребята нашего возраста не было, мы скучали, поэтому ходили у вас, а около вашего дома всегда много ребят было. И еще я вашего папу хорошо помню.

- А что ты про него помнишь? – заинтересованно спросила я, не заметив, что перешла на ты.

- Помню, что он был очень высокий, но худой, и ходил, немного раскачиваясь.

- Высокие все ходят, раскачиваясь, только кто немного, а кто больше.

- И еще у него волосы были темные, и он носил усы.

- И это верно.

- Мы его всегда боялись.

- А почему боялись? Разве он вас обижал когда - нибудь?

- Нет, не обижал. Но он доктор, значит, он делал уколы.

- Что же он будет вас ловить на улице и делать уколы?

- Мы тогда были маленькие, глупые, ничего не понимали.

- Лен, и кем же вы с Витей теперь работаете?

- Я учительница, веду русский язык в восьмилетней школе, а Витя Тульский политех окончил, работает в Туле. А его потом Юрий Николаевич лечил, и Витя его не боялся, а даже любил, ведь он без отца рос.

Лена немного помолчала и добавила:

- Мне сказали, что вы собираете воспоминания про своего папу, хотите книгу про него писать, а ведь я его довоенного помню, правда, мало, конечно. Извините.

И она, не дожидаясь моего ответа, повесила трубку.

Через годы

Я уже писала, что инициативная группа жителей города Богородицка решила увековечить память о прекрасном враче, очень добром и отзывчивом человеке, майоре медицинской службы Юрии Николаевиче Введенском, большая часть трудовой жизни которого прошла в городе Богородицке. Эта группа собирала о нем воспоминания, чтобы предъявить их как доказательство Совету депутатов. Особенно трудно было найти тех, кто знал Введенского еще до Великой Отечественной войны, ведь со дня ее начала прошло уже 73 года, а это целый довольно большой человеческий век. А со дня рождения Ю.Н. Введенского в этом году вовсе исполняется 120 лет. Отсюда понятно, что до войны его могли знать только из живущих сейчас бывшие несовершеннолетние дети. А как они могли своим детским мышлением оценить его работу? Могли, да еще как могли! Недаром старинная поговорка гласит: «Устами младенца глаголит истина».

Неудивительно, что среди 26 воспоминаний больше написанных тем, которые родились во время или после войны. Но ведь папа после войны прожил еще десять лет(из них 8 в Богородицке), и дети могли многое осмыслить и помнить теперь. Если врач пациента, которого другие врачи уже «списали», сумел вернуть к жизни, да так, что он жив и до настоящего времени, то такой врач никогда не исчезнет из памяти, а будет вспоминаться всегда с искренней любовью. Поэтому среди рукописей есть и те, которые когда то родители рассказали своим детям.

А вот о том, как протекала жизнь в семье врача до войны, какие были взаимоотношения между ним и его малолетними, но в семье тремя старшими детьми, наверное, лучше не расскажешь, чем написала Ирочка Карасева (родовое - Ирина Викторовна Мелиоранская) в своих воспоминаниях о дошкольном детстве, ставшая потом заслуженным учителем литературы.

Поэтому привожу их целиком, без моей редакции.

Замечательный русский доктор.

Юрий Николаевич Введенский... Кто в довоенном и послевоенном Богородицке не знал этого замечательного человека, доктора в самом высоком, самом лучшем значении этого слова! Вся его жизнь- это пример героического служения своему делу.... Я хорошо помню его. Раньше ,в своих воспоминаниях о войне, я уже писала,

Ирочка Карасёва
1938 год. 7 лет

что наши семьи знали друг друга и дружили еще с конца XIX века . А в 30-е годы XX века нашу семью перевели из Москвы в Богородицк, т.к. отец работал в то время в ЦК профсоюза угольщиков, а их направили в центр добычи угля в Подмоскowie. Их располагался в здании теперешнего сельхозтехникума. А нас поселили в доме Головских, что на улице Пушкинской, как раз напротив дома Введенских. Я прекрасно помню этот большой дом с замечательным садом. Мой отец и мама работали, а меня, пока не устроили в детский сад, отводили к Введенским, где мы целый день находились вместе. У них в семье было четверо детей - последний Геночка, еще совсем маленький, на руках у мамы Клавдии Ивановны. Я дружила с сестрами Верой и Варей, моими почти одноклассниками. Прекрасное было время! Я особенно хорошо запомнила, как вечером с работы приходил Юрий Николаевич. Мы кидались ему на встречу в маленькую прихожую, окружали толпой, прыгали вокруг, наперебой, что-то рассказывали (« лягушку в саду видели», « бабочку красивую поймали» и т.д.) А он усталый, бледный - улыбался нам и кивал головой. Провожали его « мыть руки», «умываться», подавали полотенце, а все шли в столовую. С нетерпением ждали, когда он сядет отдохнуть и будет с нами разговаривать, а еще лучше - читать нам. Но вот это-то случалось крайне редко. Бывало, только рассядемся вокруг - звонок. Клавдия Ивановна со вздохом идет открывать. Ну конечно, приехали «за доктором». И часто – за десятки километров! И он безропотно вставал, одевался и уезжал. А мы смотрели в окно: стоит лошадь, запряженная в сани, лежит тулуп на сене («для доктора»), рядом бородатый дядька с кнутом...и снег лежит. Но где-то там умирает человек, и Юрий Николаевич едет спасать его. И спасает, иногда долго не приезжает домой.... Я помню, как любила приставать к нему с вопросом, кого он. «сегодня лечил», мальчика или девочку. И, еще: «А волков видели , когда ехали в поле?» И как же его любили! «Наш доктор»- так и называли, сама не раз слышала. Действительно всех - и старых и малых он ставил на ноги, в том числе, когда начала учиться в школе, и моих одноклассников.

В нашей великой русской литературе прекрасно запечатлен образ русского врача - интеллигента, врача-труженика. Сразу вспоминается А.П. Чехов, сам столько раз спасавший больных... А еще вспоминается великий врач хирург Войно - Ясенецкий, спасший во время Великой Отечественной войны без преувеличения тысячи раненых. Непосредственно он причислен к Лику Святых - «Архиепископ Лука», и к его мощам в Симферополе приезжают поклониться со всей России.

Говоря о Ю.Н. Введенском, вспоминаю сравнительно недавно поставленный в Туле на проспекте Ленина у школы №20, где в ту войну был госпиталь (куда мы ходили выступать перед ранеными) памятник врачам и медсестрам. Проходя мимо, я всегда вспоминаю Юрия Николаевича Введенского, тоже прошедшего всю войну, и всех тех, кто жизнь свою отдал людям.

Карасева И.В. Тула. 2018 год.

Р.С. С большим удовлетворением встретила известие, что жители города выступили с инициативой о присвоении имени Ю. Н. Введенского городской поликлинике. Это будет замечательным памятником прекрасному Человеку и Врачу.

Стекляшечка

Помню, когда во время войны армия, в которой находился папа, попала в окружение, и от него больше года не было писем, мы все дети, а также окружающие нас люди и больше всех мама, очень грустили, переживали и нередко плакали. Все думали, что он погиб, а поэтому и не пишет.

Но до войны мы были еще маленькие, не так часто вникали в папину жизнь и работу. А если и вникали, то не всегда все понимали. Еще я из нас троих старших больше сестры и брата знала о его настоящей жизни, потому что не увлекалась игрушками, а потом рассказывала ребятам о том, что помнила. Но ничего никогда не придумывала от себя, а только то, что было на самом деле. И они мне верили и даже завидовали.

А больше всех нам рассказывала мама. Она, видно очень скучала и страдала, и эти воспоминания и наши реакции на них облегчали ее переживания.

Когда папа приехал в Богородицк, то в это время во всем городе и даже ни у одного врача не было ни одного медицинского термометра. И люди не знали, что это такое и какого его предназначение. Папа научил пациентов им пользоваться. Прежде чем выслушивать и выстукивать больного. Папа проверял у него температуру. Но так, как папа пользовался и народными средствами. В т.ч. заговором, то старался сразу же, до применения лекарств, облегчить страдания больного. А другие врачи этого не делали, поэтому люди решили, что их болезнь облегчает термометр.

И нередко случалось, что температуру пациента папа определял ощупью, болезнь понятная, он сразу выписывал лекарство и начинал объяснять, как его принимать. А в ответ слышал:

- Доктор, лекарство мне и другие врачи выпишут, а ты дай мне свою стекляшечку подержать.

Стекляшкой люди прозвали термометр.

Об этом, например, вспоминает и Рябова Нина Кирилловна: 1933 г.р.

«До войны меня врач Введенский Юрий Николаевич не лечил, но я знала о нем много положительных, даже прекрасных отзывов. Его фамилия была на слуху, потому что он лечил так, как не лечили остальные, и у него не было ни одного смертельного случая».

Далее из ее воспоминаний можно понять, что речь идет, в том числе о «стекляшке».

В дороге

О том, что к папе приезжали ночами на подводах из дальних деревень, написано в нескольких воспоминаниях, правда, больше написали те, которые помнят его послевоенного. Но здесь уже и жителей в районе, и транспортных средств стало больше, а значит, опасности меньше.

А в довоенное время летним днем папа передвигался на велосипеде, ночью приезжал за ним чаще сельский старичок или подросток на телеге или в деревянной фуре, запряженный одной лошастью. А зимой – лошаденка и сани – розвальни. Поэтому не удивительно, что мы, папины дети и чужие, которые приходили к нам играть, задавали папе разные вопросы, интересовались, были ли какие-либо случаи, приключения в дороге. А случаи действительно были, но мы, дети, не представляли, насколько они опасные.

Обычно нам папа рассказывал детские, простенькие, возможно, придумывал сам (лиса гналась за мышью с приключениями; зайчик на пне делал стойку, но не рассчитал равновесия и упал в снег; у вороны крылышко было перебито и он ей сделал перевязку и т.п.). Но в основном «папины приключения» рассказывала нам мама утром, когда приходила Ира, а позже еще дядя Пашин сын Вовка, дядя Витина дочь Лера и другие, а мы не хотели есть молочную кашу.

Но действительно имели место и серьезные случаи, связанные с риском для жизни. Так как я не играла в игрушки, то вертелась среди взрослых, слушала, когда папа читал маме письма, полученные от родных, когда рассказывал о своих приключениях. Ими делал вид, что сплю, а сама притворялась и подслушивала. Конечно, далеко не все понимала. А если пыталась расспросить у мамы, она говорила:

- Ты еще мала. Когда подрастешь, сама поймешь.

Это еще хорошо, а то и о том, что подслушивать плохо, и хорошие девочки там никогда не делают, они сами говорят, что слышат разговор взрослых. Мне приходилось про себя делать вывод, что я плохая девочка. И тут выручал папа.

- Не обижайся, доченька,- говорил он.- Ты у нас девочка хорошая, послушанная, ведь ты просто не понимала, что хорошо, а что плохо!

А я и сама знала, что непослушная, но после этих папиных слов мне всегда хотелось быть хорошей, чтобы меня хвалили.

Все же о трех папиных приключениях воспоминания остались в моей памяти. И когда я была уже взрослая, меня уже сын называл мамой, я расспросила у своей мамы об этом. Оказывается, я вся поняла и запомнила правильно.

И вот эти случаи.

Случай 1

В метель

Спать мы ложились всегда поздно, ждали, когда придет папа с вечернего приема. Чаше в спальню отправлялись, но все равно не засыпали, а ждали папу.

В этот вечер он пришел даже позже обычного. Нас мама уже накормила ужином, а сама села ждать папу, чтобы поужинать вместе с ним. А он в этот день и обедать не приходил: некогда было, больных много.

Но вот мы, наконец, уgomонились, и мама отправила нас в спальню. А тут и папа пришел.

- На улице метель начинается, уже завьюжило,- сказал он.- Сейчас в поле, наверно, ни зги не видать.

И только он протер руки, каким-то обеззараживающим раствором, что делал каждый раз, когда среди пациентов оказывался инфекционный больной, потом умылся и сел за стол, но есть еще не начинал, как в уличную дверь постучали. Да, именно постучали, хотя около двери у нас висел звонок.

-Наверное, из дальней деревни, - сказала мама.- Раз звонком пользоваться не умеет. Опять не дадут тебе поесть.

И она могла открывать.

Дверь из спальни в зал осталась частично открытой, и мне все было достаточно хорошо видно и слышно. Вошел мужчина, уже не молодой, одетый в деревенскую поддевку. Седые волосы кое-где выбивались из-под старенькой выдавшей виды, по-видимому, меховой шапки.

-Доктор, помогите,- почти с порога, не поздоровавшись, начал он .- Моя старуха помирает.

-Какая старуха, что с ней? - сразу два вопроса задал папа.

-У ней задышка. У ней летом так было, но тогда отошло, а щас не отходит.

-Отдышка?

-Да, да, она самая. Помогите, доктор.

-А вы откуда, из какой деревни?

-Черняевские мы. Это за Иевлевым.

-Знаю Черняевку за Иевлевым. Но это далеко. Едва ли я смогу вам теперь чем-то помочь.

-Доктор, не откажи, поедим. Мож, Бог даст, успеем.

Папа посмотрел на тарелку с супом, от которого доносился такой аппетитный запах, и вылез из-за стола.

До Иевлева доехали быстро, а дальше полем. И хотя, вьюга успела замести все тропы, но мужик, видно, знал свои, особые приметы, и гнал лошадь уверенно.

«Старуха» действительно оказалась совсем даже не старая. Задыхалась она не так сильно, как это сначала представил старик. – Ничего смертного я здесь не вижу, - сказал папа, пока еще бегло взглянул на «умирающую».- С такой отдышкой люди годами живут. Но, конечно, лучше, если ее совсем убрать. Раздевайтесь до пояса, а ты, дед, оставь нас одних.

Когда папа позвал назад старика, отдышки у «старухи» уже никакой не было.

-Ну, все, дед, принимай свою молодуху, теперь еще сто лет проживет без всякой «задышки». А сейчас отвези меня домой.

-Мож останешься до утра, доктор, уж дюже метель разгулялась.

-Нет, не могу, меня дома ждут, волнуются.

-Ну раз надеть, поехали.

Мужик запряг опять лошадь, папа закутался в тулуп, лег в розвальни и уснул. Проехали больше полдороги до Иевлева. Вьюга страшно злится, воет, как голодная волчица. Видно, не очень хочется ей принимать путников.

Посмотрел мужик, что папа так спокойно спит, и самого на сон потянуло. Потом повернулся туда-сюда, не понял, где же он? Знать, заблудился? Что же делать? Был бы один, а доктора надо домой доставить.

«А, пусть, что будет», - подумал он, закутался получше в поддевку, отпустил вожжи, лег в передке поперек саней и тоже уснул.

Проснулись оба от толчка, потому что лошадь остановилась. Посмотрели: а лошадь, оказывается, привезла их назад в деревню и остановилась около дома.

Страшный случай

Страшнее всего совершать эти дальние деревенские поездки по просторам полей было зимней ночью. И не только страшно, но порой даже опасно для жизни. Особенно в полнолунии, когда, как говорили. Сельские жители, вся нечистая сила выходит пошалить. Да и «чистая» тоже может наговорить много бед.

И папа это, конечно понимал, но ведь он давал клятву Гиппократу, а, главное, был верующим. И считал, что если он откажется и не поедет, а больной в это время не будет уверенным, что вернется назад к родным детям и жене.

А потом все же не выдерживал и рассказывал о своих дорожных приключениях, которые временами заставляли содрогаться. А потому и запомнились на всю оставшуюся жизнь.

И все то, что происходило еще в довоенные годы, когда мы были совсем маленькие, особенно ярко и глубоко закралось в памяти.

Мужик приехал из дальней деревни. Сейчас точно не помню: из Малевки или из Папоротки. Но только откуда-то оттуда, из Товарковского района.

- Доктор, помоги. Моя мать вся в огне. Боюсь, до утра не доживет. А ведь она не такая еще и старая. И пойми меня она мать ведь.

- А где же ты раньше-то был, когда светло было?

- Да думали, мож отпустит, вот что-то не отпускает.

- Вы сами ее чем-нибудь лечили?

- Не, еще ничем.

- Я ей сварил горшочек каши, она не стала.

Мужик говорил без буквы «е», такое наречие осталось в глубинке с прошлых веков.

- Поехали,- сказал папа и стал одеваться.

До деревни доехали без приключений. У больной оказалась малярия. А так, как папа единственный из врачей района лечил эти болезни, то понял, что только он сможет помочь этой женщине. С собой лекарства собственного приготовления он захватил мало, но дал ей выпить. Больной немного стало легче.

- Сейчас поедем домой,- сказал ее сыну.- Я тебе еще дам лекарства, а ты сразу, как только вернешься, дай ей. Время терять нельзя. А как принимать дальше я тебе расскажу.

Мужик быстро запряг лошадь, подложил побольше на сани – розвальни соломы, они сели и поехали.

Ночь была очень морозная. Ярким блюдцем смотрелась луна на фоне осыпанного звездами неба.

Папа не спал уже вторую ночь, поэтому укутался в свой лисий тулуп с капюшоном и быстро уснул. Но внезапно его разбудил голос возчика.

- А? Мы где?- не сразу сориентировавшись, спросил папа.

- Мы выехали в поле. Доктор, волки! И назад уже дороги нет.

С правой стороны темнел небольшой лесок. При свете луны хорошо видно, что оттуда отделились несколько пар ярких огней и направляются туда, где только что были сани с людьми.

- Гони быстрее к большой дороге! – крикнул папа.

Но лошадь уже и гнать не требовалось: она и сама мчалась, что было силы.

Расстояние между волками и людьми все больше сокращалось. Казалось, они уже так близко, что слышен лай их голодных острых зубов.

Вот от стаи отделился один громадный матерый волк. В несколько прыжков он резко сократил расстояние. Тогда мужичок резким движением ударил кнутовищем по борту саней. Раздался сильный звук – и это на какое-то мгновение остановило стаю. Мужик повторил еще раз, но реакции не последовало: волки поняли, что это им ничем не угрожает.

Вожак достиг саней и поставил передние лапы на концы полозьев. Остался всего один прыжок - и кровавое дело будет совершенно. Но мужичок очень ловко, со всего размаху ударил волка кнутом по его горящим глазам. Волк громко взвыл и остановился. Остановилась и вся стая, но снова ненадолго.

Стая поравнялась с санями, гибель неминуема.

Тогда мужик быстро снял с себя овчинный полушубок и выбросил из саней. Волки подбежали и начали рвать его в клочья.

Лошадь успела добежать до большой дороги. Волки на большую дорогу выбегать бояться. И люди были спасены.

Случай третий «В зимнюю ночь»

Этот эпизод рассказала нам мама значительно после войны, когда мы уже повзрослели. А тогда, в зимнюю ночь 1941 года, я слышала. Как маме его рассказывал папа. Но только ничего не поняла.

А было это так.

Около нашего дома остановилась лошадь, впряженная в сани – розвальни. Из саней вылез мужчина, простой, сельский, в поддевке. Лошадь привязывать к перилам он не стал, даже не обтер с нее «мыло», как делали другие. Видно, очень торопился. Я все это успела рассмотреть, сидя за столом и «от нечего делать» глядя в окно.

Мама открыла дверь. Мужчина вошел и сразу обратился к папе:

- Доктор, мой отец умирает. Может, его сумеете спасти?

- А что с ним?

- Он задыхается.

- Давно он болеет?

- Второй год, но так еще никогда у него не было.

- А где вы живете?

- В Ломовке.

- Так далеко. Едва ли я успею ему помочь. Но хорошо, поедим.

Папа у нас был добрый, безотказный и всегда готовый всем помогать. Он быстро одел пальто. Шапку, взял свой чемоданчик, в котором были лекарства первой необходимости, шприцы с иглками в стерилизаторе и черная деревянная трубочка для прослушивания, как у Айболита.

- Доктор, так замерзнешь, на улице очень сильный мороз. Полнолуние ведь.

Папа послушно надел сверх пальто свой тулуп на лисьем меху и надвинул на шапку капюшон. Наш папа был очень высокого роста, а тулуп доставал до пола. Мама обоих мужчин проводила, закрыла за ними дверь, нас отправила спать, а сама осталась ждать.

Дальнейшее из рассказов мамы.

Когда папа с мужиком приехали в деревню и вошли в избу, больной уже был без сознания. Папа расстегнул ему рубашку, приложил трубочку, послушал сердце, хотя по одному виду больного понял, что опоздали.

- У вас есть крестик? Наденьте на него. Ему ни один врач уже не поможет.

Наш папа, Введенский Юрий (Георгий) Николаевич, был сыном священника. Он с раннего детства любил ходить в храм, поэтому запомнил много молитв. Мечтал и сам стать священником, но пришли другие времена и атеистическая власть.

Он прочитал над умирающим отходную молитву. Пока покойника обмывали и одевали, выписал необходимые медицинские справки.

Священников во всем районе остались единицы.- сказал он,- и едва ли кто согласится по такому морозу приехать сюда. Пока ночь, я прочитаю наизусть, сколько помню, часть панихиды, только вы никому об этом не говорите, иначе меня снимут с работы.

- Не надо, доктор, у нас всех покойников так хоронят,- ответила хозяйка,- зачем вам рисковать. В деревне и стены слышат. Оставайтесь лучше ночевать, а я сейчас ужин приготовлю

Но папа отказался. Мужчина опять запряг лошадь. Папа сел в сани. Закутался в тулуп так, что только одни глаза были видны, и быстро задремал.

Вот проехали деревню и выехали в поле. Папа спокойно спал. Вдруг он услышал голос мужика:

- Доктор отодвинул капюшон и посмотрел в ту сторону, куда кивком головы показывал мужик.

- Вижу,- сказал он.

- И я вижу,- подтвердил мужик.

Рядом с лошадью и в такт ее шагов бежал сатана. Ростом он был со среднего мужчину. Бежал, как человек. Одну руку положил на оглоблю в том месте, где оглобля скрепляется с дугой. Луна так ярко светила, что все очень

хорошо было видно. Лошадь фыркала и неслась как угорелая. Но сатана не отставал.

Папа стал вслух читать молитву, какой священники начинают службу:

- «Благословлен Бог наш всегда, ныне и присно и в веки веков...»

Но не успел дочитать до конца, как «непрощенный попутчик» сделал два шага в сторону и вперед и стал невидимым.

Дома мама оставляла мужика до утра, потому что сатана мог увести лошадь далеко в поле и мужик замерз бы до смерти, но он сказал, что теперь к нему нечистая сила не подойдет, он понял, как можно защищаться.

Время не стерло

Эти три приключения из жизни папы хранятся в моей памяти еще с тех далеких довоенных времен. Здесь нет, не единого придуманного слова: я написала так, как папа рассказывал маме, а позже от мамы с пояснениями.

Но, к сожалению, подтвердить не могу ничем, потому, что среди воспоминаний, переданных мне инициативной группой. Нет ни одного от жителей дальних деревень. И жители ближних деревень и поселков, а также городские, которые лечились у врача Введенского Ю.Н. еще до войны, были тогда маленькие, поэтому в основном приводят в качестве примеров то, что было в войну или после войны.

Например, Кучеркова Тамара Тимофеевна жила до войны с сестрой-близнецом, родителями и бабушками, недалеко от нас. Девочки учились в одном классе с моей сестрой, иногда отмечали общие праздники, но в воспоминаниях пишет только про послевоенное время (об этом ниже).

Много людей, как детей, так и взрослых, лечил папа до войны в ближайших деревнях и на окраинах города, ходил к ним и днем, и ночью. Хочу привести отрывки из их воспоминаний.

Вот, что продиктовала члену инициативной группы Архангельской Л.И. уроженка села Новопокровское, а сейчас богородчанка Чучина А.В.

Я, Чучина Александра Васильевна, мне 92 года, хорошо помню, как до войны нас в селе Новопокровское лечил молодой богородицкий врач Введенский Юрий Николаевич. Он приходил к нам в село по первому вызову, и днем и ночью, и никому не отказывал, всех лечил. И мы считали его своим врачом.

Он был высокий, худощавый, неказистый, незавидный по одежке. Но он был очень авторитетный врач. И о нем говорили, что по одежке встречают, а провожают по уму. Да, только умные, одаренные люди могли в то время выучиться.

И по рассказам многих я помню, что он был спокойный, старательный, простой, доступный для всех врач.

Царствие ему Небесное.

Очень желала бы, чтобы о нем помнили и дальше. Жаль, что раньше не прославили его дела, когда о нем могли рассказать люди с благодарностью за спасенные жизни.

А чтобы его помнили и для примера другим о нем оставить в газете памятную статью. И повесить на больнице дощечку с его фамилией.

И вот еще одно довоенное воспоминание и тоже написанное под диктовку. Конечно, стареньким людям, которые не только со слов других, но и сами помнят нашего папу, уже тяжело писать: и руки трясутся, и глазки плохо видят. Я их понимаю. Но хоть хорошо помнят и не отказываются рассказать другим. И за это им спасибо.

Живет на территории сельскохозяйственного техникума еще одна женщина, которая помнит папу с довоенного времени. Ольга Константиновна Савельева. Ей 95 лет. Также часть ее рассказа:

Мы с сестрой близнецы. Перед началом войны мы заболели. Пришли в поликлинику, а там висит список, какой врач в какое время ведет прием больных. Смотрим, что около одного кабинета много людей стоит, а по времени еще рано. Спрашиваем у больных, почему здесь так много народа. А нам говорят. Потому что в этом кабинете будет принимать врач Введенский, он самый сильный из всех врачей.

Мы думали, что нас не запишут, но сказали, что он никому не отказывает, всех принимает. И не ошиблись, что записались к нему. Он очень внимательно их слушал и выслушивал. Дал назначение, мы его исполнили и быстро выздоровели.

И после войны мы тоже ходили только к нему.

А когда он умер, многие люди плакали. И мы с сестрой тоже.

Я хорошо помню, как его любили, и студенты нашего техникума. Хорошо бы на нашем старом учебном корпусе повесить ему мемориальную доску.

Огромная заслуга

Наш папа, Введенский Юрий Николаевич, был врачом широкого профиля. Он мог лечить любую болезнь, кроме зубных, но снять зубную боль тоже мог.

Когда он приехал в Богородицк, во всей Тульской области свирепствовала болезнь малярия. Переносили плазмодиев от больных людей здоровым так называемые малярийные комары анофелес. Болезнь считалась практически не излечимой. Смертность от нее была высокой. А если и удавалось побороть болезнь на ранней стадии ее развития, то человек оставался инвалидом с недостатком зрения и слуха. Также болезнь влияла на

печень, сердце и другие органы. Люди, перенесшие малярию, долго не жили.

Наш папа нашел способ лечения этой болезни, и даже некоторые его пациенты, которые болели в раннем детском возрасте еще до войны, живы до сих пор.

Врач
Ю.Н. Введенский
в период финской
войны

Мама, Введенская (Рожкова) Клавдия Ивановна, живя с папой, тоже увлеклась медициной. Папа это понял, многому научил ее и сделал своей помощницей.

Он изобрел лекарство против малярии. Но так как ни в одной медицинской литературе о нем не написано, и пока у папы не было патента, аптека не имела права изготавливать это лекарство, а у папы на это не было времени, то его готовила мама дома. А я всегда вертелась около мамы, правда, близко подходить она мне не разрешала.

Помню, в этом нашем довоенном доме в зале поставили к стене маленький столик. На нем стояли аналитические весы. На них мама по очереди взвешивала различные довольно мелко порезанные сухие травы, сыпала их вместе в колбу, отмеряла сколько надо воды, которую приносил в особой посуде папа. Затем запаривала и фильтровала по стеклянной палочке и в раствор добавляла отвешенный на весах белый порошок, который, как я узнала потом, называется хной. И по ходу действий спокойно отвечала на все мои « что это? » и « почему? ».

Эх, мамочка родная! Если бы тогда знала, как мне в жизни пригодилось потом эта твоя наука! Я в школе училась в войну и в первый послевоенный период. И за все годы обучения химии нам объясняли только мелом на доске. Нам не только никогда не показали ни одного опыта, мы даже ни разу не видели « в глаза » ни одной химической посуды, ни одного реактива. А в институте на практических занятиях каждый выполнял свои задания самостоятельно. Подруги даже из дальних деревень легко со всем справлялись, а я вспоминала, как это делала ты, моя родная мамочка.

Помню, как приезжали к нам сразу два профессора: молодой из Тулы, пожилой из Москвы. Они долго разговаривали с папой и мамой. Мне разрешили сидеть рядом на стуле, но не вмешиваться в разговоры старших. И я все старалась понять и слушала их, как потом мама сказала, с открытым ртом.

Из - за спин старшин, я не видела, что лежало на столе, кроме бумаг, но слышала, что они дали папе какой-то патент. Папа обрадовался и сказал:

- Вот теперь лекарства от малярии будет изготавливать аптека.

А старший профессор ответил:

- Но это же ваше изобретение. Вам надо написать докторскую диссертацию и защитить ее. А мы вас поддержим.

Но папа отказался.

- Конечно. Это было бы очень хорошо,- сказал он.- Но у меня две с половиной ставки и детей четверо, им тоже надо уделять внимание.

И он дал профессору бумагу и разрешил готовить по ней лекарства.

Потом взрослые пили чай, а меня мама отправила в спальню.

Когда профессора ушли, я подошла к маме:

- Мам, вы меня загородили, и я не видела, когда профессор дал папе патент. А какой он?

- Когда вырастешь большая, тогда узнаешь. А сейчас ты все равно ничего не поймешь.

- А он тяжелый? – не успокаивалась я.

- Это, дочка, такой документ,- вмешался в разговор папа.- А в нем написано, что я изобрел лекарство.

- Значит, ты большой ученый – изобретатель, тебя теперь весь мир будет знать? Да, папа?

- Нет, меня никто знать не будет. Если бы я написал и защитил диссертацию, то знал бы. Но у меня очень мало времени, я буду писать долго, а лекарство уже нужно сейчас. Вот сколько много людей болеют этой коварной болезнью. И умирает от нее много. Пусть за это лекарство кто-то другой получит премию, зато много людей будет спасено.

Так, на основании папиного изобретения перед самым началом войны было создано лекарство акрихин, которым и в настоящее время лечат людей от этой теперь редкой, но жестокой болезни - малярии.

А к папе даже из Тулы присылали больных с тяжелой формой этой болезни, и он их лечил. Не было ни одного случая летального исхода, т.е. смертельного.

Потом началась финская война, и папа с первого и до последнего дня был на самой передовой.

Вот одно из воспоминаний от бывшей учительницы Галины Ивановны Селивановой, которая знала папу еще в довоенное время.

С большой теплотой

С большой теплотой и глубоким уважением жители нашего города относились к Юрию Николаевичу Введенскому. Он работал врачом много лет до войны и после ее окончания, возвратившись с фронта. Мои школьные годы: нам ежегодно делали уколы под правую лопатку. Я и многие дрожали и боялись, потому, что эти уколы были очень болезненными. Когда же мы подходили к Юрию Николаевичу, то он погладит по голове и ласково скажет: «Потерпи минутку, зато болеть

не будешь». Сделает и обязательно погладит по голове и скажет: «Вот и все, а ты боялась».

Юрий Николаевич был прекрасным врачом, талантливым и на редкость очень внимательным по отношению к больным. Кто бы его не просил прийти на дом, он никогда никому не отказывал, было ли это вечером или в выходной день. Порой ему приходилось пройти немалое расстояние, т.к. транспорта тогда не было, но он шел. Шел зимой, несмотря на сильные морозы, осенью, когда на дорогах была непролазная грязь. Удивительно, если Юрий Николаевич приходил к больному, он никогда не ограничивался одним посещением. Приходил столько раз и до тех пор, пока не убеждался, что человек выздоравливает. Я очень хорошо помню, сколько раз приходил Юрий Николаевич к нам, когда болела моя мама, к моим родным. Юрий Николаевич знал и народные способы лечения, родственники однажды попросили Юрия Николаевича придти к моей тете Лизе. Он пришел, посмотрел и сказал, что у нее рожистое воспаление или как говорят, рожа. С помощью трех заговоров он избавил ее от недуга. Юрий Николаевич был не только замечательным и высочайшего авторитета врачом, но и мудрым, интеллигентным врачом и в тоже время простым, бескорыстным, необыкновенным души человеком. Вот каким он остался в моей памяти. И было бы справедливо назвать поликлинику его именем.

Селиванова Галина Ивановна, год рождения 1927. Ул. Ленина-14, кв3.

Для профилактики

Этот вечер из довоенного детства хорошо сохранился в моей памяти. Сколько мне тогда было? – точно сказать не могу, думаю, что лет пять, а может быть, и шесть.

Папа пришел после дневного приема больных. Мы хотели, как и всегда подбежать к нему в прихожей, но он вдруг резко крикнул:

- Не подходите ко мне. И в зале нечего быть, идите все в спальню.

Мы в недоумении переглянулись. Что случилось с нашим папочкой? Всегда такой ласковый, добрый, любящий. А сейчас? Мы послушали его - шли в спальню, но дверь оставили приоткрытой, чтобы нам все было хорошо и видно, и слышно.

Маме он сделал знак рукой, чтобы она к нему не подходила. Это удивило нас еще больше.

- А ты, Клабочка, дай мне чистую рубашку.

- Так на тебе же чистая. Я ее тебе сегодня утром дала.

- Я это помню,- сказал папа.- Но я соприкасался с больной корью, а корь особенно противна тем, что передается через вещи.

- Но ты, же говорил, что у тебя сегодня прием взрослых,- недоразумевала мама.

- Да, все верно. Только педиатр совсем молодая, даже институт еще не закончила, проходит у нас практику, а меня назначили быть ее куратором.

- А ты не мог отказаться? Ведь у тебя вон, какая большая нагрузка, дома почти совсем не бываешь.

- Да как откажешься? Кто-то ведь должен.

Мама не стала больше ничего спрашивать. Папа протер руки сулемой, долго и тщательно умывался, переоделся и сел обедать.

- И где же эта девочка заразилась? - прервала молчание мама. Папа очень не любил, когда кто-либо разговаривал во время еды, всегда делал замечания. Но на этот раз спокойно ответил:

- Я тоже сначала не понимал: живут в собственном домике в деревне мать, отец и девочка. По близости детей нет, одни старики и старухи. Контактных рядом нет. Но девочка ходила с мамой в город и нашла плюшевого зайчонка, он ей очень понравился. Даже спит с ним, с тех пор и заболела.

Андрей Михайлович Введенский, внук Ю.Н. Введенского (мой сын) продолжает медицинскую династию рода.

- Наши дети целые дни проводят на улице, вдруг тоже с чем-нибудь соприкасались, взволнованно сказала мама.

- Я об этом тоже подумал, - ответил папа. – Откладывать не будем, я захватил лекарство, и сегодня сделаем им профилактические прививки.

Я боялась уколов и, услышав такое папино решение, закричала:

- Нет! Не надо уколы, мы ничего не трогали.

- Варенька, доченька, - услышав мой крик, сказал папа, - ты же у меня самая храбрая. Разве ты боишься уколов? Больно не будет, это я обещаю.

- Я не боюсь, а знаю, что они нам не нужны, - обиженным и в то же время радостным за похвалу голосу произнесла я.

-Это надо для профилактики,- пояснил папа. – После уколов, вы, даже если и встретите больного ребенка или поднимите его игрушку, уже не заболаете.

Я вошла в зал, смотрела, как мама клала в стерилизатор шприц и тонкие медицинские иглы. Потом она налила воды, которую приносил с работы папа, она называется дистиллированная, и поставила на специальную спиртовку. Вода кипела долго, а я все волновалась, скорей бы отмучиться.

Потом мама сказала:

- Зови Лидочку и Верочку с Колей, а я пойду к Лизутке.

Папа надел чистый халат и сделался каким-то чужим. Вошла Лидочка, в руках она держала круглую металлическую коробку.

-Ну, кто первый? – спросил папа.

Подошла я, стала к нему спиной, подняла рубашку. Я знала, что уколы делают под правую лопатку.

- Ты у меня умница, - сказал папа и погладил меня по головке.

Лидочка села передо мной и раскрыла коробочку. В ней оказались мои любимые цветные конфетки драже, величиной по копейке.

- Бери, сколько хочешь, - сказала она. Но я взяла одну.

И тут мне папа сделал укол, и действительно совсем не было больно. Лидочка насыпала мне целую горсть конфет. Похвалила меня, и я ушла в спальню.

Сначала было тихо. А потом раздался раздирающий Вовкин крик. Когда он смолк, я вышла из спальни и подошла к Вовке.

- Тебе было больно? – сочувственно спросила я.

- Вот даже ни сколечко, - ответил он.

- А почему же тогда ты кричал?

- А просто так, - с гордостью добавил он.

- Для профилактики, - сказала за него его мама тетя Лиза.

И все весело засмеялись.

Память жива (Т.И.Еремеева)

Мало осталось в Богородицке тех, которые жили здесь до войны, и помнят врача Ю. Н Введенского. Некоторые знают точно, что он их лечил, а в своих воспоминаниях рассказывают подробно про него послевоенного. Вот одно из таких небольших зарисовок.

Татьяна Ивановна Еремеева, 1927 года рождения, до войны жила недалеко от нас, и я по рассказам мамы помню, что папа лечил всю их семью.

После войны она работала учителем русского языка и литературы. И когда папа пришел с фронта, опять их семью лечил. Мы снова жили по соседству. Только теперь на другой улице. Она помнит про папу многое, но написала, почему, то очень мало.

Провожу ее текст полностью:

Я, Татьяна Ивановна Еремеева, богородчанка, но в настоящее время живу в Туле. Выросла в учительской семье и помню врача Юрия Николаевича Введенского, так как он лечил меня в детстве.

Очень обрадовало известие о том, что богородчане хотят присвоить его имя городской поликлинике и установить мемориальную

доску. Это был прекрасный врач, которого хорошо знали и уважали в самом Богородицке и далеко за его пределами.

Так пусть же будет достойная память об этом замечательном человеке и враче.

Из Тулы

Этот текст Т. И. Еремеевой принесла мне написанный на бумаге вместе с текстом И.В. Карасевой, бывший директор БСШ № 8 Лидия Трофимовна Трофимчик, тексты продиктованы из Тулы по телефону. Ниже приписка Трофимчик Лидия Трофимовна, тоже привожу полностью:

Карасева И.Я и Еремеева Т.И. как и я – учителя русского языка и литературы. Обе богородчанки, учились в Богородицке в одном классе. Татьяна Ивановна работала со мной в одной школе, БСШ №8. В настоящее время они живут в Туле, но влюблены в свою малую родину. Следят за ее судьбой и событиями, происходящими в ней, регулярно выписывают в Туле нашу районную газету «Богородицкие вести»

Свои воспоминания они продиктовали мне по телефону.

Я врача Ю.В. Введенского почти не помню, потому что была маленькая, но много прекрасных воспоминаний о нем слышала от родителей и знакомых. Поэтому я тоже присоединяюсь к сожалениям земляков дать Богородицкой поликлинике имя этого замечательного человека, майора медицинской службы Юрия Николаевича Введенского и повесить мемориальную доску.

Испытала на себе

Но война в это время была, только другая, так называемая финская. Касалась она в России на всех семей, но у нас в Богородицке коснулась многих, потому что самый сильный врач города, наш папа, Введенский Юрий Николаевич, был призван на фронт, на самую передовую линию, чтобы спасти жизнь раненым бойцом.

А у нас в Богородицке, да и не только в самом городе, а намного дальше, спасти жизни мирных людей от злодейства этой страшной и жестокой болезни малярии стало некому. Аптека имела право готовить открытое им лекарство только по его рецептам, а другие врачи о нем даже практически еще не знали.

Вот и началась в районе новая вспышка малярии. И так случилось, что этой болезнью заболела я, шестилетняя девчонка, дочка самого главного «малярийного доктора», как его называли в народе.

Правда, война уже официально закончилась, но папа еще не вернулся. А моя болезнь, как мне потом сказала мама, да я и сама это понимала, протекала в очень тяжелой форме. Ко мне приходила молодая женщина – врач, дала назначение, но мне становилось все хуже, начались осложнения.

Я бредила, а когда засыпала. То мне снились детские кошмары б цыган, огромная собака с красными глазами и говорящая страшным человеческим голосом « Наплюю и растопчу». Иногда на меня наваливалась и придавливала какая-то огромная гора и не позволяла мне дышать. Но особенно мучили видения, которые трудно описать словами, но я все это помню и до сих пор.

Врач сказал маме, что положение безнадежно, я это слышала и впала в апатию. Тогда мама решила лечить меня сама. У папы оставались лекарства, какими он лечил от малярии взрослых, дозировку мама взяла на свое усмотрение. Мне стало немного легче, температура частично спала, но еще держалась, где-то в пределах тридцати восьми градусов, легче стало дышать. Но я ничего не ела и была ко всему безразлична.

Мамино горе стало горем всего нашего дома. Все понимали, что поправиться я смогу только тогда, если у самой появится интерес к жизни. И хотя мама продолжала давать мне папино лекарство, но болезнь как бы остановилась на одном месте. Я честно выполняла мамино назначение, чтобы не огорчить ее, но в то, что выздоровлю, не верила, считала, что помочь сможет только папа, и ждала его возвращения.

Ко мне приходила бабушка и рассказывала мои самые любимые сказки, но я каждый раз повторяла:

- Бабушка, не надо, я не хочу больше слушать.

Приходил дядя Витя, рассказывал разные смешные истории, все дети смеялись, а я понимала, что это он придумывал сам, и мне не было смешно.

Дядя Паша

Дядя Паша заверял, что когда я поправлюсь, он возьмет меня с собой в путешествие, будем летать на самолете, кататься на верблюдах и слонах. И хотя эта перспектива мне нравилась, но я себя настолько плохо чувствовала, что, когда представляла это, у меня еще больше кружилась голова.

А потом вернулся с войны папа и долечил меня. И он научил маму, в каком случае и когда надо давать какие дозировки. Мама у нас очень способная, и она быстро все запомнила. И хотя пап жил теперь в мирное время, но он, очевидно, там, на войне понял что-то такое, происходящее в стране, о чем не догадывались простые люди, и на всякий случай готовил себе замену.

Святой

То, о чем я хочу сейчас написать, относится ко времени, когда финская война закончилась, но врачей еще не демобилизовали.

Папа тоже был оставлен долечивать раненых в госпитале одного из Прибалтийских городов, но писал, что скоро приедет.

Вокруг Богородицка открывались все новые шахты, но работников-шахтеров не хватало, поэтому стали присылать бывших ссыльных и тюремщиков. А в их кругу широкое распространение получила очень опасная инфекционная болезнь – туберкулез.

И так случилось, что не успела я отправиться от малярии, как скоротечной формой туберкулеза заболела наша бабушка Мария Дмитриевна Рожкова, мамина мама, и притом тяжело. Болезнь ее с каждым днем проникала все глубже в легкие. Бабушка кашляла, задыхалась. Ее изолировали в доме от остальных, особенно от нас, детей. Врачей в городе не было, да и в то время туберкулез считали неизлечимой болезнью.

Бабушка (Рожкова Мария Дмитриевна)

Бабушка уже временами теряла сознание. Но так как она глубоко верующая, то все переносила терпеливо. Младший ее сын Виктор каждую ночь дежурил около нее. И однажды она его попросила:

- Отвези меня в храм. Хочу последний раз причаститься в церкви. Утром дядя Витя приехал

со своим шофером на легковой машине «козле» (а он работал бухгалтером хлебозавода), с ним поехала и мама. В церкви бабушка себя почувствовала совсем плохо. А день был рабочий, народу для причастия всего 3-4 человека и священник один.

Дядя Витя попросил священника прервать службу и причастить умирающую раньше. Священник не хотел, но потом все же согласился. И только бабушка проглотила причастие, тут же потеряла сознание, но не упала: мама успела ее подхватить. Принесли скамью, на которую ставят гробы с покойниками, когда отпевают. Положили бабушку. Мама сложила ей руки. Священник коротко прочитал «Отходную» и ушел продолжать службу. Подошла незнакомая женщина, посмотрела, перекрестилась, пожелала Царствие Небесное и перекрестила труп.

Мама осталась в храме, а дядя Витя пошел на хлебозавод за машиной, чтобы привезти труп домой, обмыть, одеть, уложить в гроб, который он тут же и заказал.

В церковь вошел папа. Его демобилизовали, он приехал на поезде и с железнодорожной станции «Жданка» шел пешком домой, решил зайти в храм. Увидел маму.

- Ты здесь? Почему? А дети с кем?

- Вот, мама она только что....

Мама не смогла договорить и заплакала. Папа поставил чемоданчик, подошел к скамье.

- Она жива, - еле слышно прошептал он.- Иди на улицу и не заходи, пока не позову.

Мама вышла. Подъехал дядя Витя. Она ему сказала, чтобы пока не заходил. Через несколько минут вышел папа. Его лицо было усеяно крупными каплями пота.

- Она жива, - более уверенным голосом, чем первый раз, сказал он.

Мама с дядей Витей и папой вошли в храм, бабушка, очень бледная, сидела на скамье.

Подошла женщина, которая перекрестила «покойницу», посмотрела и закричала, указывая пальцем на папу;

- Святой! Он святой! Я только что сама видела, он воскресил мертвую. С тех пор имя «святой» закрепилось за папой.

Важная тема

Мне иногда задают вопрос, ходил ли врач Введенский Юрий Николаевич в церковь до войны. Скажу честно, что ответить на этот вопрос я и теперь затрудняюсь, потому, что была тогда маленькая и ничего не понимала. И самые первые очень поверхностные представления о религии получила со слов бабушки. Но когда стала расспрашивать у мамы, она сказала, чтобы я ни с кем на эту тему ничего не говорила, иначе и меня, и папу посадят в тюрьму. И я молчала.

Но думаю, что не ходил, потому что боялся, что его также легко могут снять с работы, как прежде исключили отличника из университета.

Верующим он оставался быть. Это заключение я делаю из того, что по утрам я часто просыпалась рано и видела, как он молился перед иконами, которые висели в спальне в углу.

И еще... Точно не могу сказать, когда это было, но думаю, что еще до финской войны. К нам по субботам иногда приезжал на лошади довольно молодой мужчина, но с бородой и в странной одежде. Мы его называли дядя Андрей. Мама нам говорила, что это папин кучер, и что в ее детство все кучера носили бороды и так одевались, только разного цвета были кушаки. Папа брал свой чемоданчик и ехал с «кучером» в Ломовку к больному, а потом возвращались вместе поздно вечером.

Раньше я по своей наивности всему этому верила. А теперь мне подсказал наш богородицкий краевед Виктор Иванович Потапов, что примерно в эти годы по праздникам приезжал в Ломовку и служи в Ломовском храме священник Андрей Александрович Введенский, сын обновленческого митрополита от первого брака, но был не обновленцем, а приверженцем патриаршей церкви. И где в это время был папа: у больного или в храме – сказать не могу.

Но коротко о судьбе Андрея Александровича Введенского. Она сложилась трагически. В Богородицком районе он служил недолго, а потом был переведен в другой район, где был продан своей собственной женой, арестован, находился в лагерях в Сибири и не выдержал того, что там происходило. Пытался бежать, ему стреляли в спину. В голову- шесть пуль было обнаружено. Вот так он скончался. Об этом есть акт, а у меня его копия.

И еще помню, что большие праздники папе всегда ставили по графику ночные дежурства в больнице. И про одно такое дежурство, а точнее про случай в этот день, рассказала 90- летняя женщина.

В Пасхальную ночь

Воспоминание о враче Введенском Ю.Н.

Вазина Маргарита Ивановна - 1928 года рождения города Богородицка, учительница. Я много слышала от мамы доброго, о враче Введенском Ю.Н. Помню один случай из рассказа мама. Стояли они на службе в Успенском храме в день Пасхи. Одной прихожанке стало плохо, она упала, вызвали врача, прибыл врач Ю.Н. Введенский, при осмотре больной без сознания он обнаружил в ее руке список комсомольцев стоявших на службе. Ю.Н. Введенский прочитав, порвал его на кусочки, а позже мы узнали, что было в той бумажке. Если бы ни Юрий Николаевич, то она попала бы в комсомольское дело и сколько бы слез в этот Светлый праздник Христова Воскресения. Этот случай обморочной женщины был не случайным, Пути Господни неисповедимы. Сейчас это пусть будет в урок безбожникам. Желаю, чтобы имя доктора Введенского осталось в истории для назидания всем и конечно врачам. Без бога мы ничего не можем. И талант врача у Юрия Николаевича был от Бога.

Желаю его доброе имя присвоить нашей больнице, поликлинике. Т.к Маргарита Ивановна не в состоянии сама написать, с ее слов написано мною.

18.03.18 г.

Архангельский Л.И.

Конец лета

В конце лета 1940 года папа вел прием в Богородицкой поликлинике. А так как он был очень добрый, то не мог отказать никому. И слава о молодом, но очень сильном и добром богородицком враче разнеслась не только по всей Тульской области, но и за ее пределами.

И вот однажды к нему в больницу на прием привели девушку из деревни Федоровка Узловского района (тогда Московской обл.). Звали ее Шура Буравцова. Привела ее соседка. На вид, как определил папа, Шуре было лет 16, сама она это внятно объяснить не смогла.

Шура жила с родителями, но случилось так, что в одночасье они погибли оба. И девушка стала замкнутой, молчаливой, неразговорчивой, к тому же очень пугливой.

Папа проверил ее здоровье и понял, что вывести ее из такого состояния может только смена обстановки. Но есть ли у нее родственники, соседка не знала, а Шура не смогла ответить. Папа у нас был очень добрый, Шуру он пожалел и решил взять к нам, чтобы она пожила, пока не восстановится, не станет спокойной.

Мама возражать не стала, к тому же ей было тяжело одной с четырьмя своими детьми. И тетя Лида. Жена дяди Паши, приносила кормить своего маленького Бориску, Володиного брата, так как у нее самой пропало молоко, а мама только что отняла от груди Геню. Она поняла, что Шура очень любит детей, и общение с нами быстро помогло ей выйти из такого состояния, в котором она прибывала.

Работой мама не нагружала, и основными ее обязанностями были убирать в комнатах, и присматривать за ними. А мы ее восприняли как подругу, у которой случилось горе и которой надо помочь. Даже поняли какую-то ответственность, которая вроде бы легла на нас за нее, и только мама была довольна Шурой. А так как мы привыкли сами находить для себя занятия, то развлекать нас не требовалось, и Шуру это вполне устраивало.

Больше всего Шура любила гулять. Речь ее изобиловала своеобразными оборотами, и во время прогулки она нам предлагала:

- Пошли, кругля сдавать!

Это значит делать круг по улицам города. И мы шли по Пушкинской до Урицкого, по которой спускались на Коммунаров, по ней проходили до Красноармейской (Ленина), по Красноармейской поднимались до Пушкинской, а по ней до дома. При этом я и Шура держали за руки Колю, он был полный, неуклюжий, неповоротливый, но мог неожиданно оторвать руки (чаще, когда был без Шуры, а только вдвоем со мной) и бежать без оглядки в любую сторону, даже если там шла машина. Поэтому мама была рада, что с нами ходила Шура.

И папа тоже был рад. Я помню, как он давал маме деньги, чтобы она купила Шуре одежду и обувь. И всем давал на мороженое. Так он дела, когда получал зарплату. А мама еще перешла Шуре свои красивые платья: ей они стали малы, а Шуре велики. Мне сначала было жалко, мама в них была такая красивая. Но потом я подумала, что у Шуры никого нет, кроме нас, и мама все сделала правильно.

Через железную дорогу

Это воспоминание (между прочим, самое первое) прислала бывшая технолог Богородицкого хлебозавода Раиса Васильевна Сафонова (по первому мужу Прокопенко). Когда – то, в 60-70 гг. прошлого века мы с ней жили в одном доме - хрущевке на улице Коммунаров, только я в первом подъезде, а она во втором, я на первом этаже, а она на последнем, четвертом.

Мы обе были внештатными корреспондентами нашей районной газеты «Ленинская правда», обе на лучшем счету, ездили на областные конференции, ходили вместе и на районные, получали грамоты, наши фотографии висели рядом на «Доске почета». Все это нас сдружило.

Потом она вышла замуж за моего бывшего ученика-переростка, а мне дали квартиру на территории сельскохозяйственного техникума, и я отделилась от семьи. Рая родила вторую дочку, но и этот муж умер. Сейчас живет с сестрой в родительском доме (бывший поселок «Аварийный», потом он стал называться «Горняк», сейчас г. Богородицк, ул. Механическая, дом 5).

Наша дружба продолжается и до сих пор.

И вот ее воспоминание о моем папе.

Я, Сафонова Раиса Васильевна, 1941 года рождения. Мы жили на аварийном поселке и сейчас там живем. Нас, детей, в семье пятеро: двое родились до войны, я в самом начале войны и двое послевоенные. И всех нас лечил самый лучший богородицкий врач Георгий Николаевич Введенский.

Я его помню послевоенного, а какой он был до войны и что тогда было, помню по рассказам мамки. Это я и хочу сейчас сказать:

Мои братья, которые родились до войны, часто болели. И те, которые родились после войны, тоже болели. И ходили в детскую поликлинику к врачу Введенскому. Но они очень боялись переходить железную дорогу. И один раз врач велел им придти, а они не пошли, и он пришел к ним сам.

- Почему не пришли?- спросил Георгий Николаевич.

- Они боятся проходить через линию,- объяснила мамка.

- Мы не через линию боимся,- закричал брат.- Мы боимся под поездами пролазить. Вдруг они в это время поедут и нас задавят.

Ребенок прав. Пролезать под поездами очень рискованно. Вдруг они и правда поедут!

- А что же делать? Они иногда по часу стоят, мы же опоздаем.

- Не надо, не ходите, я теперь сам к вам буду приходить.

И мамка сказала, что он правда часто приходил. Она ему хотела заплатить, но он не взял. Это врач от Бога взятый. Всегда посмотрит, спросит, какие у нас дела. Такой был добрый. Иногда, даже ночью приходил.

Мы ему очень благодарны, что и сейчас живем. И я хочу чтобы его имя осталось в Богородицке.

Мечты и надежды

- Мама, я учиться хочу, пойдем в школу, подадим заявление,- начала я упрашивать маму с самого утра в субботу 21 июня 1941 года.

-Тебя, Варюша, не примут. Тебе еще только семь лет, а в школу принимают с восьми. Даже тем, кому 2-го сентября исполнится восемь, в этом году отказывают, а у тебя день рождения 8 ноября.

- А как же Верочку в прошлом году приняли? У нее день рождения еще позже, 9 ноября?

- А может быть, все же и меня примут? Что ж, я всего на год моложе, а буду отставать на два

- А на кого же ты Генечку оставишь? Кто за ним смотреть будет? Ведь я теперь с папой работаю.

- Шура! Она будет за ним смотреть. Ей я его доверяю.

Я понимала, что у мамы больше нет повода мне отказать, продолжала ее упрашивать, и мама «сдалась».

Мы подошли к школе. В ней кипела бурная жизнь - готовились к выпускному вечеру.

Директор школы, Иван Яковлевич Пахомов, был очень занят.

- Что у Вас? Могу уделить всего одну минуту.

Мама объяснила.

- Нет, нельзя, не положено. Приходите через год.

- Но она уже умеет читать, а также по арифметике складывать и вычитать. Что ж ей еще целый год сидеть?

- Хорошо, оставьте заявление, а в понедельник идите в РОНО. Я с ними тоже поговорю. Если разрешат, то я приму.

У меня появилась надежда, и вечером я с уверенностью сказала папе:

- Пап, меня в школу примут.

- Рад за тебя, дочка, учись лучше, как Верочка.

А потом обратился к маме:

- Завтра у меня выходной. Верочка закончила первый класс на се «отлично», Варюшу, я надеюсь, в школу примут. Давай устроим детям праздник: пойдем с ними в лес или парк, поесть что-нибудь захватим, набегаются, а на природе все вкусно.

- Я и сама тебе хотела это предложить. И даже их любимых пышек испекла.

- Вот и хорошо. Значит, завтра будет праздник, так и решили,- заключил папа.

Часть 3

Великая Отечественная война. Это война!

В последние предвоенные годы в большой бабушкиной семье произошли и большие изменения. Нас у мамы стало четверо, но мы продолжали жить в своей части дома. Дядя Паша был женат на агрономе «Шахтерского совхоза» Елизавете Ивановне Коптовой. У них был сын Володя на восемь месяцев моложе меня, а теперь еще родился Боря. Их семья жила в бывшей столовой, а за год до войны получила квартиру в «Шахтерском» отделении совхоза. Дядя Витя был женат на Евгении Федоровне Барановой, работнице конторы совхоза. У них была ее дочь от первого брака Жанна Кулыгина на 6 лет старше меня, и двое общих маленьких детей: девочка Лера и мальчик Женя. Они жили в той половине дома, куда раньше пускали квартирантов.

Между нашими двумя половинами был узкий коридор, от которого в стороны улицы отходили две отдельные маленькие комнатки, в одной из них, что ближе к нам, жила бабушка, а в другой - мамина сестра, мы ее, как и взрослые, называли Лидочкой. Она и бабушка тоже создавали семью.

В это утро, теплое, ясное, солнечное, я ожидала праздника, остальные дети еще спали. Ведь только я одна слышала планы папы и мамы на этот день. У дяди Вити в зале на стене висела «черная тарелка», а дверь в коридорчик была распахнута настежь. Оттуда доносилась классическая музыка.

Но вдруг мелодия неожиданно оборвалась и из «черной тарелки» доносятся позывные : медленный громкий перебор музыки первой строчкой песни И.О. Дунаевского. «Широка страна моя родная». Это призыв к очень важным правительственным сообщениям.

- Что-то не к добру, музыка как-то особенно зловеще звучит,- сказала мама, обращаясь к папе.

- Да нет, как всегда, - постарался успокоить ее папа,- наверное, готов какой-нибудь новый строительный объект.

И только когда я была старшеклассницей, поняла, что там, на финской войне, папе стало ясно то, чего не понимали мы. И он все время ждал этого страшного слова «Война»!

Мама пошла на ту половину, где жила семья дяди Вити, и я естественно, уцепилась за нее.

Не буду передать содержание речи Молотова В.М. и последовавшую реакцию слушавших ее родных, но мне было непонятно, почему все повторяли слово «Война», когда Молотов ясно сказал: «Без объявления войны». И когда мы возвращались, я спросила об этом у мамы.

И она мне сказала:

- Ты об этом у папы спроси, он тебе лучше объяснит, ведь он только недавно пришел с войны.

Я терпеливо дождалась, когда мама пересказала папе речь Молотова. А тут и сестра с братом успели одеться и тоже слушали разговор старших про войну. Тогда я спросила:

- Пап, я не понимаю, почему все говорят, что война. Но ведь Молотов понятно сказал, что без объявления войны, я сама слышала.

- Тут, дочка дело такое, война может начаться по-разному. Если государство живет честно и хочет вернуть себе часть отобранной у него территории, то оно, когда окрепнет, станет сильнее, объявляет войну, то есть заранее предупреждает, когда и с какой стороны оно начнет военные действия.

- Она была справедливая. Ее начали мы, предупредили финнов и вернули отобранные наши земли.

- А когда вошел, на стадо коров нападают, это тоже война? - перебил папу на этот раз Коля.

- Да, ты, сынок, правильно заметил, это тоже война, но только нечестная. И среди людей есть злые и кровавые, как волки. Их зовут фашистами. Вот они и напали на наш советский Союз без объявления войны.

- Папочка, а ты опять пойдешь на войну? - сквозь слезы спросила Верочка.

- А разве ты стреляешь, ведь ты же врач?- с ужасом в голосе снова задала вопрос я.

- Как ты им помогаешь? Я тоже хочу быть врачом,- это решение выразила Верочка.

- Зашиваю раны, режу, чтобы вынуть из тела пули, осколки.

- А ты вернешься после войны? – почти хором спросили мы.

- Обязательно вернусь, надо только верить.

- Как и в кого верить.

- Вас бабушка научит, когда я уеду.

- Дети, скорее умываться, чистить зубы и завтракать, а то все остынет, - позвала мама.

22 июня 1941 года

Был солнечный день, выходной, воскресенье-

Лишь счастье он мог предвещать.

Мы, дети мечтали об играх, веселье:

Пойдем вместе с папой гулять!

И нас обнимали отцовские руки,

так радостно было... и тут...

Из «черной тарелки» слышались звуки-

Их все позывными зовут

Нам передал Молотов страшные вести,

И боль в каждом слове слышна:

«Сегодня на нашу страну, на рассвете,

Напали фашисты...»

И радостно и грустно

На другой день, 23 июня, мама с папой собирались на работу.

- Мама, а как же в РОНО? Мы же с тобой хотели сегодня туда идти, - с волнением, что мама раздумает, спросила я.

- Посиди, Варюша, еще годок дома: война началась. Кто знает, что нас ждет впереди.

- Ну и пусть, а я учиться хочу, - закапризничала я.

- Слушайся маму, мама знает, как лучше поступить, - посоветовал папа.

Но я на этом не успокоилась. Я видела, куда в пятницу мама положила мою метрику, и только они ушли, залезла на стул и достала ее.

- Что ты делаешь? Тетя Клава придет с работы, ругаться будет, и мне достанется, - забеспокоилась Шура.

- Опять ты не слушаешься, положи на место! Нет, дай сюда!

И сестра попыталась отобрать у меня мое свидетельство о рождении, но я успела выбежать из дома. Где находится РОНО, я знала (в красном деревянном двухэтажном доме на углу Красноармейской и Пролетарской), мы мимо него ходили в горсад. В РОНО меня внимательно выслушали, и учиться разрешили.

Я поблагодарила, попрощалась и, радостная, побежала в школу. Ивана Яковлевича встретила на пороге школы, он явно куда-то очень торопился.

- Мне разрешается! — запыхавшись, почти крикнула я. Забыв поздороваться, и протянула ему метрику.

- Я знаю, иди в канцелярию, - проговорил он уже на ходу и, как мне показалось, машинально положил мой документ в карман пиджака.

В канцелярии тетя-секретарша уже знала, что мне разрешили учиться. И попросила метрику.

- А я ее директору отдала, он ее с собой взял.

- Где же теперь ее искать? Директора на войну берут, сюда он не скоро вернется, только бы вернулся. Ладно, я буду у тебя спрашивать, а ты, если точно знаешь, отвечай, запишу с твоих слов. (Потом выяснилось, что директора отправили в эвакуацию, а на войну взяли позже, он остался жив).

В первый метрике у меня было отчество Юрьевна, поэтому я без всякой путаницы легко ответила на все вопросы.

Когда вышла из школы, нашла карандаш, большой, новый, только заточенный. Домой идти не хотелось, погода была прекрасная. Я погуляла по Набережной, зашла в горсад, попрыгала по порожкам. Но идти домой все же надо.

Только я свернула на Пушкинскую, как увидела около нашего дома толпу народа. Я испугалась и бегом направилась к дому.

- Вот и Варюша! – сказал обрадовано папа.- Я уже боялся, что не смогу с тобой проститься.

У папы в руке был чемодан, и я все поняла.

- Папа! Ты уезжаешь? На войну, да?

Я готова была расплакаться. – Да, доченька, на войну.

- И директора тоже на войну взяли,- произнесла я скорее для того, чтобы не заплакать.

Папа поднял меня за талию на высоту своего роста, поцеловал.

- Будь умницей, дочка, слушайся маму, помогай ей.

- Папа, а меня в школу приняли.

- Учись лучше и не обижай никого.

Папа поцеловал меня еще раз и опустил на землю, потом быстро поцеловал еще раз остальных. Мама пошла его провожать, я тоже хотела, но мне не разрешили. Бабушка перекрестила папу вслед. Верочка плакала. А я стояла и теребила в руках карандаш, найденный около школы.

Но вдруг я опомнилась. Сорвалась с места и побежала догонять папу с мамой.

- Папа! – крикнула я еще на расстоянии.- Вот возьми, я нашла. – Вот умница, дочка, а я как раз забыл. Чем бы я вам тогда письма писал?

Первое письмо от папы пришло через четыре дня из Белоруссии, со станции Молодечно. Написано оно было карандашом.

Оккупация

Я пишу книгу про папу, про его заслуги перед богородицком, перед людьми и Родиной. Хочу по мере возможности показать его как человека, чтобы не только я, его дочь, но и все богородчане поняли, каким человеческим был этот врач от бога, Юрий Николаевич Введенский, который приехал в Богородицк в звании лейтенанта запаса, прошел две войны на самой передовой линии и закончил заведующим начальником полевым госпиталем в звании майора медицинской службы и наградами. При этой потере свое здоровье, но спас тысячи жизней.

Но в этой книге про войну в Богородицке напомним в нескольких строчках.

Занятие в школе начались, как и всегда, 1-го сентября, хотя еще в конце августа усилились артиллерийские налеты на шахты, а потом и бомбежки. И уже вечером и ночью 24 сентября был крупный налет фашистов на город Богородицк. занятия в нашей образцовой средней школе (в этом здании после восстановления и сейчас ДД(Ю)Т) прекратились в середине октября, а в небольших сельских школах чуть позже.

11-ого ноября, днем, была крупная бомбежка города с одновременным артобстрелом с самолетов. Погибло 47 ни в чем не повинных мирных жителей. Советские войска, находившиеся в Богородицком и ближайших районах, значительно меньше по числу солдат и вооружения, чем фашистские вынуждены были отступить и сдать врагу город Богородицк и ближайшие поселения без боя.

И 15 ноября 1941 года в наш славный городок ворвались оккупанты. Ровно месяц командовали они в нашем городе, но бед натворили много. Напротив окон нашего дома был двор детской библиотеки с низким зеленым забором. Во дворе фашисты установили виселицу и повесили мужчину. Его труп, в пальто, но без шапки и обуви, раскачивали на ветру. Мне, девчонка, которой только что исполнилось восемь лет, смотреть было страшно. И этот труп так запечатлелся, что до сих пор стоит перед глазами и снится в кошмарных снах. Но очень обидно, что наши музейные работники мне не верят. Считают, что все это я придумала сама, потому, что у них нет об этом официальных данных. Но они не представляют (и дай Бог, никому никогда этого не представлять), что такое война, разрушенный город и тысячи людей с детьми, оставшихся без крова. Тут главное похороните, а разбираться, кто он, потом. Я проводила собственное расследование и на 90% уверена, что это Рождественский, оставленный в поселке Товарковском для руководства комсомольским истребительным батальоном («Богородицкие были-2», с 87-89).

Перед отступлением фашистов, 15 декабря, все жители города покинули родные дома, и ушли в ближайшие села. Нас приютила в селе Новопокровском Александра Прохоровна Шахова, которая раньше носила нам молоко.

Город Богородицк наши войска освободили в результате сильных боев. Но фашисты превратили город, как говорится в камень на камне. Сгорел и наш дом. И мы, четверо малолетних детей, остались только с тем, в чем были.

(Подробно написано в моей книге «Богородицкие были», г. Тула, ООО « Риони», 2009 и 2012 гг. (издана дважды) а также частично в книгах: «Богородицкие были-2», г. Тула, ЗАО «Гриф и К». 2013 год и двухтомнике «Богородицкие были-3», Типография «Папирус», 2016 г.)

Дочь доктора

В одной комнатке у Александры Прохоровны нас, городских, скопилось 42 человека, в том числе женщина, у которой то и дело повторялись эпилептические приступы. Ей уступили деревянную скамью, а мы, дети, тесно прижавшись друг к другу, разместились спать под этой скамьей.

Взрослые всю ночь простояли, потому что даже на полу присесть было некуда.

Утром, 16 декабря, все разошлись, остались только мы с бабушкой. Шура тоже ушла в свою деревню. Мама дала нам по одному сухарику из черного хлеба (это был деликатес), а сама с Лидочкой тоже пошла в город, а точнее туда, где он был до вчерашнего дня.

На следующий день рано утром ушли и бабушка с Лидочкой, их пригласили к себе жить в маленький домик дядя Володя с тетей Анютой (дедушкины брат и сестра). Мама тоже куда-то уходила и принесла в мешочке несколько вареных картошек в очистках и кусочков хлеба. Мы с радостью набросились на них, но она дала немного, остальное оставила на другой раз.

На третий день мама взяла с собой меня. Мы пришли к священнику отцу Фёдору, который до войны приходил к нам и лечился у папы. И тут я поняла, что эти два дня мама побиралась.

- Мама, значит, ты побиралась? – с ужасом в голосе спросила я её, когда мы вышли от священника на улицу. – Ведь ты жена врача. Это же стыдно.

- А что мне остается делать? – вопросом на вопрос с грустью ответила мама. – Работы пока нет. Должна же я вас как-то кормить.

- Теперь буду ходить по домам я. Мне не стыдно, я маленькая.

- Нет, не маленькая, ты у меня стала совсем взрослая. Хорошо, доченька, а я буду искать в городе работу и жильё.

Так я стала ходить по деревне и побираться. Два раза брала с собой Колю, но он только держал меня за руку и молчал, никогда не просил. А во второй раз одна молодая женщина сказала:

- И не стыдно просить? Вон какой брат у тебя упитанный, видать отъелся на наших даровых-то харчах.

После этих слов Коля больше не пошёл. Без него подавали хуже.

А однажды зашла я в один дом, дверь, как всегда у всех, была открыта. Стала около порога и не могу слова сказать, чуть ли не задохнулась: так аппетитно пахнет жареным мясом.

Подошла женщина.

- Уходи, девочка, нечего тут стоять-то. Вас тут, городских, много ходит, уж на всех не наготовишься.

Такое я стала слышать всё чаще и повернулась, чтобы уходить. Но женщина вдруг остановила меня:

- Погоди, ты чья будешь-то?

- Я городская.

- Вижу, что городская. А как твоё фамилие?

- Моя фамилия Введенская.

- Это доктор Введенский кем тебе будет-то?
 - Он мой папа.
 - Так вон оно что! И вы что же, тоже сгорели?
 - Тоже сгорели, как и все.
 - Ведь вас у доктора Введенского много. Сколько вас всех будет-то?
 - Четверо, а мама пятая.
 - И где же вы живете - то?
 - У Александры Прохоровны Шаховой.
 - Ну, проходи, садись, я тебе молочка налью, попей с хлебушком. Уж очень отец у тебя хороший человек. Такой добрый, всех нас лечил, никому не отказывал, и денег не брал. Мы его всей деревней считали своим доктором. А ты, не стесняйся.
 - А как же я одна?
 - Им хлеба дам, сама пекла. Только вот я тебя научу: ты приходишь и не молчи, сразу говори, что ты дочь доктора Введенского, и тебе лучше подавать будут.
- Я послушалась совета женщины, и мне даже иногда давали вареное яичко или маленький кусочек ветчинки. Все это я приносила больной сестричке.
- У Шаховой мы прожили больше двух недель, а потом нас взяли к себе в маленький домик наши родственники. И мы стали жить с бабушкой и Лидочкой одной семьей.

Встреча с детством

Жизнь в разрушенном городе постепенно налаживалась. Лидочка работала главным бухгалтером Мосбасторга, и мы стали получать продуктовые карточки.

Наши хозяева еще до прихода немцев успели выписать не 1942 год тульскую газету «Коммунар». Ее читали все взрослые, а нам рассказывали, и мы, хоть и с опозданием, но представляли. Что происходило на фронтах.

Потом заработал на почте отдел писем. А телеграмм и писем, в основном солдатских, там скопилось много. Но где искать адресата? Но нашли и в чужих домиках на окраинах, и в сараях, и в подвалах, и в землянках и в склепах. К нам принесли от папы сразу несколько писем и телеграмм, в которых он обижается, почему мы ему не пишем. Он, оказывается, ничего не знал про оккупацию Богородицка и ее последствия.

Встреча с детством

5 февраля 1942 года мы получили телеграмму от папы, в которой сообщалось, что завтра их часть будет проездом через нашу станцию

Жданка, стоянка поезда 15 минут. Указывались номера поезда и вагона. Мама сходила на станцию, узнала точное время прибытия поезда.

Мне она сказала ложиться спать пораньше, потому что разбудит ночью. Я с большим нетерпением ждала встречу с папой и два раза будила сама маму, боясь, что мы опоздаем.

Когда вышли на улицу, я увидела месяц и множество ярких звезд. Зимнее ночное небо очаровало меня. Обдавало крепким морозом, я дрожала, но этого не замечала, любясь всем, что окружало нас. Мама шла быстро, крепка держа мою руку, и потираливалила:

- Иди быстрее, а то так не успеем. И скорее согреешься.

На вокзале мы узнали, что поезд опаздывает на полтора часа. Как же долго длилось это ожидание! Но вот, наконец, и приближающийся состав. Папин вагон остановился близко.

Мы подбежали, и я увидела в тамбуре папу. Был он такой родной, но и чем-то чужой. Я догадалась: это потому, что на нем была новая военная офицерская форма. Я знала, что папа-капитан медицинской службы (звание майора ему присвоили позже).

В вагоне было очень тепло- и я быстро согрелась. Несколько человек в таких же новеньких формах были настроены весело и доброжелательно. И хотя в самом начале мы узнали, что они едут на передовую, но нас уверяли, что волноваться не надо, что в самом пекле они не будут.

Папа передал маме хлеб, сахар, консервы, сгущенное молоко; и стало еще радостнее, ведь вкус этого мы давно забыли. Он старался вести себя так, как будто только вчера расстался с нами и скоро опять увидимся, но это ему не всегда удавалось. И даже я. В общем – то еще ребенок, заметила какую-то недосказанность, растерянность и неловкость оттого, что ничем не может нам помочь. Разговор был несвязный, торопливый, перебежал с одного на другое. И вдруг папа начал хвалить меня, сказал, что я у него хорошая дочка, и тут же попросил:

- Варенька, расскажи «Про клопов».

(Ему всегда нравилось, как я рассказывала это стихотворение, кажется, С. Михалкова).

- Она, наверное, забыла его,- сказала мама.- Она уже совсем взрослая, и рассуждает, как большая, и моя главная помощница, и заботиться обо всей семье.

Но я, немного запинаясь, рассказала. И что-то, очень теплое и радостное, всплыло откуда-то издалека и опять погасло. Теперь уже навсегда.

Мне дали много гостинцев. А когда мама с папой вышли в тамбур, стали расспрашивать про оккупацию, пожар.

- Не переживай, дочка, мы отомстив фашистам за вас, мы победим, заверили меня.

Расставаясь, папа старался убедить, что скоро снова увидимся. Но увиделись мы с ним только почти через пять лет.

Позже наш папа сказал, что тогда в вагоне были врачи-хирурги. Все ехали на передовую. И мало, кто из них остался жив.

Врачам – хирургам

А. Сафонов, Богородицкий поэт

Кто в жизни раз по нож ложился

И боль, и муки испытал,

Тот на врача смотри – молился

На помощь Бога призывал!

Минуты кажутся часами,

Часы проходят, как года!...

Я преклоняюсь пред врачами

И буду помнить их всегда!

В тылу

До войны, а точнее почти до оккупации, аптека в Богородицке находилась на углу улиц Коммунаров и Урицкого, почти в том месте, где сейчас « Доска почета». Помню. Что это былое одноэтажное здание, больше вытянутое на Коммунаров, чем по улице Урицкого. Сгорела она 11 ноября 1941 года, когда в нее попал артиллерийский снаряд, расколол пузырьки с лекарствами и спиртовые растворы загорелись разноцветными огнями. Смотреть этот необычный красивый фейерверк собралась большая толпа народа, но всех разогнала милиция.

Когда в конце оккупации мы уходили в село Новопокровское, мама захватила с собой маленький папин чемоданчик с оставшимися лекарствами, шприцами, медицинскими иглами, шпателем и другим медицинским оборудованием. После финской войны папа успел научить маму многому, поэтому перед оккупацией она даже работала в пересыльном госпитале за медсестру.

После оккупации в Богородицке не осталось ни одного врача: кто был на фронте, кто в эвакуации, а кто навсегда покинул родной город, потому, что негде было жить. Да и опытных медсестер тоже не было. Но случилось так, что в зимние каникулы, сразу после того, как случилось так, что в зимние каникулы, сразу после того, как люди отпраздновали Новый 1944 год, я вторично заболела малярией и в тяжелой форме. На меня что-то навалилось, я потела, бредила, теряла сознание. Бабушка пыталась заговаривать, от некоторых болезней, например, от зубной боли, ее заговор людям помогал, но мне от малярии не помог. Мама снова вылечила меня сама папиным средством, а от папы уже больше двух лет не было известий. Все считали, что он погиб и сочувствовали маме, но она не верила и молилась за него за здоровье.

А потом заболела малярией моя одноклассница, которая по возрасту на два года старше меня. У меня с ней связь теперь была давно потеряна, и я не знала, жива ли она, но она пристала с моей соседкой свое воспоминание, написанное, очевидно под диктовку чужой рукой. Вот оно:

Спасибо добрым людям

Юрий Николаевич Введенский в Богородицком районе был самым лучшим врачом в детской поликлинике. Он лечил меня еще до войны.

Потом его взяли на фронт. «Он был участником военных действий тоже врачом». Вернулся контуженный и больной.

Детей он лечил сердцем своим, его не боялись дети. Я помню его обращение со мной. Я разговаривала с ним как с близким человеком, а свое дело он знал лучший врач.

Помню, в 1944 году я заболела малярией. Пакостная болезнь: то трясет, то температура за тридцать восемь градусов.

Маме посоветовали сходить к его жене. Я забыла ее имя. Она вылечила меня. Спасибо добрым людям – врачам, которые в трудное время, военное и послевоенное, исцеляли больных, труднобольных своими знаниями, добротой, докторским человеческим вниманием и человеческой любовью.

Спасибо добрым людям

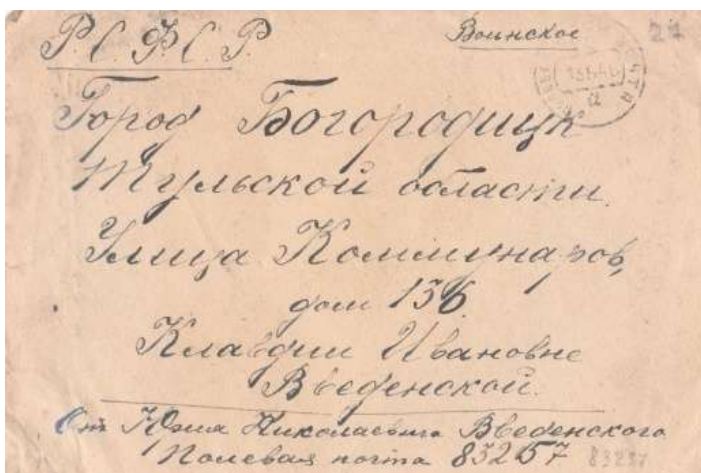
Метелкина Екатерина Ивановна.

Письма с фронта

После того, как виделись с папой на железнодорожной станции «Жданка, мы не получили от него ни одного письма и ни одной телеграммы. И хотя по газетам все следили за положением на фронтах, но было непонятно, жив ли и почему не пишет.

И это молчание длилось примерно два года. Родные и соседи старались убедить маму и нас смириться с тем, что его уже нет, но в это трудно было поверить. Мама пыталась делать запрос, но никакого ответа не получала.

И вот о радости! Вдруг сразу несколько писем и телеграмм. Правда, судя по датам на конвертах, написаны они недавно, а по датам в письме – давно, даже больше года.

Письмо с фронта

У меня сохранилась от военного детства старинная деревянная далеко не новая шкатулка – подарок тети Анюты. А в ней мои детские подарки: рисунки от Верочки и Генечки, коробочка из-под пудры от Лидочки и карточные коробочки из-под булавок и крючков от тети Лины, старинный рубль от

дяди Володи. А на дне – мой табель успеваемости за первую четверть второго класса (оказывается, у меня не было троек, а все «хор» и «отл»), справка о том, что я училась в первом классе образцовой средней школы с 1-ого сентября по 20 –е октября 1941 года, и самое дорогое - папины письма, написанные мелким каллиграфическим почерком.

Всех пять фронтовых писем, но не треугольником, а на бумаге без конверта.

Три письма написаны маме, но чернила в них настолько выцвели, что прочитать трудно. А два письма на розовой бумаге, оба одновременно мне и Гене. Поясню: еще до войны, а точнее с первого дня рождения каждого ребенка бабушкой было заведено, что ее детям, и внукам отмечали всегда не день рождения, а день Ангела. А что было когда-то в этот день и с кем, мы не понимали. Но на день рождения нас некоторые из родных бегло поздравляли, но не все и не всегда. А на день Ангела целовали, дарили подарочки. Мама или бабушка пекли пирог и пирожки, приглашали к чаю детей, иногда и взрослые нашего дома.

У меня и Гени день Ангела совпадали, 17 декабря, и нам его отмечали вместе.

Одно папино письмо было от 7-го декабря 1943 года, а второе 4-ого декабря 1944 года. Я их оба получила в один день. Оба письма начинаются одинаково. Сначала поздравления. Затем:

« желаю, чтобы жизнь была такой же розовой, как эта бумага. Желаю быть здоровыми, умными, добрыми, верующими, послушными, любить людей и свою страну».

Затем в письме от 1943 года написано:

« Я нахожусь в Полтаве, этот город Украинской ССР. К нам сюда 4 декабря (по новому стилю) на праздник « Введения» приезжал из Москвы архиепископ и служил в главном храме Полтавы. Храм был переполнен, кроме городских, приехало много людей с разных мест. Присутствовало много и советских солдат, и я был от самого начала службы и до конца.

Для меня остается непонятным, и папа об этом не пишет: солдаты молились или были просто зрителями. Думаю, что скорее второе.

В письме от 1944 года папа пишет:

«Нахожусь в Румынии. Сначала было очень трудно общаться с местным население: они разговаривают на румынском языке, я его не знаю, а они не знают русского языка, и мы не понимали друг друга. Но я когда-то неплохо знал немецкий язык попробовал задавать румынам вопросы на немецком. Они, оказывается, тоже его знают. И теперь с ними разговаривать стало легко.

Далее папа пишет еще об одном «неудобстве»:

«Румыны признают только новый стиль, а старый у них совсем выброшен из обихода. Поэтому «Рождество» они будут праздновать не как мы 7-го января, а 25-ого декабря, когда у нас у гражданских, пост».

Читая это папино письмо, я даже позавидовала румынам. Насколько ни легче в этом отношении жить, чем нам. На Новый год не надо грешить. А как нам не отмечать , когда весь эфир наполнен праздником? И по фазам луны они правы. Может быть мы, православные, грешили и тем, что Пасху отмечали в нужную фазу луны, а Рождество нет? Да простит меня, Господь.

Это мысли не папины, а мои. А папа не только в церковные праздники, но в любой день, когда его не спроси, мог сразу назвать дату и по старому и по новому стилю, не пересчитывая. И это его вполне удовлетворяю.

И вспоминая папины фронтовые письма, не могу промолчать о следующем. В этом маленьком домике, в котором мы жили после оккупации, примерно с середины семидесятых лет прошлого века жил только один брат Коля. Он умер скоропостижно 19 июля 2003 года. Примерно года за полтора до смерти, придя ко мне, рассказал, что нашел папины фронтовые письма, адресованные маме.

- Ты принес их мне прочитать? – спросила я.
- Нет.
- Почему? Мне ведь тоже очень интересно.
- Они с самой передовой, написаны все через 3-4 дня после боя.
- Где они? Дай почитать, я верну их тебе.
- Их больше нет, я их все сжег.
- Ты сжег папины фронтовые письма? Как ты мог? Зачем? Это же такая ценность!
- Чтобы они тебе в руки не попали, и ты бы их не читала.
- Но я такое же право имею, как и ты.
- Ты женщина, и у тебя есть единственный сын. А там такие ужасы написаны. Я мужчина, и у меня дочери. Но я не выдержал, плакал, а потом напился и сжег.

Коля замолчал, а я растерялась и не сразу сообразила, как и что у него узнать.

- Но хотя бы скажи, о чем там?
- Если коротко, - наконец, согласился брат.- Что представляет собой после боя, каких врачам доставляют раненных бойцов, какими они порой становятся после операций, сколько умирает от небольших ран, от потери крови, потому что врачи просто не успевали всем оказать помощь, о чем они порой кричали и что просили. А еще намного ужаснее, но я тебе больше ничего не скажу, не проси. А то ты и ночи спать не будешь, и опять сердечные приступы начнутся.
- А я и без этих писем не всегда сплю, мне часто война снится. Ты тогда был маленький, не понимал, а я уже многое понимала.
- Тем более. Забудь и считай, что я тебе ничего не говорил, а папа ничего не писал.

Я больше не стала задавать Коле вопросов, а сама подумала:

«Почему папа, такой добрый, и так любящий маму и нас, написал ей об этом? Очевидно, он не верил, что выживет в этом пекле, и хотел ее как то подготовить, чтобы легче было потом, когда получит серую бумажку».

Эпизоды войны

В Богородицке в мирное время основная работа у папы была терапевта и педиатра, а на фронте он был хирургом. Много разных эпизодов прошло на его глазах за годы войны, большинство страшных и жестоких эпизодов с потерей близких друзей, но папа все же мало об этом писал, а еще меньше рассказывал, потому что тяжело было вспоминать.

Врач на войне не может себя защитить, у него нет в руках оружия, у него только скальпель, с помощью которого он спасает жизни других. И хотя

существует международный закон войны, по которому враг не имеет права наносить удары туда, где красный крест, но для этих жестоких варваров – фашистов, потерявших всякий человеческий облик, никаких законов не существовало.

Врачи и медсестры полевого госпиталя.
Слева первый- заведующий, майор Ю.В.
Введенский

Все годы Великой отечественной войны папа находился на самой передовой линии, в самом пекле огня. Он был заведующим фронтового госпиталя, в его подчинении было несколько врачей и среднего медперсонала. Госпиталь передвижной: куда передвигается линия фронта, где произойдет очередной бой, туда направлялся и госпиталь.

Состоял он из нескольких натянутых палаток, располагавшихся на расстоянии друг от друга. В каждой палатке по два врача и другой медперсонал. Под бомбежками и артобстрелами, временами при выходе части из окружения, иногда при полном отсутствии медикаментов и перевязочного материала, врачи не прекращали оперировать раненых. По несколько суток без сна и отдыха не выпуская скальпеля из рук и не отходя от операционного стола. При этом вместо наркоза- стакан спирта или водки. Крики, стоны. Ругань, иногда и молитвы. Нередко, когда не хватало донорской крови, папа, предельно утомленный, отдавал тяжелораненым бойцом свою, у него была первая группа и положительный резус-фактор, такая кровь подходила всем, не требовала анализа.

Но некоторые случаи своей фронтовой жизни папа все же рассказывал, потому что у него от них остались последствия.

Однажды во время бомбежки папа отошел от палатки на некоторое расстояние по нужде. В это время бомба прямым попаданием упала в палатку и взорвалась. Погибли все, а папу даже не задело осколком, но он был контужен и, отказавшись от лечения, снова вступил в строй, хотя лицо его с тех пор нередко дергалось, о том даже одна написала в своих воспоминаниях.

И другой случай я тоже хорошо помню, но скорее от маминых рассказов, а папа, не приняв сердечное лекарство, не мог об этом говорить.

Боя в этот день не ожидали, было, как говорили на войне, затишье. Воспользовавшись этим, папа решил дойти до другой палатки, чтобы позаимствовать кончившиеся медикаменты. Но до палатки дойти не успел – налетели вражеские бомбардировщики. Папа подошел к окопу, в котором укрылись связисты.

- Доктор,- сказали они ему,- У нас тут очень тесно, мы сидим вплотную друг к другу. Рядом мелкий окоп, идите в него.

Окоп действительно оказался неглубоким, а папа был очень высокого роста. Поэтому вынужден был лечь.

В эту минуту крупнокалиберная бомба с небольшой высоты упала в окоп к связистам и взорвалась. В живых не осталось ни одного, а папу засыпало землей. Его откопали сначала верхнюю часть тела до пояса, чтобы дать возможность дышать, и поторопились откапывать других. Папа остался жив, но получил порок сердца и стал инвалидом 3-ей группы.

Но война продолжалась, и папа остался на самой передовой и спас еще тысячи жизней.

И еще один случай нам рассказал папа. После боя к нему в палатку разведчики принесли раненого немецкого офицера и попросили его обслужить вне очереди и обязательно спасти жизнь хотя бы на время, чтобы его успели допросить, потому что он знает много важных сведений.

Даже по одному внешнему виду этого варвара было понятно, как он ненавидит русских. И очевидно он думал. Что русский доктор зарежет его до конца. Но когда подошел папа, взгляд его смягчился, и важный вражеский офицер целиком доверился русскому врачу. Операция была несложной: разрезать небольшую часть тела и извлечь осколок. Жизни ничто не угрожало. Но как же папе неприятно было ее делать! И как папе тут быть, ведь он давал клятву Гиппократу. Прооперировал очень аккуратно, что враг почти не почувствовал боли и был очень удивлен искусству и доброте русского офицера.

Может быть, поэтому он сказал во время допроса много ценных для нашего командования сведений.

Посылки с фронта.

Помню, еще до войны на нашем отрезке улицы Пушкинской, от улицы Урицкого до Красноармейской (Ленина) жили учителя образцовой средней школы: Мария Матвеевна Головских, учительница начальных классов, Алексей Павлович Алабин, учитель пения, Анна Михайловна Глаголева, учительница математики (после войны учила меня в 5-7 классах и была нашим классным руководителем), и совсем близко, но на другой улице жила учительница начальных классов Мария Александровна Головская – Кучеркова, мы дружили с ее дочками Тamarой и Риммой. Образцовая школа находилась в том здании, в котором сейчас ДД(Ю)Т, только второй этаж пристроили при восстановлении этого здания после войны.

Наша семья была многодетная, а учителя начальных классов добрые. И когда мы еще не учились, они приглашали меня и сестру на детские праздники. Сначала мы ходили с мамой, а потом одни.

И я хорошо запомнила размещение классных и других комнат. Но больше старалась заглядывать в лица незнакомых учителей, что, если потом здороваться с ними. Я почему-то была уверена, что если они меня увидели в школе, то запомнили. И мне будет стыдно, вдруг они меня увидят на улице, а я пройду мимо и не поздороваюсь.

Книгу я пишу про папу. Сейчас остановилась на том времени, когда еще идет война. Спрашивается, какое отношение к папе и к войне имеет все то, что я только что написала? Оказывается, имеет.

Дело в том. Что война перешла с нашей территории в Западную Европу, и питание наших солдат и офицеров, в том числе и медперсонала, стало лучше, пайки богаче. Даже выдавали в значительном количестве табак и табачные изделия: папиросы, сигареты, редко сигареты. Но наш папа никогда в своей жизни не курил и даже ничего, связанного с табаком, не подносил ко рту, не переносил запаха. Поэтому он стал присылать все курева нам, чтобы их продавать, а на эти деньги покупать картошку или у мужиков из – под полы хлеб. И кто же этим должен был заниматься, кормить всю семью? Как всегда, кроме меня, некому. Правда потом я и Колю стала к продаже привлекать.

Подробно я написала об этом в своей книге «Богородицкие были». Но об этом эпизоде, связанным с продажей табака, я в ней не написала, я его переложила на стихи и решила вставить в эту книгу.

Урок доброты

(из детства)

Вчера я торговала табаком

Что папа с фронта нам прислал немного.

Он не курил, но получил с пайком

И в тыл отправил детям на подмогу.

Одна в кругу поддатых мужиков,

Их брань мне слышать было очень стыдно.

*За спинами высоких стариков
Меня, девчонку, было плохо видно.*

*И все же что-то удалось продать.
Купить хотела на обед картошку
В большой семье привычно голодать,
но каждому достанется немножко.*

*Базарный день уж близился к концу,
вдруг вижу (я ускорила походку):
Сидит калека-воин на мосту,
все деньги бросила ему в пилотку.*

*И тут учителя узнала в нем...
Совсем слепой, нога одна, в ботинке...
Я маме рассказала все о том.
Она мне молча вытерла слезинки.*

*Хоть без обеда и остались все,
Но ни один не думал об упреке.
Так с детства мы учились доброте
На бывшего учителя «уроке».*

В.Введенская.

Война окончена

Как и где папа встретил День Победы, такие письма не сохранились, а возможно, их и не было, поскольку я помню, что он в это время со своей частью находился в Румынии, а там была какая-то заварушка. А скорее всего папа написал откровенно, так как он во всем был очень аккуратным, но каждое письмо проверялось военной цензурой, которая пропускала не все письма.

Свой день Ангела папа всегда отмечал 6-го мая, на День Георгия Победоносца, а день рождения у него приходился 15 июня, и за этот почти год по церковному календарю было несколько разных святых Георгиев, но, очевидно, этого святого он больше других почитал, а потому и нарушал церковный порядок.

Сохранилось несколько послевоенных писем, но почему - то без конвертов, а папиной рукой указаны только день и месяц, но нет года, и это тоже заставляет задуматься, почему? Два больших письма, адресованных маме, написаны каждое на двух тетрадных листах на каждой строчке очень мелким убористым почерком. Но чернила совсем выцвели, и прочитать я сумела одно письмо и то частично. В нем папа пишет, что мечтает иметь собственный домик с огородиком и домашние животными и, конечно, только в Богородице.

Из второго письма я поняла, что мы все каждый на отдельном месте, послали ему поздравительные ко Дню Ангела письма, но до него не дошло письмо от Лидочки. Предполагает, что виновата военная цензура.

Брат Коля был рожден 11 апреля 1935 года, но его всегда поздравляли 22 мая, на день Николы, хотя он мечтал, чтобы его поздравляли 19 декабря, потому что в мае по папиной традиции в этот день всегда сеяли огурцы, не считаясь с погодой, и они вырастили отменные, а Коле уделяли, по его мнению, недостаточно внимания, хотя вечером всегда пили чай с пирогом.

И у меня сохранилось письмо, а точнее открытка в конверте, отправленные 12-го мая 1946 года из Болгарии, из города София. На обратной от адреса стороне герб СССР стоит четкая печать: и надпись **«ПРОСМОТРЕНО Военная Цензура 07146»**

Открытка послана маме с поздравлениями к дню рождения (у мамы день рождения был 26 мая, а день Ангела 31 мая. Умерла она на свой день рождения, когда ей исполнилось ровно 70 лет, пережила папу на 24 года). Переписываю текст выборочно:

На этой открыточке заснята открывшаяся под Вербное Воскресенье русская церковь в Софии,

где я встретил в этом году Светлый праздник Пасхи. И затем виден главный болгарский собор Александра Невского в городе Софии. Я послал Коле к именинам (День Ангела В.В.) открыточку с заснятыми этим собором в большем размере, чем здесь...

Далее папа коротко пишет, от кого письма пришли с опозданием или совсем не дошли. Почти каждое слово написано в сокращении, поэтому на маленькой открытке уместился большой текст:

Ты пишешь, Клавочка, что видела во сне, что я приехал молодым,, бодрым и веселым. Бодрым и веселым я думаю приехать, а насколько молодым,- не знаю, только не моложе того, каков есть; большинство людей мне дает на несколько лет больше, чем мне есть в действительности. Но самое главное – было бы здоровье, а «огонек» тоже нужен. А он пока у меня еще «горит».

Из писем ясно, что настроение у папы бодрое, а это самое главное. Лишь бы не раскисать, и любая болезнь уже не так будет страшна.

Окончена не для врачей

Разъехались по домам солдаты и офицеры, наступила долгожданная мирная жизнь с ее домашними заботами. Но не окончилась «война» для врачей и другого медицинского персонала. Только эта «война» злая борьба за спасение жизней раненных на фронтах бывших воевавших. В силу этого много медработников было оставлено в воинских частях, распределено по разным госпиталям.

Узнать, где и когда находился после войны папа, мне помогли повторные фотографии, доставшиеся в наследство от братьев, сестер, мамы и ее сестры Лидочки. На них везде четко поставлены даты.

Вот две одинаковые фотокарточки. На первой. Присланной Лидочке, написано: **Румыния, 11.7.45.** Значит, победу папа встретил все же в Румынии.

На второй такой же фотографии отрезан угол. Ее папа хотел оставить себе, но... Вот эта карточка и ее текст:

На этой карточке снят майор мед.службы Введенский Юрий Николаевич. Хозяин одной карточки, сиречь (т.е. иными словами - устаревшие, В.В.) майор Введенский, хотел сохранить ее для себя

на память о военной службе. Но подлые враги человечества мыши попортили оную, а потом пришлось срезать угол у нее. За такое неуважение и непочтительное отношение к русскому офицеру виновные в сем злодеянии подлые мыши будут наказаны лишением продовольствия. При попытке же повторить подобные дерзости рискуют повторить подобные дерзости рискуют попасться в зубы здешнему коту.

Карточка посылается для сохранения моей дорогой и любимой Клавочке.

Как стало понятно, папа все еще в конце 1945 года находился в Румынии, и настроении у него было хорошее, раз он шутил.

Но смущает еще одна фотография, на которой стоит дата 19 мая 1946 года. Настроение у папы хорошее, это видно, потому, что он снова шутит. Сделана фотография в Румынии, в городе Фокшаны. Но непонятные слова « в свое время» значит, относительно давно, а послана теперь и из Болгарии. Он приезжал в Болгарию, в русский храм в Софию на праздники или туда была переведена их часть незадолго до его демобилизации?

После войны, но еще не дома

На этой фотокарточке заснята группа офицеров одного госпиталя, находившегося в свое время в городе Фокшант. Все они сослуживцы майора Введенского Ю.Н. , который заснят здесь вместе с ними (первый ряд, второй справа, В.В.). В момент съемки все, как будто бы, молчали и были в спокойном состоянии.

Но противный фотограф все же улучил такой момент, когда один что-то пел, и другой его слушал, и отразил этот момент на фотокарточке. Экий проказник этот фотограф! Будет ему на орехи за насмешку над русскими офицерами!

Впрочем, за фотокарточками он собрал со всех столько денег, что может быть обеспечен орехами на целый год.

Мой сын Андрюша родился, когда уже прошло четыре года, как не стало его дедушки, но моя мама , а его бабушка, много рассказывала о нем. И вот почему –то про Болгарию он ничего мне подсказать не смог. Очевидно, их часть туда перевели, когда в Румынии стало опасно находиться, и были они там меньше, чем полгода.

И еще хочется немного рассказать, чем занимались офицеры-врачи в свободное мирное время. Они готовили концерты и пьесы, выступали с ними перед ранеными. Папа писал, а когда приехал, то рассказывал, что он играл главную роль в пьесе А.П. Чехова «Медведь». А так как у него была

феноменальная память, то за время репетиции он запомнил всю эту пьесу от начала и до конца. И однажды показал нам, играя за всех и меня голоса.

А действующих лиц в пьесе всего трое:

Попова Елена Ивановна – молодая вдова, помещица.

Смирнов Григорий Степанович – отставной поручик артиллерии, землевладелец, нестарый помещик.

Лука - престарелый лакей Поповой. Папа, естественно, играл роль Смирнова. Но, нам, его детям, больше всего нравилось, с каким пафосом он произносил слова Поповой:

- Я вас ненавижу! К барьеру!

А также папа пел в хоре, в некоторых песнях запедалой или соло. И мы, конечно, очень радовались, что папа не какой-то там замкнутый, знающий только свою работу и церковь, но участвующий также в общественной жизни. И хвалились своим папой, но не перед теми, у кого отцы погибли на фронтах, их мы жалели.

Часть 4

В мирное время

Такое не забывается

16 июля 1946 года. День выдался особенно знойным: жара за 30 градусов. Вся ребятня, которая не работает, осаждают речку. Нас мама не пускает под разными предлогами: то боится, что мы утонем, то я не догляжу за Геней и он утонет, то на дне от бомб образовались, воронки и люди в них застревают и погибают. Только позже я понял, что Верочке по состоянию здоровья нельзя, поэтому мама не пускала и нас. Но она ставила на солнечное место корыто, наливала в него воду. Вода нагревалась на солнышке, и мама периодически обливала ей нас из лейки, из которой поливали овощи на огороде.

Но, несмотря на такую жару, мы с Колей занимались заготовкой дров: распиливали горбыли на куски, а потом эти куски раскалывали на поленья. Тот катился с нас градом.

Вдруг слышали, что скрипнула калитка. (Она находилась за углом дома, и нам ее не было видно).

- Кто бы это? – спросил Коля.

- Не знаю. Наверное, кто-нибудь из ребят.

- Это в такую жару-то?

Смотрим, калитку закрывает одной рукой военный, а в другой он держит небольшой чемоданчик. Военный поворачивается и направляется к нам.

Он или нет? Рост такой же, но сутулится. Лицо в морщинах, в усах и на голове много седых волос. И почему только один маленький чемоданчик? Медаль на груди, конечно же, он!

- Папа! – закричала я и побежала к нему навстречу.

Коля продолжал стоять и сдержанно, по-мужски молчал, держа в руке топор. Ведь когда папа уходил на фронт, мой брат был еще маленький.

-Варюша! Как же ты выросла!

Папа обнял меня двумя руками за талию, приподнял над землей, поцеловал.

Тут услышали остальные, выбежали из дома. Крики радости объятья и слезы. Но слезы уже другие, а не те, какие были при расставании. Слезы счастья, любви, надежды.

«Неужели все кончилось? И у меня будет крепкая мужская помощь, хотя бы в той же заготовке дров,- эгоистически подумала я.- Нет, не надо, пусть он отдыхает. Ведь он же воевал целых семь лет. А я справлюсь, я сильная, я все могу. Главное, что он жив, он с нами, наш родной и любимый, добрый, заботливый папочка».

И я пошла с мамой помочь ей скорее приготовить обед.

Вместе с ним

Папа приехал с одним чемоданчиком. Оказывается, остальные вещи он послал тихой скоростью. Когда он находился в Румынии, то в этой чужой стране многие дома пустовали. Потому что была проведена агитация, будто бы русские не люди, а какие - то жестокие чудовища. И румыны в страхе покидали свои жилища и убегали кто куда. А русским разрешалось заходить в любой дом и забирать все, что попадает на глаза.

Но папа считал, что это воровство, а значит грех, и ничего чужого никогда не брал, а только покупал. Поэтому среди его вещей были различные отрезки материи маме на кофты и домашние халаты. А в качестве материи папа не разбирался и приобретал за внешний вид больше искусственный шелк. И конечно основное содержание чемоданов- табак и табачные изделия, ведь он не один, а многие врачи – офицеры не курили, и свой табачный паек отдавали ему, многодетному отцу. И к концу войны набралось этого много. А реализовать была моя забота.

Посмотрел папа, как мы бедновато живем и как больна мама, работать ей запретил. В доме провели электрический свет и телефон, рядом с домом – водяную колонку. Свой положенный отпуск папа не использовал, а сразу

поступил на работу. Ему дали назначение заведующим пастеровского пункта до закрытия (этот пункт просуществовал 2,5 года)

Поясню, что такое пастеровский пункт. Луи Пастер – французский ученый 19-ого века. Он сделал несколько открытий. В том числе в области медицины. Например, вакцинацию, при которой изучают характер бактерий и вводят в организм ослабленную структуру этого возбудителя. Организм привыкает с ним бороться, и человек или совсем не заражается этой инфекцией. Или переносит болезнь в легкой форме.

Задача папы была не только изучить характер этого микроба, найти способ борьбы с ним, но и делать профилактические прививки школьником и детям детских садов, потому что не только врачей, но и среднего медицинского персонала в городе не хватало.

Но потом ему дали молоденькую медсестру. Которая жива и по сей день и прислала свои воспоминания, сама составила и написала собственной рукой, хотя ей уже перевалило за 90. С ней я часто разговариваю по телефону. У нее сохранился ясный ум, и она прекрасно все помнит. Свои воспоминания передала с дочерью-преподавателем музыкальной школы.

Привожу целиком в ее стиле.

Школьный фельдшер

Я, Калайтанова Юлия Сергеевна, 1928 года рождения, проживаю в городе Богородицке, в деревне Вязовка.

В 1947 году окончила Тульскую фельдшерско-акушерскую школу, и получила назначение в Богородицкий райздравотдел. Вместе со мной подруги: Махеева Тамара и Домишкина Зоя Михайловна. Но они работали в санопидстанции, где главным врачом была Домишкина Анна Васильевна, а они ее помощницы.

Я работала районным школьным фельдшером с врачом Введенским. Это был врач от Бога, он был на ставке по приему больных в поликлинике и детским врачом. Он обслуживал все детские сады и школы. Проводил медосмотры и делал профилактические прививки. Приходилось всегда с ним ходить пешком в Упертовку, на Шахтерское отделение, шахту №59, деревню Жданка. Да и по вызову на дом к больным он приходил.

Больные его очень любили за его отношения, за лечение больных. Он их любил, молился за них. А когда был инвалидом, вел в поликлинике вечерний прием, где записывалось много больных. И он никому не отказывал. Приезжали из других районов больные.

И мы желаем, чтобы о враче Введенском Юрии Николаевиче всегда помнили в Богородицке.

8-2-2019. Калайтанова.

Готовимся к зиме

Вот уже два месяца, как приехал папа. Но мне его почти не видим: он целые дни на работе. Да если когда в выходной день он и остается дома, то занимается заготовкой дров к зиме. Была в Богородицке организация, связанная с шахтами, называлась она Древо пропиточный завод. В нее наступал тес. Нужный отбирали, а нестандартный выписывали на отопление организаций. Иногда продавали населению. Это в основном был так называемый горбыль. Иногда попадались и нестандартные. В основном. Сучковатые бревна. Горбыль папа перепиливал пилой – ножовкой, а бревна были как железные. Очень тяжело распиливались пилой – двухручкой. Здесь папиной напарницей была реже мама, а чаще я, шестиклассница.

Конечно, папа понимал, что работа мне не по силам, жалел меня, часто давал отдыхать, но другого выхода не было. Только иногда меня заменял Вовка, он был ловкий, у него получалось лучше, чем у меня, но еще молод.

А колот эти бревна папа не топором, а колуном.

Помню, однажды мне Коля сказал:

- Посмотри на папу, как он колет бревна: кажется, сам худой и руки слабые. А какая сила у него в руках!

И действительно, я посмотрела и залюбовалась. Папа ставил бревно на пень, на котором колот. Со всего размаху всаживал в него колун, переворачивал бревном вверх и, придерживал его левой рукой, поднимал правой колун с бревном на высоту своего роста и ударял обухом колуна по пню. Бревно раскалывалось на две части, иногда и не с первого раза.

Когда папа отдыхал, я подошла к нему и спросила:

- Пап, какие у тебя руки сильные. Где ты их так натренировал?

- На войне, доченька. Часто приходилось носить раненных на носилках. Нас иногда оставалось всего два мужчины - врача, остальные молоденькие девочки-школьницы, им тяжело. Вот и помогали им. А иногда какого-нибудь раненого молоденького парнишку я и один к телеге или саням подносил для отправки в тыловой госпиталь.

- Пап, а расскажи нам, что еще было на войне,- обращались мы к папе.

- Ты же нам почти совсем ничего не рассказал.

- Тяжело все это снова ворошить, потому и не рассказываю. Хотелось бы все забыть. Забыть навсегда и никогда больше не вспоминать. Да вот только не получается.

- У меня тоже не получается, - вздохнув, сказал я.

Папа нагнулся и поцеловал меня в висок.

- Ребята, не приставайте к папе,- слышался голос мамы. – У него сердце больное, ему нельзя волноваться.

И мы больше никогда ничего не спрашивали. А мама подбирала дрова и укладывала их штабелями в сарае.

Однажды ночью

Когда в январе 1942 года мы стали жить в этом домике, то нам, троим старшим, определили место для сна – русскую печку. Конечно, никаких на ночь переодеваний, ночных сорочек – ничего этого не было; в чем ходили дома днем, в этом же и ложились спать, снимали только обувь и верхнюю одежду. Спали рядом головой в комнату, залезать и переворачиваться было неудобно, а мне тем более. Потому что досталась середина. Но основное неудобство давал брат Коля: по 1-3 раза в ночь спускался с печки по нужде.

Когда же мы стали подрастать, около печки сделали два стеллажа: на нижнем была Верочка, а на верхнем я. На печке спал только Коля, сам не захотел с ней расставаться. Он был очень грузный, тяжелый, и в темноте, не разбирался, прыгал мне на ноги. От неожиданности и боли я каждый раз вздрагивала. Этот вопрос поднимала на семейном совете, но другого выхода никто не находил, поэтому я считала себя обделенной.

А вот с приездом папы мне мое место стало нравиться. А дело в том, что я спала головой к окну, первому от входной двери, а в него как раз и стучались прибывшие к нам днем или ночью. И я первая сообщала о том, кто стучит.

На лето зимние раны с окон снимались, и мне не только было видно, но и слышен весь разговор, поэтому я всегда была в курсе всех событий.

А к папе все чаще и чаще стали обращаться люди с просьбой оказать ночью помощь тяжелому больному. Нередко и дежурный врач больницы звонил по телефону ночью, когда сам не мог ничем облегчить страдание больному. И папа никому никогда не отказывал: в любую погоду шел в темноте по булыжной мостовой спящего города и облегчал, а нередко спасал жизнь чужим незнакомым людям, ничего с них за это не брав.

Но мне запомнился один такой визит, как будто бы ничем от других не отличающийся. Мы ложились спать всегда поздно, когда папа приходил с вечернего приема. А с этого учебного года все трое учились во вторую смену, поэтому и вставать утром стали позже.

Папа лег спать и даже начал и даже начал немного храпеть. Была середина сентября 1946 года. Я тоже легла, но еще не уснула: у меня не получалась задача и я все думала, как ее решить.

Вдруг в мое окно тихонько и как - будто неуверенно. Постучали. В темноте я не смогла разглядеть стоявшего около окна.

- Наверное, опять ко мне, - сказал папа и пошел открывать дверь.

Я прислушалась.

- Кто стучит? – спросил папа.
- Врач Введенский здесь живет? – ответил вопросом мужской голос.
- Да, это я. Что у вас случилось?
- Юрий Николаевич, спасите моего сына, он умирает.
- Сколько ему лет и что с ним?
- Ему полгода, у него высокая температура, и он задыхается.
- Где вы живете?

Мужчина назвал адрес.

- Почти два километра. Только успеть бы. Я быстро.

Папа вошел в дом, мама уже держала в руках его одежду и довоенный чемоданчик, который она брала с собой, когда убегали от немцев в село Новопокровское. Папа быстро оделся, помолился и пошел.

Вернулся папа часа через три. И хотя он разговаривал с мамой шепотом, но я расслышала все.

- У ребенка обычная простуда. Да и как тут не простудиться. Мы недовольны, что в такой тесноте живем, но люди живут хуже нашего. Это был муж одной из Чухровых, учительницы. Ты их, конечно, помнишь, у них шесть дочерей, я их до войны лечил.

- Помню, ну как же, мы коренные, все друг друга знаем.

- Представляешь, ребенок спит в обычном корыте, в котором стирают белье. А корыто стоит на полу под роялем, больше некуда поставить, настолько маленькая комната. Дверь открывают, когда входят и выходят, и вся пыль и холодный воздух направляется на ребенка. Как же ему не болеть?

- А ты им ничем помочь не сможешь, относительно квартиры? Ты же фронтовик.

- Он тоже фронтовик, Курченков Роман Степанович. И это считается условия, потому что отдельная комнатка. Я уже лечил детей в комнатках, где живут по четыре чужих между собой семей с детьми и рады, что хоть какая-то крыша над головой.

- Да, вот, что сделала с Богородицком война,- заключила разговор мама.

Достоин памяти потомков (из воспоминаний)

Наши родители: Роман Степанович и Анастасия Георгиевна Курченковы всегда с большой любовью и уважением вспоминали о талантливом враче Юрии Николаевиче Введенском. Он был верующим человеком и с большой любовью относился ко всем больным, будто дети или взрослые, за каждую молился в церкви и ставил за свои деньги свечи.

Наша мама Анастасия Георгиевна часто болела ангиной, и однажды так прихватило: температура высокая, острая боль в горле, а было

поздно вечером. Папа наш, Роман Степанович, побежал за Юрием Николаевичем, они быстро пришли. Доктор перекрестил маму и тихонько что-то говорил и крестил. Выписав рецепт, сказал: «Если утром не станет лучше, купите это лекарство. Но я завтра обязательно зайду к вам. Все будет хорошо». За лекарством папа не ходил, мама поправилась, и больше у нее никогда не болело горло, а прожила она 95 лет.

И другой случай. Мой брат Вадим заболел скарлатиной, он бредил и был в тяжелом состоянии. Но когда пришел Юрий Николаевич он послушал брата, погладил его, перекрестил, выписал рецепты и сказал, что завтра зайдет. Папа пошел провожать доктора и когда папа вернулся, Вадим перестал бредить, жар спал. Утром Юрий Николаевич зашел к нам, Вадим был здоров. Лечил врач Введенский и папу, когда у него был очень сильный кашель, папа тоже быстро поправился. Мы с братом болели всеми детскими болезнями, но видимо, по молитвам Юрия Николаевича быстро поправлялись.

У сестры моей мамы Ольги Георгиевны была грудница. Она не могла кормить своего сыночка, была сильная боль. Врачи говорили, что нужно резать грудь. Мой папа позвал Юрия Николаевича, он несколько дней приходил к тете и она поправилась без операции. Такой доктор, как Юрий Николаевич Введенский достоин памяти потомков, Богородчане должны его знать.

Мы просим, чтобы Богородицкая поликлиника носила имя доктора Введенского Юрия Николаевича.

Ирина Романовна Курченкова-Барковская.

Вадим Романович Курченков.

Доктор Милостью Божьей

Недавно исполнилось 110 лет со дня рождения известного богородицким старожилам доктора Юрия (Георгия) Николаевича Введенского.

Благодарные сограждане хранят в своей доброй памяти незабываемый образ настоящего врача, что называется, милостью божьей. Он лечил и взрослых и детей. В помощи никому не отказывая. Спешил на помощь, невзирая на время суток или ненастную погоду. Пробирался по неосвещенным улицам спящего города без услуг транспорта. Лечил абсолютно бескорыстно, отказываясь от предложенной благодарности.

О Юрии Николаевиче Введенском в редакции с огромной симпатией и любовью вспоминала бывший врач-бактериолог, а ныне пенсионерка

Лариса Ивановна Петрова, которую в детстве наш известный эскулап буквально вернул к жизни, когда с ней приключилась тяжелая форма малярии. Потом он также успешно лечил и ее мать.

Лариса Ивановна передала стихотворение своего одноклассника, талантливого богородицкого поэта Александра Сергеевича Сафонова. Он и его жена Людмила Васильевна свято хранят в душе память о добром докторе Айболите, который успел позаботиться не только о состоянии здоровья четы Сафоновых, но и о появившихся у них детишек в тяжелое послевоенное время. Как говорят Сафоновы, доктор Введенский был глубоко верующим человеком. И него практически не было случаев с летальным исходом, поднимал на ноги даже тех страдалцев, на которых другие врачи. Отчаявшись, уже ставили «крест»

Записано со слов Л. Петровой.

Я ГОРЖУСЬ ЕГО СУДЬБОЙ

Посвящается знаменитому доктору – Г.Н. Введенскому

*В послевоенном городишке-
(помнит каждый сторожил)
На окраине, в домишке,
Знаменитый доктор жил!
Хоть и лет прошло уж много,
Но все помнят до сих пор:
Врач, Георгий, был от Бога-
Лучше всех- не всем в укор!
Добродушный и высокий,
Он надежду всем давал:
Хворь любую, стресс глубокий-
Без проблем одолевал.
Кто б к нему ни обращался,
В час какой бы ни позвал,
Как солдат, он поднимался
И на помощь всем шагал.
Как корабль, он плыл средь ночи
По булыжной мостовой.
Темь и дождь так слепят очи-
Возвращайся хоть домой!
Но, как велено солдату,*

*Кто Отчизне присягал,
Шел вперед! – ведь Гиппократу
Клятву верную он дал!
В голод. В холод, в лихолетье.
В послевоенные года-
Он, как врач шагал в бессмертье,
Где ждала его беда!
Тайну всем свою открою:
В детстве он меня лечил,
Я горжусь его судьбою-
В нашем городе он жил.
Как душой служить народу-
В деле всех врачебных сфер,
Помнить клятву и свободу-
Врач Введенский всем пример!*

А.С. Сафонов

В послевоенное время

Папа с детства был верующим, а пережив все ужасы войны и оставшись живым в критических ситуациях, он еще больше укрепился в своей вере и старался изыскать любую возможность, чтоб, хотя бы на минуту, зайти в церковь. Не пропускал ни одной церковной службы, пел в хоре на левом клиросе, иногда читал молитвы за псаломщика. Лицемерить, скрывать свои убеждения, тайно соблюдая церковные праздники и обряды, папа не мог и считал это греховным.

Папа молился не только за себя и своих родных, но и за тяжелобольных пациентов, на свои деньги ставил свечи перед иконами за их здоровье. И эта вера в совокупности с глубокими знаниями медицины и стремлением излечить недуг каждого, большая любовь к людям помогали ему творить, казалось бы, невозможное: он поднимал на ноги даже тех больных, которых другие врачи «списывали», считая их обреченными. И богородчане папу в полном смысле слова благодарили, многие даже и сейчас относят его к святым.

Но папа жил в то послевоенное время, когда обновленцы влились в состав Русской православной церкви, и преследование религиозных людей еще более усилилось. Посылали на праздники в церковь комсомольских и партийных активистов, которые приносили в РК списки тех, кого видели в церкви.

И с верующими потом велись особые разборки, издевательства, угрозы, вплоть до исключений из школы и снятия с работы.

Поэтому, несмотря на то, что врачей в районе катастрофически не хватало, а папу считали из всех самым высококвалифицированным, больше ставки ему не давали, да и ту собирали по кусочкам, часто меняли назначения. Ему приходилось за четверть ставки с раннего утра идти пешком на шахту № 59, зачет также за «четвертушку» лечить старушек в богадельне (официально большая палата, которая размещалась в одном из корпусов старой больницы, в нее клали пожилых людей с хроническими заболеваниями, чаще психическими отклонениями, практически неизлечимыми). Также ему приходилось обслуживать взрослых и детей на дому, проводить медосмотры школьников, а потом до поздней ночи сидеть в поликлинике на вечернем приеме, а записаться к нему и лечиться у самого сильного врача всегда находилось много желающих, даже из других районов, и пап не отказывал никому.

У папы был абсолютный музыкальный слух, и это помогало ему правильно ставить диагноз и делать назначения. Сестра Верочка родилась с пороком сердца. Ее много раз возили в Тулу к разным врачам, показывали московским знаменитостям, но ни один диагноз не совпал с тем, который поставил папа. И только через 15 лет после смерти папы, когда ей уже в 37-летнем возрасте сделали в Москве операцию, подтвердилось то, что признавал папа,- отверстие в стенке между предсердиями.

Даже после войны в Богородицке не было станции «Скорой помощи». На все отделения больницы ночью был только один дежурный врач, который, естественно, не мог оставить больных, чтобы обслужить срочный вызов на дому. И если больной не в состоянии дойти до больницы, то обращались к другим врачам частным образом, но далеко не каждый врач соглашался посетить больного в свое нерабочее время, а тем более ночью.

А папа был очень добрый и считал своим врачебным долгом помочь каждому больному. Уличного освещения в городе не было. И когда ночью нам звонили по телефону (а папа, как приехал, в первую очередь попросил, чтобы в доме провели электрическое освещение и установили телефон), он вставал и шел по булыжной мостовой в абсолютной темноте, чтобы оказать помощь незнакомому человеку, а нередко даже спасти чью-то жизнь. Иногда зимой в мороз и метель к нам приезжали ночью на лошади из дальних деревень, и папа надевал тулуп и ехал спасать здоровье и жизни людей и никогда не с кого не брал денег, отказывался, когда их предлагали, хотя мы жили очень бедно. А сам он, несмотря на скудное существование, не обходил ни одного нищего, каждому, сколько мог; подавал.

О том, что папа ходил в церковь, не скрывая своих убеждений, мы читаем в нескольких воспоминаниях, и вот одно из них. Нам пишет Миловедченкова Любовь Николаевна 1937 года рождения.

Воспоминание о враче Введенском Юрии Николаевиче Миловедченковой Любви Николаевне 1937 года рождения города Богородицка в лесхозе.

Моя мама носила в дом Введенских молоко, домик очень маленький, а детей было много, и по школе я помню по разговорам старших, их очень хвалили – способные, а главное скромные, добрые, приветливые. Поэтому шли люди к ним в дом не боялись со своими болезнями и получали помощь. Врач Введенский Юрий Николаевич после 3 детей от приема и назначения лечения, обязательно посещал больного на дому и заходил в церковь молился Богу о помощи в лечении и благодаря его при исцелении больного.

Помнят люди, как не стесняясь, он всегда приходя и уходя крестил дверь своего кабинета.. а край это сила и защита, хотя вера была запретна. Но народ в тайне Бога не забывал, вот и выживал в те трудные времена и Господь давал нам такого врача как Ю.Н. Введенский. Надо его имя восстановить в память людей. Как пример для их жизни и работы, хочу чтобы его именем было названа наша Богородицкая больница.

18.03.18 год .Л.Н. Миловедченкова.

Вернемся назад

Хотя я описываю послевоенное время, но перечитав некоторые отзывы папе, вспоминала небольшой эпизод, который произошел еще до войны, но оставил в моей душе глубокий след. Мы жили тогда на улице Пушкинской дружной, любящей счастливой семьей. А так как в нашей семье прибавился еще братишка Генечка, то ночевать я уходила в комнату к бабушке, и мы с ней спали на одной кровати, пока не знали, что она туберкулезный бациллоноситель.

Перед сном бабушка мне всегда что-нибудь рассказывала: сначала про свою семью, а их было 19 братьев и сестер, потом на религиозные темы. Я все это воспринимала, как сказки, и мне всегда было интересно.

Однажды бабушка начала говорить о том, как лечили людей раньше, когда не было лекарств. Рассказала про некоторые лечебные травы и затронула вопрос о заговоре. Объяснила, в чем он заключается, и назвала болезни, которые она сама могла лечить путем заговора, в их числе зубную боль. Отсюда неудивительно, что во время войны, когда в городе не было ни

одного зубного врача или фельдшера, народ к бабушке валил толпами. Но денег она ни с кого не брала. Говорила, что если возьмет с кого -нибудь хоть копеечку, потеряет свой дар.

Но почему я вдруг пишу про бабушку, когда книга у меня про папу? Потому что в тот день я сделала для себя еще одно «открытие».

Точно не помню, был ли это конец весны или начиналось середина осени, но только на улице моросил мелкий холодный дождь, и было очень сыкотно. Дороги были частично мощеными только в центральной части города. Жидкая, грязь с дорог обдавала лица сидящих на подводах, а густая - налипала на колеса и временами отскакивала большим тяжелым куском. Ходить гулять в такую погоду никому не хотелось, хотя это был выходной день.

Мы расселись около папы, и он нам что-то интересное читал.

Вдруг раздался телефонный звонок (телефонный аппарат у нас всегда висел на стене).

- Да, я слушаю,- произнес папа. Но, в трубке, очевидно, было тихо. – Говорите, я слушаю,- повторил папа.

Из трубки послышался взволнованный мужской голос. Потом папа задал немного вопросов, ему ответили.

- Хорошо, я понял, присылайте машину. Лошадь? В такую грязь? Ну хорошо, присылайте лошадь.

Ждать пришлось относительно долго, и назад папа прибыл примерно часа через три.

- Ну что там у него, действительно что-то серьезное, если сам Киселев, этот такой сильный врач, позвал тебя на помощь?– спросила мама.

- Болезнь действительно очень неприятная, рожистое воспаление, а по-русски просто рожа. Главное, что она не поддается ни одному лекарству.

- И как же ты ее лечил?- снова полюбопытствовала мама.

- Прежде всего я отправил из палаты врача, попросил его оставить меня с больным наедине. А дальше нетрадиционным методом, бабушкиным средством, каким с глубокой старины лечат. Сейчас это умение приходится скрывать. Но врач молодой, умный, сам догадался.

- А ты не боишься, что он тебя выдаст?

- Это не в его интересах, ведь сам он не может, а это минус больнице и глав врачу. Он меня попросил еще два раза приехать.

- Пап, и ты ведь поедешь, правда? – это уже вмешалась я.

- Я все поняла, но никому ничего не скажу.

И я убежала в спальню.

По рассказам очевидцев

Отзывы о враче Введенском Юрии Николаевиче богородчан Архангельской Любви Ивановны и по рассказам свидетелей его жизнедеятельности.

Я, Архангельская Любовь Ивановна, 1946 года рождения, росла в многодетной семье и по рассказам моей мамы она часто обращалась к детским врачам, в том числе Введенскому Ю.Н. и говорила: «этот врач от Бога, с верою и помощью Божией врач Введенский вылечивал даже безнадежных больных. А лечил, порою, при дефиците лекарств своими домашними травами, или по его рецептам составляли лекарства в аптеке. И еще он лечил больных вниманием, сочувствием, добротой, поддержкой близких, верой в выздоровлении больных. И о враче Введенском Ю.Н, рассказывала моя свекровь Архангельская – Киселева Таисия Николаевна. Ее брат – врач Киселев Константин Николаевич, его имя носит Товарковская больница.

Она сравнивала его судьбу с судьбою врача Введенского Ю.Н. , но многодетная семья Введенского жила еще беднее, т.к. не баловала его власть за «поповское» происхождение, меньше платила зарплату, контролировала его жизнь, но не изгоняла, так как нужный и незаменимый был врач. Божию упаси, чтобы он что-то мог взять за оказанную помощь больному даже на дому. Он сочувствовал бедности в их домах, и тем более боялся, уличат во взятке. Поэтому семья была беднее бедных. Врач Введенский Ю.Н. впроголодь. Но не уставал. Не отказывал, не ограничивал запись на прием к нему больных. А к тяжело больным сам к ним ехал, не щадил себя и рано умер, исполнив свой долг, талант и клятву Гиппократ. И перед Богом и ближними он свое назначение выполнил. Царствие ему Небесное и Вечная Память. Хотелось бы, чтобы его заслуга была прославлена на земле через печать в газете для памяти и назидании не только врачам. И присвоить его фамилию нашей поликлинике.

***1.03.19 год. Город Богородицк, ул. Совхоз-Техникум 7-8.
Архангельская Л.И.***

Не подходи! Укушу!

Как я уже написала, что папе дали назначение заведующего пастеровским пунктом. Но с самого начала образования этого направления медицины в Богородицке основной целью была борьба с бешенством. А эта болезнь в сороковые годы получила широкое распространение в

Богородицке. И, что ужасно, болели не только дикие и домашние животные, но были и нередкие случаи заболеваний бешенством среди людей.

Так как эта болезнь и в настоящее время снова стала нередкой и практически не поддается лечению, а не все люди относятся к ней серьезно, то опишу ее подробно. Она инфекционная, заболевает нервная система, появляются судороги, параличи, спазмы глоточной и дыхательной мускулатуры. Инкубационный период (то есть скрытый, когда животное уже заболело, а признаки заболевания, еще не обнаруживаются) у животных длится 14-16 дней. После этого животное перестает пить, становится беспокойным и агрессивным, изменяется походка, обильно выделяется слюна. Потом появляются судороги, параличи, наступает смерть. Но уже за 8-10 дней до их появления слюна становится заразной.

В пастеровском пункте

Человек заражается от укуса или от попадания слюны больного бешенством животного. Вирус бешенства с током крови попадает от места укуса в головной или спинной мозг и вызывает там воспалительный процесс. У человека инкубационный период длится от 10 дней до одного года, чаще 30-90 дней, но это зависит от места укуса: скорее при укусе в голову, шею, пальцев рук.

Первые признаки болезни: недомогание, сухость во рту, раздражение на яркий свет и громкий звук, потом судороги даже от малейшего прикосновения к коже пальцем, потом водобоязнь. Болезнь не вылечивается, человек вымирает.

Если животное укусило или попала слюна, но непонятно, животное больное или здоровое, все равно надо срочно обратиться к врачу, потому что единственным спасением являются специальные профилактические прививки. И домашним животным, которые выбегают на улицу, надо периодически делать профилактические прививки. А человеку в инкубационный период нельзя употреблять спиртные напитки.

Вспоминаю такой случай. Папа пришел после вечернего приема не только бледный и уставший, но и несколько раздраженный, что бы с ним редко, потому что он ушел держать себя в руках.

- Что сегодня с тобой? Ты какой-то не такой,- спросила мама.

- Будешь не таким. Ко мне на прием пришел больной со всеми признаками бешенства. И болезнь запущена. Даже я уже не смогу его спасти.

- И ты его отправил домой? – взволнованно продолжала расспрашивать мама.

- Нет, это невозможно, он всех перекусает и заразит.

- Перекусает? Но он же человек, а не собака.

- Это такая страшная болезнь, когда человек не волен в своих поступках,- пояснил папа, - у него в такие моменты сознание отсутствует.

- Я И куда же вы его поместили?

- Я сейчас принимаю больных в одноэтажном угловом доме на улицах Пушкинская и Луначарского. Под домом большой подвал. В одной из маленьких комнат этого подвала мы с милиционером заперли этого больного. Я ему предварительно сделал обезболивающий укол, а медсестре он не дался.

Мама каждый день расспрашивала папу о состоянии этого больного, а папа каждый раз отвечал:

- Пока жив.

На четвертый день папа сказал:

- Сегодня он даже мне не разрешил сделать ему обезболивающую инъекцию. Я захожу в его палату, а он как закричит: «Не подходи, доктор, мне очень хочется тебя укусить!». Я не пошел.

И на следующий день папа коротко произнес:

- Умер, еще ночью.

Но так как этот случай необычный, то маме хотелось бы знать подробности. И мы, старались тоже каждый раз слушали и расспрашивали. И вот папа рассказал:

- Больной умер, стоя на кровати и прислонившись спиной к стене. Правую руку он держал над головой, как венец. Родным его хоронить не отдали, в море тоже не повезли.

- А тогда кто же и когда будет его хоронить? – спросил Коля.

- Его уже похоронили, но только не в гробу. Приехала милиция с большим мешком из толстого брезента. Тело положили в мешок и завязали. Могилу выкопали на самом краю кладбища. Закопали и поставили специальный знак, чтобы сюда не хоронили. Жаль его, мужик он был хороший. И это первый случай смерти в моей врачебной работе. Но уже слишком поздно он ко мне обратился.

Босоножки

Прочитав записи Л.И. Архангельской, я невольно вспомнила один небольшой семейный эпизод послевоенного времени. Мы жили действительно беднее бедного и, возможно были самыми малообеспеченными во всем Богородицке.

Состояла наша семья из восьми человек: папа, мама, нас пятеро из четырех разных кусков как врачебных, так и фельдшерских. Поэтому в целом врачебной ставки не получалось.

Тетя Анюта отдала нам часть огорода, но питалась теперь вместе с нами, а выручку овощей остального участка тратила или на свои, или на обще домовые нужды, а их в стареньком доме хватало.

Помню конец августа 1949 года. Верочка шла учиться в 10-ый класс, я в 9-ый, Коля в 8-ой. Все в старших классах. А учеба старшеклассников с прошлого учебного года стала платной. «Прикинули» мама с папой свои возможности: не вытянет семья троих старшеклассников. Где же взять такие деньги? Придется кому-то бросать школу. Но кому?

Нашей старшей остался последний год. И дальше учиться ей папа не разрешает по состоянию здоровья. Но какую еще она может видеть радость? Пусть хоть среднее образование.

Коля-это наша надежда. Он мужчина и самый способный из троих. Так выбор пал на меня. Но я запротестовала.

- Я хочу учиться в институте, получить высшее образование, а для этого надо сначала закончить среднюю школу.

- Но ты из вас троих учишься хуже всех,- сказала мама.- Тебе в институт не примут.

- У меня еще два лета впереди,- настаивала я.- Сумею все выучить.

- А кем ты мечтаешь быть? – спросил папа.

- Учительницей, - твердо ответила я.

- Нет, только не учительницей.

- Но почему, папа? Мне это нравится, и читателя говорят, что у меня получается.

- Учителей заставляют читать атеистические лекции, а это большой грех. Я не хочу, чтобы ты этим занималась.

- А ты хочешь, чтобы кем она стала?- спросила мама.

- Во вчерашнем номере газеты «Коммунар» написано, что в Туле открываются курсы стенографистов. А Варюша грамотная, по русскому языку одни пятерки. Я думаю, что это ей больше всего подойдет. Подумай, дочка.

- Хорошо, я подумаю, - сказала я только для того, чтобы прекратить этот разговор.

Дня через три, когда папа был на работе, мама позвала меня с Верочкой. В руках она держала две пары босоножек. Высокий и объемный деревянный, густо засмоленный каблук постепенно переходит в сплошную подошву. Впереди две белые хлопчатобумажные тесьмы, расположенные крест-накрест, сзади такая же тесьма, опоясывает пятку. Верочка сказала, что в их классе у всех девочек модельные туфельки, она одна будет в такое «убожество» ходить. А мне босоножки понравились. Главное, новенькие и беленькие.

- Только не говорите папе, что это я вам купила, он очень расстроится.

Скажите, что Лидочка подарила.

- Но почему он расстроится? Они же совсем мало стоят. А наш папа очень добрый. Что ж ему жалко что ль на нас истратить такую небольшую сумму, – все не успокаивалась я.

- Ему не сумму жалко. Он расстроится, что не сможет заработать, чтобы купить вам модельные туфельки.

- О, это пустяки,- продолжала я выкладывать радостные мысли.- Но не это здесь самое главное. Значит, я буду учиться?

- Будешь. Вчера после родительского собрания я подошла к Сергею Павловичу Белецкому, сказала о нашем решении и попросила твои документы. А он ответил:

«Это будет вашей большой ошибкой. Вы не знаете свою дочь. Не сыном, а ей вы будете гордиться».

А вечером с папой я поговорила и поняла, что он меня очень любит и верит, что именно я буду основной опорой семьи.

Теперь понятно

Мы старшие в семье, учились, как тогда говорили, друг за другом, то есть соответственно нашему возрасту: первая Верочка, я классом ниже нее, а Коля – классом ниже меня, хотя был почти на два года моложе своих одноклассников. Из нас троих я училась, как ни старалась, все равно хуже, чем они. И с детства память была слабее, чем у них, и пыталась я хуже, потому, что ни в каком виде не могла есть сало. И домашней работы выполняла значительно больше, чем они, поэтому не всегда успевала приготовить все домашние задания. Много времени отнимал и географический кружок: три раза в день ходила на метеорологическую площадку, а после уроков чертили большие карты, по которым потом приходили новые темы на уроках.

Но, несмотря на это, я понимала, что сестра, которую учили другие учителя, чем меня. Хоть и получает за ответы пятерки, но знает материал более поверхностно, чем требовали учителя, которые учили меня. И я стала больше обращаться к папе, а не к ней. Папа всегда на любой вопрос давал подробное и понятное разъяснение.

А началось это так. По литературе мы изучали поэму А.С. Пушкина «Полтава». И нам дали выучить наизусть «Полтавский бой», он написал в стихотворной форме, но содержание его на уроке мы еще не разбирали.

Я всегда легко и быстро запоминала стихи, но здесь мне встретилась незнакомая фраза:

**« Тесним мы шведов рать за ратью
Темнеет слава их знамен.
И Бога Браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен».**

Первые две строчки мне показались понятными, а две вторые в принципе поняла, что это как-то связано с нашей победой, но хотелось бы знать точно мысли автора. Кто такой бог Браней и какое отношение он имеет к нашей победе?

Я посмотрела на сестру. Она что-то очень быстро писала.

«Очевидно. Домашнее сочинение,- подумала я.- В таком случае лучше не подходить, не перебивать мысли. Ответа не получишь, а только нарвешься на неприятности»

И я подошла к маме, она что-то готовила в кухне.

- Мам, объясни мне, я здесь не понимаю,- попросила я ее и показала эти две строчки.

Мама бегло взглянула и сразу сказала:

- Мне некогда, иди к папе, он тебе объяснит.

Я не стала приставать: или ей действительно было некогда, или она не знала, как объяснить, но другого выхода не нашла.

Папа только вернулся из тульской областной больницы, стоял в спальне около комода и что-то читал. Сразу же прервал чтение. Объяснил, как назывался этот литературный прием Пушкина, что бог Браней- в нашем переводе Георгий Победоносец, наш каждый шаг- битва, благодать-победа. Все это объединил, и я все поняла.

С этого дня, когда мне было что- то непонятно, я обращалась только к папе. И, как бы он ни устал, никогда не отказывал помочь.

Посмотреть спектакль

Это мое воспоминание послевоенной жизни с папой снова относятся к тому времени, когда я училась в 90ом классе.

Конец февраля 1950 года. Днем солнышко приветливо согревало прохожих, снег распух и стал медленно таять. Но к вечеру мороз крепчал, становилось холодно и скользко.

Богородицк облетела большая новость: к нам приезжает труппа Тульского театра имени Горького с пьесой по роману Льва Толстого «Анна Каренина». Событие было действительно сенсационным, поскольку кроме представлений, поставленных школьниками, с самого довоенного времени в городе ничего подобного не было. И везде, где собирались люди, в течение нескольких дней только и слышались разговоры о предстоящем удовольствии.

Побывать на спектакле мечтали и мы с Верой, но мама достала только два билета. Думаю, что она так сказала, чтобы успокоить нас: билеты были дорогие, и четыре билета для бюджета нашей семьи были непозволительной роскошью. А скорее даже причина состояла в том, что Верочка по состоянию здоровья не могла бы сидеть в душном зале, а одну меня мама никуда не отпускала, чтобы ей не было обидно. И смотреть спектакль пошли только мама и папа.

Я никогда не видела спектакля в исполнении настоящих артистов, и посмотреть очень хотелось, а денег своих не было. Я зашла за Майей Горох. Это одна из юных географов-метеорологов, которая училась классом ниже меня.

- Пойдем погулять, - говорю, - хоть на людей посмотри, а вдруг удастся и как-нибудь прорваться.

Она взяла с собой все имеющиеся в наличии деньги, мы подсчитали - не хватало на один билет.

Около ДК толпилось много безбилетников. Контролер из Тулы, крепкий коренастый молодой мужчина, пропускал строго по билетам. В стороне, недалеко от нас, стояло несколько незнакомых парней. Вдруг один сказал:

- Попытка не пытка. Айда вокруг.

Они пошли за угол.

Мы пошли за ними. Ребята покурили и залезли в ДК «Горняк» (сейчас в этом здании ДД(ю)Т через окно. Они предлагали и нам, но мы сначала постеснялись. Затем в окно выглянул Петр Андреевич Кобяков, любезно предложил и помог нам залезть в окно.

Мы с Майей разделись и взяли стулья на втором этаже в библиотеке. Незнакомые молодые мужчины раздвинули стоящих между рядами людей и очень удобно поставили наши стулья.

Спектакль поглотил все мое воображение.

Когда он кончился, Майя увидела свих соседей и пошла с ними, а я догнала маму с папой.

- Ты что здесь делаешь? Почему не спишь? Двенадцатый час ночи, а ты все еще гуляешь далеко от дома, одна, - сразу несколько вопросов задал мне папа.

- А я тоже смотрела «Анну Каренину», - похвалилась я.

- Как же ты прошла? – с волнением в голосе спросила мама.

И я поняла: она подумала, что я заняла у кого - то деньги. Но чем отдавать?

Пришлось все рассказать. Я ждала, что папа обидится, начнет меня стыдить. Ведь он у нас был, выражаясь словами Пушкина, «самых честных правил». Но получилось все наоборот: он добродушно улыбнулся и сказал:

- Молодец, дочка, учись жить.

Потом посерьезнел и добавил:

- Конечно, это нехорошо, но в данном случае никто же от этого не пострадал.

Так, я увидела папу совсем с новой для меня стороны. Не такой он, оказывается, строгий исполнитель всего идеального, а свой, родной, очень близкий человек. За годы войны мы просто отвыкли от него, а потому стали ближе к маме, чем к нему. Да и он представлял нас все еще детьми, а мы уже успели повзрослеть. И почему-то стало очень легко и радостно жить.

Другая малая Родина

Я уже писала о том, что наш дом сожгли фашисты, и нас приняли к себе родственники. Их маленький домик на улице Коммунаров был самым первым от сельскохозяйственного техникума. А так, как в сторону города домов почти не оставалось, то мы дружили с ребятами из техникума, при этом на их «наречии» все называлось не техникомовское, а «техникумское». И они тоже хорошо знали нашу жизнь.

Но в связи с тем, что в домах, расположенных на территории техникума, была большая перенаселенность, то и болели там часто, особенно школьники. И хотя в одном из красных домов под №3 жила детский врач Екатерина Ивановна Раевская, но почему - то чаще всего за помощью обращались к врачу Введенскому.

И вот какие воспоминания продиктовала своей соседке Нине Алексеевне Ядыкиной по просьбе члена инициативной группы житель дома №2 Клавдия Григорьевна Сорокина. Через два дня после этого она неожиданно скончалась.

Так как почерк у Ядыкиной неразборчивый, то я переписала:

В Богородицке:

Мы жили в Тамбовской области. А когда окончилась война, папа пришел с фронта. И вдруг пригласил его в Богородицк. И мы приехали в 1949 году. Папа работал в сельскохозяйственном техникуме, и нам дали квартиру на территории техникума. Мне уже было 18 лет.

Близко от техникума жил врач Введенский Юрий Николаевич. Я его помню. Он был очень высокого роста, черный и носил усы. Лечил он и детей и взрослых от всех болезней. Тогда многие болели малярией, заражались от комаров. И врач Введенский один ее лечил. И рожу только он один лечил, заговаривал ее. Он часто ходил в церковь и ставил свечи на свои деньги за тяжелых больных.

Он был очень сильный врач, сразу определял все пороки сердца и лечил их. И очень добрый. Тогда не было «Скорой помощи», и все обращались к Введенскому. Он вставал среди ночи и в любую погоду шел оказывать помощь, а денег никогда не брал, хотя семья у него была большая и жили они бедно.

В то время не было участковых врачей, и записывались в поликлинике кто к кому хотел. К нему всегда записывалось больше всех и даже из других районов. Он никогда никому не отказывал, всех принимал.

А под конец был совсем больной, а ему приходилось каждый день ходить пешком на шахту №59. Тогда автобусов не было, а заболел он еще на фронте, был на самой передовой. Две войны прошел. Вернулся в звании майора и с наградами.

Я считаю, что очень хорошо дать его имя поликлинике. Надо, чтобы молодое поколение училось у старших быть добрыми, любить людей и свою работу.

И снова о малярии

После войны вспышки этой тяжелой болезни малярии происходили временами: то на два-три года люди забывали о ней, то по целому году врачам приходилось с ней бороться. Лекарство (аспирин) было найдено в аптеке, его отпускали по рецепту любого врача. Но, то ли у врачей не хватало уверенности, то ли в регистратуре больницы боялись ошибиться, а скорее всего по просьбе больных, но в Богородицке больных малярии принимал только врач Юрий Николаевич Введенский.

Среди воспоминаний мне встретилось несколько, в которых благодарные бывшие больные рассказывают и про симптомы и про ход ранения на основании своего опыта. Это Р.Е. Трегубова, К.Г.Сорокина, М.Т.Чурсин, А.С. Сафонов, Е.И. Метелкина и др.

Например, мужчины бывшие мальчишки-подростки, вспоминают. Что болезнь начиналась очень тяжело. Но как только пришел врач Введенский, тронул рукой за голову, то сразу куда-то ушли и тяжести, и головная боль. Ощущение болезни, конечно, еще оставалось. И когда доктор приходил еще, каждый раз задавал вопрос:

- Ну-с, молодой человек, и как сегодня мы себя чувствуем,- и клал руку на голову.

И он приходил до тех пор, пока болезнь не отступала совсем.

Привожу более полное воспоминание Трегубовой Раисы Егоровны, записанное с ее слов женой ее сына Ириной Евгеньевной Цильковской.

Из воспоминаний Трегубовой Раисы Егоровны (1929 г.р.)

Я приехала...

Я приехала в город Богородицк после войны. Поступила на работу в хирургическое отделение больничного городка, который располагался в центре Богородицка.

До сих пор вспоминаю медицинских работников, с которыми пришлось трудиться в те непростые послевоенные годы.

Среди них и врач-терапевт Юрий Николаевич Введенский. Много добрых слов можно сказать об этом замечательном человеке. Он мог работать всюду, где требовалось его знания. Руки и опыт лечил и взрослых и детей.

Юрий Николаевич был очень добр к людям, никогда никому не отказывал в прием, забывая о своих проблемах.

Вот его любили и уважали, в каждом доме говорили только хорошее.

Припоминаю и то, что Ю.Н. Введенский один из района мог лечить тяжелую паразитарную болезнь малярию. Это тоже говорит о его высоком уровне образованности.

Это был настоящий доктор с благородным и добрым сердцем.

Думаю, это имя этого человека должно быть увековечено в памяти жителей города Богородицка.

Мое решение

Я заканчивала десятый класс, но где учиться дальше, так еще и не решила. Папа выбрал для меня должность стенографистки в надежде, что через два-три месяца я уже буду получать зарплату. Но какая это зарплата? Все равно он был против того, чтобы я стала учительницей. А мама как раз видела во мне учительницу, потому, что она понимала, что из нас троих старших только я одна объясняю что-то непонятное с педагогическим подходом.

За два года обучиться в Ефремовском учительском институте, а потом преподавать в средних классах какой-либо предмет- был для меня, наверное, самый лучший вариант, но папа был категорически против, а я мечтала не о среднем, а о высшем образовании.

Но все же основную роль моей дальнейшей судьбы, сам не совсем это понимая, сыграл папа. А получилось это так. Его кто-то из медицинских работников угостил яблоком, и папа принес это яблоко домой. Большое, румяное, сочное, и душистое. Мы все смотрели на него с восторгом. Папа его

помыл, разрезал на восемь частей и дал каждому по дольке. Какое же это было чудо!

Последний раз я ела яблоко, свою родную грушовку еще в 1941 году, то есть десять лет назад. В холодную зиму 1941-42 года в средней полосе нашей страны все сады вымерзли, а грушовка сгорела вместе с домом. С тех пор мы не съели не только ни одного яблочка, но и вообще ни одного фрукта.

Работу садовода я представляла слишком поверхностно, но ко мне пришли подруги, которые после седьмого класса учились в Мичуринском плодоовощном техникуме, очень хвалили и город, и свою будущую специальность, что во мне все загорелось от будущего счастья, и я сделала окончательное решение, только поступила не в техникум, а в ВУЗ, набрав на приемных экзаменах баллов выше проходимого.

Папа тоже был очень рад.

До и после войны

Семья учителей Кучерковых до войны жила недалеко от нас это Тимофей Кучерков, Мария Александровна Головская- Кучеркова и две их дочери – близнецы Римма и Тамара. Они учились в одной классе с моей сестрой Верочкой, в третьем классе их учила Мария Александровна. Обе девочки ходили мимо нас в музыкальную школу. И мы дружили.

Нашего папу они, естественно, видели, но более близкое, семейное общение, было среди взрослых. И когда я обратилась к этим нашим довоенным друзьям написать воспоминание про папу, оказалось, что Тамара Тимофеевна входит в состав инициативной группы и воспоминание свое она уже написала. Привожу его целиком, без правок:

Наш доктор. В нашем городе жил и работал

В нашем городе жил и работал замечательный человек, доктор Ю.Н.Введенский. Он остается до сих пор в памяти многих богородчан, которым он помогал в трудный момент их жизни. Ему приходилось работать не только в городе, но и в отдаленных поселках. И в любую погоду по бездорожью, Юрий Николаевич шел по вызовам и помогал своим пациентам. А это были трудные послевоенные годы, когда город восстанавливается после немецкой оккупации. Юрий Николаевич никогда не отказывал в медицинской помощи людям.

Моя мама Головская Мария Александровна обратилась к Юрию Николаевичу с просьбой помочь ее близкой знакомой тоже учительнице Клавдии Тимофеевне Мезенцевой, которая в то время тяжело болела. У

нее развивалось рожистое воспаление кожи. Применяемые методы лечения не дали положительных результатов. Болезнь прогрессировала..

Юрий Николаевич незамедлительно откликнулся на вызов, и начал лечение. Болезнь была остановлена. Юрий Николаевич был разносторонним врачом. Он проявил себя и как высококвалифицированный терапевт, и как педиатр. И в наше время Юрий Николаевич должен быть примером сочувствия того отношения к людям, и желанием придти на помощь в любую минуту.

Т. Кучеркова.

От хора «Ветеран»

Хочется немного прервать свои воспоминания о родном мне человеке, и вставить то, что осталось в памяти у тех, кого он лечил, или их родственников. Когда ко мне обратились члены инициативной группы назвать фамилии, адреса, номера телефонов, я назвала тех, которые оставили свои воспоминания, в моей трилогии «Богородицкие были». Среди них была и Кузнецова – Райхлина Нина Михайловна. А лечил ли ее врач Введенский и помнила ли она его, этого я не знала. И обратиться ли к ней кто-нибудь из инициаторов.

И она прислала не только то, что помнила сама, но и то, что ей показали другие, помнившие его члены хора «Ветеран», 1936-49 годов рождения. Всего 14 человек. Привожу объединено и в сокращении:

Хор "ВЕТЕРАН"

Врач широкого профиля

Пожилые люди Богородицка хорошо помнят врача широкого профиля Введенского Г.Н. и очень тепло отзываются о нем.

Так не хватало его жителям нашего города, когда этот лучший доктор был на войне, а после 1945 года еще долго оставался в Румынии и долечивал раненных. А в Богородицке его ждали семья, потом он приехал к ней.

В то время город не был поделен на участки, и нередко врачи ходили за весь день с одного конца на другой. А доктор Введенский к каждому больному ходил по три дня, а к тяжелым даже и больше.

В послевоенное время не было многих лекарств и медицинских инструментов. Мало было медсестер. И он сам делал инъекции и

некоторые медицинские процедуры. Занимался профилактикой болезней, так как санэпидстанции не было.

Когда пришли с войны наши мужчины, то начался подъем рождаемости, а акушеров не хватало. В свое дежурство и в экстренных случаях врач Введенский принимал роды. И с детскими болезнями жители тоже обращались к нему.

Пусть доктор, не обладая какой-то выдающийся внешней красотой, но обладал душевной красотой. Он очень внимательно относительно к своим больным, был отзывчив на их страдания, со своими пациентами всегда занимался долго. Выслушивал их. Выстукивал, ставил диагноз, назначал лечение.

Такого прекрасного, интеллигентного, чуткого врача помнит Богородицк и люди чтут его память.

Мир его праху. Да будет пухом его земля!

Время скосило пожилых людей, которых он лечил, но остались их детей и внуки, которые передают преданию о враче Введенском, его таланте медика. Пусть память о нем живет веками.

Н.М. Кузнецова и еще 14 подписей.

Глазами ребенка

Те воспоминания о моем папе, майоре медицинской службы, Юрии Николаевиче Введенском. В большинстве своем подсказаны или полностью рассказаны детям родителями. Оно и понятно: послевоенные дети – это уже другое поколение. Если «дети войны» рано стали взрослыми, нередко им приходилось заботиться не только о себе, но и о младших братьях и сестрах, но и иногда о целой семье своей и о детях соседей, то родившиеся через несколько лет после войны, когда уже и отголоски страшных дней того времени стали постепенно стираться, эти дети могли разглядеть получше окружающих и быть участниками многих событий возрождению города из пепла. И у них было и время и возможности как для игр, так и для того, чтобы заботиться о своей внешности.

Я перебрала и подробно неоднократно внимательно прочитала все двадцать шесть рукописей. В каждой много и о папином профессионализме, таланте, самопожертвовании, доброте. Много внимания и примеров отведено нетрадиционным методам его лечения, этому его особенному дару, благодаря которому он облегчал страдания прежде всего детей.

И хочется в этой книге не пропустить, а написать о том, каким представляли моего папу дошколята.

Вот передо мной воспоминание пенсионерки, бывшего преподавателя математики сельскохозяйственного техникума Татьяны Васильевны Глебовой. Девочке было восемь лет, когда умер врач Введенский, и она поступила в школу и училась в одном классе с моей младшей сестрой Надей. Но запомнился ей один эпизод, который произошел в их семье раньше. О нем она рассказала преподавателю сельскохозяйственного колледжа Г.А. Полукаровой, а Галина Александровна переписала и передала в инициативную группу. Привожу с небольшим сокращением:

**Воспоминания о чудо-докторе
Введенском Юрии Николаевиче:**

Я, Глебова Татьяна Васильевна, знала Юрия Николаевича через его дочь Надежду, с которой училась в одном классе. Его знали все, в том числе и наша семья и, относились к нему с большим уважением за то, что он никогда не отказывал в помощи больному и днем и ночью.

Никогда не забуду такой случай: мой старший брат очень сильно заболел, ночью был большой приступ, брат задыхался. Папа схватил его, посадил себе на закорки и побежал к доктору Введенскому Ю.Н. я побежала с ними тоже, а расстояние больше километра.

Вся надежда была только на врача и лишь бы успеть. Когда подбежали, то увидели, что Юрий Николаевич стоит на пороге и дверь в дом открыта, а была ночь. Такое впечатление, что он нас ждал.

Володя буквально лежал на шее отца, положив свою голову на его, и было непонятно, живой он или нет. Доктор подошел к отцу, погладил брата по голове и сказал:

- Какой хороший мальчик заболел.

И брат приподнял голову.

- Я его оставляю у себя до утра, а вы идите домой и спите до утра, а здесь вам делать нечего.

И он снял брата с закорок отца и на руках понес его в дом. А мы пошли домой. Конечно, никто в эту ночь не спал.

А утром домой явился на своих ногах мой брат, абсолютно здоровый. За одну ночь вернул его к жизни чудо-врач. Введенский Юрий Николаевич.

Со мной учились подруги Валя Астафьева, Люба, Гуля. Они тоже подтверждают, что врач Введенский был очень сильный.

И наше пожелание и просьба к депутатам, чтобы решили вопрос об увековечении и установили памятную доску.

*Глебова Т.В.
Ул. Пролетарская.*

Два папы

С их папой, Константином Алексеевичем Ежовым мой папа познакомился в кардиологическом отделении Тульской областной больницы. Они лежали в одном отделении, в одной палате. И койки оказались рядом, и оба имели вторую группу инвалидности по поводу порока сердца, полученному на Великой Отечественной войне.

Но, главное, что их обоих объединяло, несмотря на значительную разницу в возрасте, была глубокая вера в Бога, поэтому у них всегда находилась тема для разговоров. Порой далеко не всегда понятная для окружающих.

Как уже было сказано. Папа пришел с фронта с инвалидностью. Но, несмотря на то, что он был всеобщим признанным самым сильным врачом в городе, власти изматывали его и физически и морально, поэтому он вынужден был и сам непрерывно лечиться или, хотя бы поддерживать свое здоровье на одном уровне. В Богородицке он доверял себя единственному врачу – Анне Ивановне Долгушиной.

Но, как известно, врачу лечить другого врача, а тем более самого сильного кардиолога, довольно сложно. Поэтому Анна Ивановна в периоды обострения у папы болезни, предлагала ему пройти курс лечения в областной больнице.

И папа снова возвращался в Богородицк на свою работу, хотя тульские врачи уговаривали его переезжать в Тулу и работать кардиологом. Но папа полюбил Богородицк и богородчан и не захотел изменять своей новой малой родине. К тому же. Как ни трудно было, а порой и унижительно, но все же здесь знали и его происхождение и его веру, которую в нем углубила и укрепила война, но все же давали подработку и хоть какую-то возможность содержать семью.

Константин Аникеевич Ежов жил с семьей на Жданковском поселке. Семья простая, рабочая, но очень добрая и верующая. Жена Константина, Татьяна, часто читала по покойникам. Две дочери Людмила и Анна, были еще дошкольницы. Мы подружались семьями.

А когда не стало папы, Костя, будучи уже инвалидом, устроился работать сначала кладбищенским сторожем, а какое-то время и старостой храма. И помогал мне ухаживать за папиной могилой и в ремонте квартиры.

Старших уже давно нет, а с Людой и Анютой, а также их мужьями я поддерживаю связь. Они очень добрые и отзывчивые люди, готовые всегда придти ко всем на помощь.

И нельзя прочесть без улыбки это трогательно – наивное по детски воспоминание Люды о моем папе.

Всей семьей

Я, Чурсина Людмила Константиновна, и мой муж Чурсин Михаил Тихонович хорошо помним Богородицкого врача Юрия (Георгия) Николаевича Введенского. Врач был от Бога, хороший специалист и добрый человек.

Мужа моего лечил от малярии. Было серьезное состояние, другие врачи не могли помочь, а Юрий Николаевич вылечил.

Со мной был такой случай. Я болела корью и скарлатиной. А в то время девочек в больнице стригли наголо. Я залезла под кровать и не давалась стричься. Вызвали врача . Юрий Николаевич посмотрел на мои длинные вьющиеся волосы и разрешил не стричь в виде исключения. Я была очень счастлива и пошла в первый класс с косичками.

Сестра моя Квасникова Анна Константиновна, когда болела, Юрий Николаевич не считаясь со временем приходил и днем и ночью, когда ей было плохо. А жили мы в Жданковском поселке. Мы очень благодарны Юрию (Георгию) Николаевичу Введенскому и хотим чтоб его имя не забыли у нас в Богородицке.

6.02.2018. (Чурсина Л.К)

Новым способом

Что сказать о том, как протекала у нас жизнь после войны? Можно ответить одним словом – однообразно. Большое количество детей и недостаток средств не позволяли куда -нибудь съездить отдохнуть. Ни о теплом климате, ни о купании в море, да и даже в своем пруду мы не имели представления.

Летом заботились о заготовке дров к зиме, закаливали овощи, сажали картошку на том поле, где сейчас кладбище №59. Каждый год по 8-12 соток. Хотя тогда и не было колорадских жуков, но посадку и уборку всегда организовывал папа, а ухаживали только я и Коля: один раз тяпали или пололи и дважды за лето окучивали , чтобы больше был урожай.

И пытаюсь вспомнить какие-нибудь эпизоды, связанные с папой, но ничего выдающегося не нахожу. Жили мы все в любви и согласии, очень дружно, обстановка в семье была теплая. Если раньше центром была мама, а мы все вокруг нее, то теперь стал папа, хоть больной, но все же мужчина.

Однако неприятности и нашу семью не обходили стороной. Я закончила первый курс Мичуринского плодоовощного ВУЗа Тамбовской области. Летом отдохнула от учебы, но много дома работала физически.

Впереди еще четыре года учебы. Поступил учиться в Тульский механический институт и Коля, перешел в пятый класс Геня.

Чтобы доехать до Мичуринска на поезде (а другого транспорта не существовало, надо было сначала приехать в Волово и почти сутки дожидаться там пересадки на следующий поезд. В конце августа 1952 года я отправилась учиться, меня проводила до нашей железнодорожной станции «Жданка» мама.. Я уехала, а она шла домой и всю дорогу плакала. Объяснить причину своих слез и сама не могла. Как потом выяснилось, она сильно заболела, у нее было тяжелое мозговое заболевание. Забегая вперед, скажу, что она пролежала в больницах Тулы и Москвы до весны 1957 г. в Москве в институте на ней испытывали импортными лекарства, которые в те годы впервые стали покупать у капиталистов.

Все домашние заботы легли на папу. А бабушка с Лидочкой в это время жили у дяди Вити на Пушкинской. Он утеплял бывшие кухню и кладовую, каменные стены которых уцелели при пожаре.

Бабушку папа попросил, чтобы она теперь жила у нас и готовила обед, потому что тетя Анюта от этого отказалась.

Когда папа приехал с фронта, то в первую очередь он начал следить за нашей гигиеной. Мы теперь все стали спать отдельно, у каждого было белое постельное белье и ночные сорочки. Стирали мама и я. А теперь вот это стало проблемой. И папа вынужден был отдавать белье в прачечную и платить за стирку деньги.

Вспоминается такой небольшой эпизод. Не помню точно, на каком курсе я училась, кажется, что на третьем. Совпало так, что на майские праздники оказались подряд три выходных, и на четвертом день я отпросилась с отработкой, чтобы съездить и в Богородицк, и в Тулу к маме в больницу.

Но увидела, что дома набралось очень много грязного белья. Решила уметь как можно больше перестирать. А тогда до нашей Тульской области этот новый способ стирки белого белья еще не дошел. А в Мичуринске мы стирали так. Из моющих средств было только мыло. Белье мочили в теплой воде. Потом каждую вещь слегка отжимали, как можно лучше намыливали и складывали в таз. Если вода в корыте стала грязной, то ее меняли. Разводили отдельно в стакане крепко марганцовку и аккуратно выливали раствор (чтобы не попали не растворившиеся частицы) в корыто с водой. Опрокидывали из таза в корыто сразу все белье и как можно быстрее его расправляли. Вода из розовой становится беловатой, в ней проводим (то есть стираем) первый раз. А второй раз - в свежей воде, подмывая только не отстиравшиеся места. А потом дважды прополаскивали.

В этот раз я настирала много белья и, пользуясь прекрасной погодой, развесила его на всех проволоках и веревках. Когда вешала последнее, откуда – то пришел папа.

- Доченька, это ты столько настирала?- спросил меня.

- Да, я, пап.

- А ведь это на....

Он слегка помолчал, видимо, подсчитал:

- На... рублей (он назвал цифру).

- Хорошо, обрадовалась я.

- Спасибо тебе, родная.

Папа нагнулся, поцеловал меня в висок. Хотел еще что-то сказать, но голос его дрогнул. И папа быстро пошел в дом.

А у меня сразу вся усталость пропала.

Перед практикой

Шел июнь 1955 года. Мы сдали экзамены за 4 курс. Впереди производственная практика и укороченный пятый курс. Хотя наше учебное заведение называлось институтом, но если других высшие учебные заведения (ВУЗы) были четырех годными, то сельскохозяйственными - пяти. И мы учились по той же программе, что и в Московской Тимирязевской академии на плодовоовощном факультете.

Посещение больной мамы.

Домашняя обстановка была совсем плохая. Папа больше не мог работать из-за болезни сердца. У Коли стипендия была большая, он жил в общежитии, и ему помогал папин брат, дядя Володя. Верочка училась в Тульском медицинском училище, получала как отличница повышенную стипендию и жила у папиной сестры, тети Зины. В сельскохозяйственных институтах стипендия была самая низкая, да и половину ее я отдавала за частную квартиру, так как у кого были живы оба родителя, общежитие не давали. И мне приходилось подрабатывать, чтобы помогать семье, которая жила только на одну папину пенсию. А папа получал пенсию не военную, а гражданскую, потому, что комиссия написала, что после войны он работал, а значит, заболел на гражданке, а не на войне.

И семья питалась очень скудно. Даже белый батон покупали на всех в день только один, и папа отрезал утром всем по кусочку, остальную часть убирал под замок, и разрезал всем за ужином, а обедали только с черным хлебом. А я белый хлеб вообще не видела, ела только один раз в сутки

порционку обеда в столовой, и лишь иногда вечером кусочек черного хлеба, пару карамелек –подушечек и стакан сырой воды из-под крана. Но дома об этом никому не рассказывала, чтобы не расстраивать папу. Поэтому когда у Нади в школе потребовали в обязательном порядке спортивный костюм, я работала уборщицей и ночью, но костюм ей купила, настоящий, новый в магазине. Она была счастлива, и я радовалась вместе с ней. А форму не смогла, ей бабушка перешила чью-то чужую, уже не новую.

По распределению мне сообщили, что производственную практику буду проходить в крупном совхозе с названием «Снежеток». Со мной подруга Ира и три девочки, которые учились в сельскохозяйственном техникуме. Так, как у меня оценки оказались выше, чем у остальных девочек, то директор совхоза Конов Михаил Петрович предложил мне работать агрономом отделения, а зарплата – 50% от положенной агроному. Я естественно согласилась, потому. Что для меня это было большое богатство.

Но не успела я приступить к работе, как получила письмо от папы, в котором он пишет, что ему предлагают лечь в областную больницу, в которой лежит мама, но только отделение другое. Просит, если можно, приехать проводить, потому что Коля находится на военной подготовке, а больше некому Директор совхоза меня задерживать не стал.

Дома бабушка уже все подготовила, что папе надо взять с собой. Папа был очень слаб, часто задыхался. Я боялась, довезу ли. А вдруг,... но довезла. Палата хорошая: всего на шесть человек, близко от туалета и от неврологического отделения, в котором лежала с парализованной ногой, но абсолютно нормально мыслящая и разговаривающая, даже сочиняющая стихи, мама.

Я разложила папины вещи по полкам в тумбочке.

- Пойдем выйдем, - сказал он мне.

Папа привел меня в какой-то темный коридорчик.

- Прости меня, доченька, что тебя оставляю за старшую. Ты у меня умница, будь всегда такой. Храни тебя, Господь.

Он перекрестил меня трижды, и мы поцеловались. Это был последний раз, когда я видела его живого.

И еще про папу

О том, что папа делает уколы не больно, знали все ребята нашей школы, а, может быть и других детских организаций. Поэтому к нему подходили смело, но боялись. А как он это делал, я не понимала. Я видела, что он сначала гладил по головке, но не придавала этому большого значения. Думала: раз он большой ученый и сильный врач, то только он один

сразу находит у каждого такую точку, в которую надо вставлять иголку и не будет больно.

Знала так же, что рожистое заболевание он только один в районе может лечить, и при этом заговором, слышала, когда он рассказывал маме, как лечил больного в Товарково по просьбе врача Киселева.

Слышала так же, как мама просила передать ей какой – то дар, а он отказал, сказав:

- Нет, Клавочка, я тебя люблю, и деток люблю. Я мог бы передать только Варюше, она очень добрая, но время сейчас другое, ей будет очень трудно. И какой ожидать конец?

Я почти ничего не поняла из этих слов, но была уверена: раз папа не хочет мне что-то передать, значит так надо. И не обращалась с расспросами. И лишь спустя несколько лет после того, как не стало папы, мама мне рассказала, что тот дар заговора, которым обладал папа и нередко использовал, чтобы облегчить страдания больных, отнимал у него много энергии. Передается он от мужчины женщине и от женщины мужчине. А заканчивается земная жизнь обладателя даром внезапно и в любом возрасте.

И вот, что мне рассказали соседи по его палате. Так как папа был врач, а тем более с высоким званием, то ему не запрещали ходить в другие отделения. И он навещал маму в любое время суток и сидел около нее иногда подолгу.

А на этот раз, вечером 11-ого августа. Он сидел у нее особенно долго. У соседей по палате сложилось впечатление, что он прощался и никак не мог или не хотел расставаться. Утром 12-ого августа он проснулся без пятнадцати минут в шесть часов. Быстро побрился, умылся, переоделся в чистое нижнее белье, вошел в палату и лег спать. Никто не придавал этому значения, так как в последнее время ему стало легче, и врач уже готовила его к выписке.

В шесть часов утра медсестра вошла в палату раздавать термометры. Папа лежал первый от двери с правой стороны. Когда она после всех подошла к нему, то увидела, что он мертвый. Никто в палате ничего не понял, как будто человек просто уснул.

О том, как проходили похороны, расскажу дальше. А здесь только хочу добавить, что когда через 49 лет в его могилу хоронили его сына, а моего брата, то увидели, что папин гроб абсолютно целый, как будто похоронили всего несколько дней назад. Даже коричневая ситцевая обивка нисколько не изменилась.

Значит, он действительно был врач от Бога.

В совхозе

Я работала агрономом отделения совхоза, а жила на Центральной усадьбе в частном деревенском доме. Спали на стеллажах. Мы с Ирой – на верхнем, под самым потолком. В комнате, как и во всей деревне, водились крупные черные тараканы. Они выползали из нор обычно, когда становилось темно. Нередко спишь ночью, а они подают с потолка на головы и будят. Мы сначала боялись, а потом привыкли: брали их руками и сбрасывали на пол.

В совхозе

«Мое» отделение совхоза находилось в трех километрах от Центральной усадьбы. Я уходила туда утром, и возвращалась нередко поздно вечером, когда «закрывала наряды». И хотя, как и во всех государственных организациях, в совхозе отводили часовой перерыв на отдых, я обедать не ходила, не успевала, да и очень уставала, потому что везде ходила пешком. И хозяйка мне каждый день давала с собой два варенных яйца, пол литра молока и кусок домашнего хлеба. А к вечеру хозяйка варила нам щи или картофельный суп на телячьем мясе. Происхождение этого мяса я знала, но никому не рассказывала, иначе перестанут его варить, а все же это было мясо, и я не брезговала.

А происхождение его было такое. Как раз это случилось на нашем отделении. Стояла сильная жара. Пастух выпал, лег отдохнуть в тень и уснул. Телята, голов тридцать, зашли на поле, на котором было раскидано минеральное удобрение, наелись этого удобрения, и все погибла. Кто-то увидел, сказал зоотехнику. Зоотехник подъехал на велосипеде и воткнул каждому теленку нож в горло, хотя многие уже давно не шевелились. Но районный ветеринарный фельдшер запретил есть ливер, а мясо разрешил, и его продавали по дешевой цене.

Две подруги

За четыре года учебы в институте я очень обносилась. Правда, когда папа еще работал, он как то сумел собрать для меня деньги на зимнее пальто, и мне его сшили в мастерской в Мичуринске, а до этого я ходила зимой в очень легонькой летнем. Но три кофтенки и единственная юбчонка, которые еще шила мама, настолько вытерлась и обליняли от солнца и частых стирок, что уже некуда было ставить заплатки.

Но теперь мне повезло в этом отношении с Ирой. У нее отец был офицер военного училища, а мать заведующей пошивочной мастерской в Каунасе. И мать очень хотела,

чтобы единственная дочка научилась шить, а поэтому посылала ей крой. Но дочка ленилась, отдавала мне. Я шила, как умела, она немного носила, фотографировалась и отдавала мне донашивать.

Папа знал, что я носила чужую одежду. Но только теперь я поняла, как он страдал морально, что не может помочь своей дочери – студентке. А Верочка донашивала Лидочкины платья. Мне же они были узки.

И вот, когда мы были на практике, мать Иры прислала раскроенную черную шелковую кофточку совсем без рукавов, а вместо них – черную шелковую, довольно широкую ленту, которую девочки вплетали в косички. Ее надо было пришить вместо рукавов и на горловинку, присборив, как крылышки.

- Забирай себе, - сказала Ира, – я все равно черную носить не буду.

Какой - то холод пробежал по моей спине. Мне даже стало страшно. «Папа, неужели папа?– подумала я.- Но ведь мама вон какая больная, а он еще ничего. Хоть в больнице, но держится. И ходить ему разрешают, к выписке готовят. И последнее письмо от него жизнерадостное».

Но я все же постаралась, как можно быстрее, сшить для себя эту кофточку.

Вас вызывает начальство

Приближалась середина августа 1955 года. Жара спала, и дни стояли теплые и ласковые, а ранним утром было даже прохладно.

Я работала агрономом отделения, быстро втянулась в работу и влилась в коллектив. Очень честно, до мелочей записывала выполненную работу каждым рабочим и ежедневно. Без всякой задержки закрывала наряды. Рабочие меня полюбили, у нас сложились доброжелательные отношения. С заведующим отделения тоже сразу нашли понимания и, я, как говорится, пришлось здесь «ко двору».

12 августа ничто ни что не предвещало ничего более плохого и из дома. И бабушка, и папа заверили, что ему стало лучше. И его скоро выпишут из больницы.

В отделении проходил сбор огурцов на дальнем участке. Я приехала туда вместе с работницами на телеге. Первую партию собрали быстро, затарили в мешки и отправили на сортировку. Я начала записывать, но вдруг увидела, что едет на велосипеде мужчина из другой бригады.

«Что ему здесь делать?»- невольно подумала я.

Он остановился около меня.

- Садитесь на раму, зав. велел доставить вас к конторе.

- Ты что, Сергей, жена твоя заревнует. Я пойду пешком.

- Я вас только до конца посадки, а там немного дойдете. Мне приказано, и я выполню.

Спорить я не стала: в конце концов он лучше знает свою жену.

Заведующий ждал меня около конторы.

- Вас вызывает к себе директор,- сказал он.- Сейчас прийдет за вами свою машину.

- Машину директора за мной? Что случилось? В чем я неправильно поступила?

- Нет, нет, вы ни в чем не виноваты. Не волнуйтесь, он ругать вас не будет.

Зая хотел сказать еще что-то, но тут прямо около наших ног развернулся «Козел» директора.

Я подумала, что все будет решено быстро, и после обеда вернусь люда, и даже не зашла в контору, чтобы взять кофту, которую надевала прохладным утром.

Нас было пятеро

Михаил Петрович предложил мне сесть. Когда он предлагал работать агрономом отделения. То лишь писать заявление я села, а весь разговор проходил стоя.

Директор начал меня расспрашивать о семейном положении: с кем я живу, но какие средства, кто еще получает стипендию и т.п. я не понимала, почему он вдруг этим заинтересовался.

Но он взял небольшую бумажку, что - то написал и подал мне:

- Идите в бухгалтерию, получите, я вам выписал премию в размере вашей месячной зарплаты.

Я искренне поблагодарила его и встала, чтобы идти.

- Мой старший брат, а что с ним? – взволнованно спросила я.

- С ним ничего. А от него вам телеграмма. Сядьте. Вот так. А теперь вот читайте.

Телеграмма большая. Читаю первые слова:

«Приезжай Богородицк, ПАПА умер»

А далее: **Заверено врачом Тульской областной...**

- Я вас отпускаю,- сказал директор, - временем не ограничиваю: сколько потребуется, столько и будьте дома. А, когда, сделаете все дела, приезжайте.

С собой мне дали от совхоза огурцов и мясо, но не телячьего, а свиного. Свое состояние описывать не буду, оно и так понятно.

Просьбу выполнили

Когда я приехала домой, папу еще не привезли. И хотя Коле из больницы сообщали рано утром, но задержка получилась из-за того, что у папы рост был нестандартный, и, таких больших гробов готовых не оказалось. Этим вопросом занялся дядя Витя. Деревянный крест простой, не крашенный, сколотил дядя Паша. Место, где рыть могилу, папа в свое время выбрал сам, показал его бабушке, и этим занялась она с помощью Константина Аникеевича Ежова. Церковные дела взяла на себя тетя Анюта. Тетя Женя и тетя Лиза, жены дяди Вити и дяди Паши, занялись приготовлением поминального обеда.

В Тулу поехали оба дядюшки и Лидочка. Врачи категорически запретили рассказывать маме, чтобы не волновать ее. Пришлось придумать версию, что врачи не разрешают папе ходить. И Тульская больница начала хлопотать, чтобы маму взяли в Москву в институт нейрохирургии.

Папу привезли во второй половине дня, т.е. в этот же день, в пятницу. Церковной службой по пятницам и в субботу утром не было. Тогда она была в субботу вечером, в воскресенье утром, по большим праздникам и в определенные дни постом. И сделали все так, как просил папа.

В эту ночь гроб с телом оставался дома. В зале с ним ночевала только одна я. Остальные чего-то боялись. Мне было это непонятно, ведь он же наш, родной папа.

Когда мы остались с ним вдвоем, я подошла к гробу, посмотрела на это родное лицо, и тут, наверное, впервые по - настоящему поняла, кого мы потеряли.

- Папочка, милый, прости меня, что я маму любила больше, чем тебя, - я тебя недостаточно знала, тихонько прошептала я. И мне вдруг показалось, что он слегка улыбнулся.

И люди, пришедшие поклониться ему, говорили, что он улыбается.

Дома он ночевал одну ночь. Выносили из дома в субботу перед началом церковной службы. Самым первым шел Коля и нес крест. Положено ли это родному сыну или нет, никто не знал и не подсказал.

За ним двое мужчин несли крышку гроба, потом – женщины венками.

Следующий шел настоятель церкви - отец Федор Чмагин с кадилом, а за ним певчие с правого клироса. Священник читал наизусть молитвы, а певчие часто пели. За ними шесть человек всю дорогу несли на плечах гроб с папой. Они периодически менялись плечами и местами с другой шестеркой. Первыми за гробом шли мы, его дети, за ними родные, за ними громадная толпа.

И хотя голос священника был плохо слышен, но певчие пели громко, поэтому многие люди крестились. К нашему ряду первым слева шел Геня,

рядом Верочка, потом я. Верочка сначала непрерывно плакала и часто крестилась. Я держала ее левой рукой за плечи и иногда крестилась. Я держала ее левой рукой за плечи и иногда крестилась, не зная, как в таком случае надо себя вести. Потом оглянулась и увидела, что Надя идет между нашими рядами сбоку. И я вдруг поняла:

«При живой матери, но уже фактически круглая сирота».

Мне ее стало очень жалко, что - то стеснилось и в сердце, и в горле. Захотелось заплакать. Но я опомнилась и сдержалась

«Верочка хоть и старшая,- подумала я, - но она и самая слабенькая, нуждается в помощи. Значит, опорой в семье должна быть я»

И я взяла правой рукой Надюшку за руку. Кофта была на мне без рукавов, и сестричка прижалась своей щекой к моей руке.

Гроб с папой поставили не на паперти, а по распоряжению отца Федора в середине храма, как хоронят священников, только лицо, конечно, было открыто.

Сначала была обычная всенощная, а потом панихида с певчими. Народу к этому времени набралось полная церковь и все во время панихиды стояли с зажженными свечами, только одни молились, а другие нет.

Как и просил папа, на ночь гроб с телом оставили одного в пустом храме. А настоятель распорядился, что включенными остались и большинство лампочек.

И последнее

На следующее утро, в воскресенье уже во время обедни храм был переполнен, но всех не вмещал, много людей стояло и на улице. Здесь находилась богородицкая интеллигенция, среди них и члены партии и комсомольцы. Много было приезжих из дальних деревень и других районов.

Как научил кто-то из церковнослужителей, люди шли цепочкой. А когда подходили к гробу, одни - как к святому: крестились, целовали руку или икону, кланялись и отходили. Другие - только кланялись или еще что-то шептали. Близко от гроба стояла старушка, церковная работница, с тарелкой в руках. На эту тарелку многие клали денежку, большинство - мелкие монеты.

Панихида была очень торжественная, служили оба священника и дьякон, пели певчие и с правого клироса, и с левого, в котором нередко пел и папа. Все присутствующие стояли с зажженными свечами.

Отпевание длилось долго, а народ все прибывал, толпа стояла и за воротами храма, поэтому батюшка распорядился прекратить церемонию прощание. Он сказал много прекрасных слов про папу. Папу накрыли,

батюшка придал земле, гроб закрыли крышкой и забили. Выносили из храма под пение хора и перезвон колоколов.

Меня оттянуло толпой, я отстала и случайно услышала такой разговор. Женщина видимо шла с базара, случайно увидела эту церемонию и с любопытством подошла.

- Что здесь происходит, - спросила она? – Что-то никогда такого не было.

- Своего местного святого хороним,- ответили ей из толпы.- Хороший человек был. Таких больше нет и не будет.

- А разве святые умирают?

- Святые тоже люди,- теперь уже мужской голос:- Здесь умирают, а там живут и оттуда нам помогают.

Я подошла ближе к могиле. Кто-то гражданский говорил речь, а за ним и другие, но короче. И тут я увидела Надюшу. Она стояла немного в стороне от других. Видно, ее тоже оттянуло толпой. Я подошла к ней, взяла за руку. Она очень обрадовалась. Толпа распустилась и пропустила нас к самой могиле. А когда отпускали гроб с телом папы в могилу, я подняла сестричку на руки. Этот момент она запомнила на всю жизнь, и напомнила мне о нем незадолго до своей смерти. Она похоронена рядом с папой.

Царство небесное, им обоим.

И еще хочу добавить следующее. После папиных похорон я очень волновалась, что теперь многих снимут с работы, которые были в церкви на прощальной церемонии.

Но удивительно - все было тихо. Все остались на своих местах, ни в одной организации никого не сняли с работы и учебы, не исключили из партии и комсомола. Даже не дали ни одного выговора или замечания. Значит, и администрация любила папу и скорбела о его потери. Ведь он лечил всех.

А просто время было такое.

Гордость Богородицка

13.02.2018. сама я не лечилась у Юрия Николаевича Введенского, была молода, и проблем со здоровьем не было. О семье знала хорошо, так как тогда я работала в школе №1 (1961-65 гг.), а в ней училась младшая дочь, Надя.

Знала, что ее папа - врач. О его работе как врача, знала от мамы, Ивановой А.С. она считала его одним из лучших врачей в Богородицке, опытным специалистом, к которому можно было обратиться в любое время, не откажет. Говорила о нем, как о человеке бескорыстном, порядочном, скромном.

Не каждый наш богородицкий врач прошел всю войну и работал в госпиталях не в тылу, а на передовой, каждый день, рискуя собственной жизнью: скольких раненых бойцов он спас!!!

Такие люди - гордость нашего Богородицка, и о них должны знать жители города и особенно подрастающие поколения и надо чтобы это имя не было забыто.

Поэтому считаю, что присвоение имени Юрия Николаевича Введенского нашей поликлинике может удержать в памяти Богородчан имя этого замечательного человека.

Иванова Л.А., пенсионерка, в прошлом учитель.

Эпилог

Я не хотела об этом писать и в своем месте не написала. А потом подумала: ведь я пишу для молодого поколения, для его воспитания. И те пожилые люди, которые прислали свои воспоминания, будто бы с просьбой обращаются ко мне написать так, чтобы на примере жизни папы показать молодым, каков он, настоящий русский человек, горячо любящий свою Родину, ее историю и живущих в ней людей, стремящийся помочь им вернуть здоровье, не заботясь о себе, не думая о богатстве.

Другими словами, хочу объяснить, что не послужило поводом его внезапного такого резкого состояния ухудшения здоровья, из которого он уже не смог выбраться.

1955-ый год был юбилейным. Десятилетие Великой Победы. Его праздновала вся наша страна, наш дружный Союз Советских социалистических республик.

Не оставались в стороне и медицинские работники. Это и естественно они хоть не держали оружия в руках, за всю войну не уничтожили ни одного фашиста, но большинство из них было на фронтах и спасало жизни наших солдат и офицеров.

В больнице была официальная часть, чествовали ветеранов войны и первым назвали Введенского Юрия Николаевича. Ведь он единственный из Богородицких врачей прошел полностью две войны и при этом на самой передовой линии. Спас тысячи жизней, заслужил звание майора, орден Красной Звезды и несколько медалей.

А потом сели за юбилейный стол. Наш папа за всю свою жизнь, как и он сам говорил, и с наперсток не выпил вина. Он и сам не стремился к этому и берег для людей свой дар: если бы он хоть раз написал бы, то уже не смог бы заговаривать многие болезни. Об этом мало кто догадывался; даже мы, дети, этого не знали. Некоторые считали его чудаком, другие завидовали, но раз человек не пьет, то и не надо к нему с этим приставать. И не приставали.

Выпили за ветеранов, предварительно помянув медработников, которые не вернулись с войны. Были и другие тосты. И тут кто-то предложил тост за недавно прибывших молоденьких медсестер. Здесь они увидели, что врач Введенский не пьет, высказали обиду, и начали приставать. Взрослые пытались их остановить, но подвыпившую молодежь удержать трудно. А одна выпившая девушка взяла папин стаканчик и, держа другой папу за голову, поднесла его ему ко рту, намереваясь вылить содержимое ему в рот. Папа отвел ее руку, взял этот стаканчик и выпил ровно один глоток. Молодые тут же зааплодировали, а пожилые увидели, как он внезапно побледнел.

Папа, сидя за столом, потерял сознание. Его, конечно, привели в чувства, но работать он больше не смог. Как врач, он потом объяснил, что

причина не в глотке вина, от него бы ничего не случилось, а в том моральном состоянии, в которое поставила его молодежь.

Вот это приставание, оскорбления, слова, «ты нас не уважаешь» и им подобные, приводят к тому, что хорошие добрые парни и девушки, не умеющие отказаться, превращаются в курильщиков, алкоголиков, наркоманов.

Наш папа

Светлой памяти

Нашего папы

***Введенского Юрия Николаевича
посвящается:***

***Был папа призван в первый день войны.
Вернули лишь в конце сорок шестого,
С медалями, орденом Красной Звезды
С контузией, только живого.***

***Он врач, майор. Работа горяча-
Под пулями, на самом поле боя.
А госпиталь – палатка, два врача
И операции...без сока и отбоя.***

***Порой нет сил, кружится голова,
Но скальпель сутками из рук не выпуская,
Он кровь свою солдатам отдавал,
Бойцов тяжелораненых спасая.***

***Война окончилась. Но раненых солдат
В госпиталях еще лечили долго.
А полевой горячий медсанбат
К их новой жизни первой стал дорогой.***

***Но папа мало прожил в тишине;
Лишь восемь лет в семье та радость длилась.
Здоровье он оставил на войне.
О нем в народе память сохранилась.***

В. Введенская

Главе администрации МО Богородицкий район
Игонину В.В. собранию представителей
МО Богородицкого района

Обращение

Мы, жители города Богородицка, обращаемся к Вам с просьбой.

В нашем городе до войны и после войны работал врач Введенский Юрий (Георгий) Николаевич. Мы его очень хорошо помним, потому что такие люди не забываются.

Он был врач широкого профиля (сейчас таких факультетов нет): в городе работал терапевтом и педиатром. А на войне – хирургом. Он прошел две войны: финскую и Великую Отечественную, был на самой передовой линии заведующим полевым госпиталем, ежедневно под пулями, снарядами и бомбами, мог погибнуть в любую минуту. Вернулся в конце 1946 года контуженный и инвалид, но продолжал работать до самой смерти (1955 год).

Врач был безотказный, очень добрый и сильный специалист. В то время не было станции «Скорой помощи», ее построили позже на том месте, где было старое здание поликлиники, в котором он работал. И он был единственным из врачей. К которому люди обращались среди ночи, а он никому никогда не отказывал. Поэтому люди за глаза называли врача Введенского нашей «Скорой помощью», и все его любили и верили, что он действительно наш святой.

Мы считали, что в нашем маленьком городишке врач-майор, сильный специалист и очень добрый человек - это большая честь, для города. И имя Введенского Юрия (Георгия) Николаевича не должно быть забыто. Это наша гордость и ее надо оставить, всем поколениям.

Поэтому мы просим администрацию и депутатов дать согласие присвоить это имя поликлинике или зданию станции «Скорой помощи», и повесить мемориальную доску на доме, где в последний год своей работы он вел вечерний врачебный прием.

Затем следует 27 подписей с указанием года рождения и домашнего адреса.